

ISSN 2410-2415

ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

РОССИЯ И МИР

2 (24)

2020

Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 30 января 2019 г.) по следующим специальностям:

- 07.00.15 «История международных отношений и внешней политики»;
- 08.00.14 «Мировая экономика»;
- 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»;
- 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития».

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка:

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты и журналы» на 2-е полугодие 2020 г. – 94182.

Редакционная коллегия сохраняет в авторской интерпретации все названия и личные имена.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

Редакционная коллегия

Жильцов С.С. – главный редактор, д-р полит. наук

Гаврилова С.М. – заместитель главного редактора, канд. ист. наук

Аникин В.И. – д-р экон. наук

Иванов О.П. – д-р полит. наук

Каширина Т.В. – д-р ист. наук

Косов Г.В. – д-р полит. наук

Кулябина Л.Н. – канд. полит. наук

Липкин М.А. – д-р ист. наук

Мастепанов А.М. – д-р экон. наук

Неймарк М.А. – д-р ист. наук

Ногмова А.Ш. – канд. полит. наук

Усманов Р.Х. – д-р полит. наук

Цвык В.А. – д-р филос. наук

Юнгблюд В.Т. – д-р ист. наук

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

Дипломатическая академия МИД России

www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Издатель: Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Неймарк М.А.</i> Санкции и геополитика: фантомные боли русофобии	6
<i>Руднева А.О.</i> Реализация геоэкономических интересов России на постсоветском пространстве.	20

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Зверева Т.В.</i> Политика Франции в отношении России: новый этап.	32
<i>Мищенко Н.В.</i> К вопросу о независимости Шотландии	48
<i>Гаврилова С.М.</i> Россия и Италия: тенденции сотрудничества	64
<i>Табаринцева-Романова К.М.</i> От устойчивого развития к военному сотрудничеству: две грани внешней политики Италии.	78
<i>Кулябина Л.Н.</i> Усилия стран Северной Европы по реализации Целей устойчивого развития	89
<i>Жилина Л.Н.</i> Российская диаспора в странах Балтии и ее роль во внешней политике России	103
<i>Шематинова Е.А.</i> Вышеградская четверка: трансформации и перспективы	117
<i>Рожков И.С.</i> Каспийское измерение внешней политики России на современном этапе	132
<i>Колосова И.В.</i> Диалог религий в международных отношениях (на примере стран Центральной Азии)	148
<i>Мамедова Н.М.</i> Ситуация в Иране в свете новых санкций.	159
<i>Троянский М.Г., Карпович О.Г.</i> Политика США в Латинской Америке: доктрина Монро 3.0	176
<i>Каблуков К.С.</i> Президентские выборы и проблемы демократии в Индонезии.	189

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Гришаева Л.Е.</i> Черчилль о Второй мировой войне: спорные вопросы истории.	202
<i>Акимов Ю.Г.</i> Франко-канадский/квебекский национализм и зарождение квебекской парадипломатии.	225

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Качалова А.В.</i> Каспийская константа российской внешней политики	239
К сведению авторов	249

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World

ISSN 2410-2415

Periodicity of issue – 4 times per year.

Academic periodic journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World” is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014 r. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on January 30, 2019).

- 07.00.15 «The history of international relations and foreign policy»;
- 08.00.14 «World economy»;
- 23.00.02 «Political institutions, Processes and Technologies»;
- 23.00.04 «Political problems of international relations, global and regional development».

The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia” may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in the Consolidated Catalogue “Press of Russia. Newspapers and Journals” for the 2nd half of 2020 – 94182.

The Editorial Board keeps all titles and personal names in the author’s interpretation. The opinion of the editorial Board may not coincide with the opinion of the authors.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov – Editor-in-Chief, DSc (Political Science)
Svetlana Gavrilova – Deputy Editor-in-Chief, PhD (History)
Vladimir Anikin, DSc (Economics)
Oleg Ivanov, DSc (Political Science)
Tatiana Kashirina, DSc (History)
Gennadiy Kosov, DSc (Political Science)
Lidiya Kuliabina, PhD (Political Science)
Mikhail Lipkin, DSc (History)
Alexey Mastepanov, DSc (Economics)
Mark Neimark, DSc (History)
Adelina Nogmova, PhD (Political Science)
Rafik Usmanov, DSc (Political Science)
Vladimir Tsvyk, DSc (Philosophy)
Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
Diplomatic Academy, MFA, Russia
www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher: Diplomatic Academy, MFA, Russia, 53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).
Reg. No. ПИ № ФС77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Mark Neimark.</i> Sanctions and Geopolitics: Phantom Pain of Russophobia	6
<i>Anastasiya Rudneva.</i> Realization of Russia's Geoeconomic Interests in the Post-Soviet Space	20

REGIONAL PROBLEMS

<i>Tatiana Zvereva.</i> France's Policy Towards Russia: A New Stage	32
<i>Nina Mishchenko.</i> Revisiting the Issue of Independence of Scotland	48
<i>Svetlana Gavrilova.</i> Russia and Italy: Trends in Cooperation	64
<i>Ksenia Tabarintseva-Romanova.</i> From Sustainable Development to Military Cooperation: Two Facets of Italian Foreign Policy	78
<i>Lidiya Kuliabina.</i> The Nordic Countries' Efforts to the Sustainable Development Goals Implementation	89
<i>Lyudmila Zhilina.</i> Russian Diaspora in the Baltic States and its Role in Russia's Foreign Policy	103
<i>Ekaterina Shematinova.</i> Vishegrad Four: Transformations and Perspectives	117
<i>Ilya Rozhkov.</i> The Caspian Dimension of Russian Foreign Policy at the Present Stage	132
<i>Irina Kolosova.</i> Dialogue of Religions in the International Relations (On the Example of Central Asian States)	148
<i>Nina Mamedova.</i> The Situation in Iran in the Context of Renewed Sanctions.	159
<i>Mikhail Troyansky, Oleg Karpovich.</i> US Policy in Latin America: Monroe Doctrine 3.0	176
<i>Kirill Kablukov.</i> Presidential Election and Democratic Issues in Indonesia	189

HISTORY AND RELIGION

<i>Lidiya Grishaeva.</i> Churchill About the Second World War: Disputed History Issues	202
<i>Yury Akimov.</i> French Canadian / Québécois Nationalism and the Beginning of Quebec Paradiplomacy.	225

ACADEMIC LIFE

<i>Alexandra Kachalova.</i> Constancy of Russian Caspian Policy	239
Notice to the authors	249

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Неймарк Марк Афроимович,

доктор исторических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.

E-mail: mark.neimark@mail.ru

Mark A. Neimark,

Doctor of History, Professor,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.

E-mail: mark.neimark@mail.ru

САНКЦИИ И ГЕОПОЛИТИКА: ФАНТОМНЫЕ БОЛИ РУСОФОБИИ

SANCTIONS AND GEOPOLITICS: PHANTOM PAIN OF RUSSOPHOBIA

Аннотация: базовый концептуальный стержень статьи – санкции как инструмент глобальной политики, который на Западе, прежде всего в США, пытаются «рентабилизовать» в своих интересах. Ограничительные меры и санкции, используемые фактически как альтернатива традиционной дипломатии, нарушают и всё больше вытесняют давно сложившиеся в международных отношениях правила и кодексы. Санкции сегодня – адаптированный к новым геополитическим условиям инструмент внешнеэкономического и внешнеполитического воздействия на подсанкционные страны в целях ослабления, дестабилизации и даже смены их политических режимов. В систематизированном виде в статье представлены основные направления эскалации антироссийских санкций в последние годы, ставящие целью сдержать военно-политическую активность России и ослабить ее экономический потенциал. В статье оценивается совокупный эффект санкционного давления Запада на Россию под углом зрения перспектив ее долгосрочного развития. Автор рассматривает антироссийские санкции в неразрывной связи с русофобскими тенденциями и проявлениями в западных странах. Он исходит из того, что современная русофобия в геополитике – феномен системный: ценностный, мировоззренческий, политический, экономический и социокультурный.

Ключевые слова: Россия, геополитика, международные отношения, санкции, русофобия, США, Евросоюз.

Abstract: the conceptual basis of the article is sanctions as the instrument of the global politics that on the West, particularly in the USA are attempted to be “rentabilized” to their

advantage. The restrictive measures and sanctions are used in fact as an alternative to the traditional diplomacy, violate and progressively displace rules and codes long-established in the international relations. Sanctions today are an instrument of foreign economic and foreign policy influence on sub-sanction countries, which is adapted to new geopolitical conditions, with the goal of weakening, destabilizing and even changing their political regimes. In a systematic way, the article presents the main directions of the escalation of anti-Russian sanctions in recent years, aimed at restraining the military-political activity of Russia and weakening its economic potential. The article assesses the cumulative effect of Western sanctions on Russia in focus of the perspective of its long-term development. The author considers anti-Russian sanctions inextricably linked with Russophobic trends and manifestations in Western countries. He proceeds from the fact that modern Russophobia in geopolitics is a systemic phenomenon: value, worldview, political, economic, social and cultural.

Key words: Russia, geopolitics, international relations, sanctions, Russophobia, USA, European Union.

Накопление конфликтогенных факторов в мировой политике и геополитических диссонансов в последние годы происходит в условиях нарастающего санкционного давления на Россию со стороны Запада, прежде всего США. «Отрубить собаке хвост по самую шею» – такова, если использовать китайскую поговорку, суть американской стратегии сдерживания России, органической частью которой являются санкции против нее. Целевое предназначение санкций раскрывают сами американские политики и эксперты. Однако наиболее ярко и категорично высказался по этому вопросу Дж. Най, входящий в рейтинговую десятку наиболее влиятельных аналитиков США: «Общим для всех санкций является манипулирование экономическими операциями в политических целях» [10, с. 133]. И далее еще жестче: «Главной целью санкций является изменение поведения, сдерживание и смена режима в другой стране» [10, с. 137]. Откровеннее не скажешь.

В высшей степени симптоматично совпадение этой точки зрения с выводами Чеза Фримена, высокопоставленного в прошлом американского дипломата, ныне – аналитика-международника в Институте мировой и публичной политики им. Уотсона в Университете Брауна, который также откровенно охарактеризовал исходную цель американских санкций: принудить к покорности страну, против которой они вводятся. Причем, подчеркивает он, после введения санкции становятся «не средством, а целью». Поэтому, заключает Ч. Фримен, их успех определяется тем, «сколь-ко неприятностей и лишений мы сумели доставить противнику». И далее не менее откровенно: «Мы вводим санкции как символ нашего недовольства и чтобы дать нашим политикам ощутить

себя крутыми ребятами, хотя в действительности эти действия могут быть безответственными и никчемными» [13].

Отличительная особенность американской санкционной парадигмы – преемственность и развитие. Она имеет свою геополитическую предысторию, доктринальную базу которой американское руководство заложило фактически сразу после окончания Второй мировой войны. В директиве Совета национальной безопасности США от 18 августа 1948 г. № 20/1 под названием «Цели США в отношении России», рассекреченной лишь 30 лет спустя, говорилось, что при государственном планировании ныне, до возникновения войны, следует определить цели, достижимые как во время мира, так и во время войны, «сократив до минимума разрыв между ними» [15]. Целевые установки формулировались четко, со всей политической определенностью: в корне изменить теорию и практику международных отношений, которых придерживается советское правительство, с тем чтобы Советский Союз был слабым в политическом, военном и психологическом отношении по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля. При этом особо оговаривалась необходимость добиться его значительной экономической зависимости от внешнего мира на условиях, которые должны быть «подчеркнуто тяжелыми и унижительными для коммунистического режима» [15]. Главное, что в современных условиях особо актуализирует давний документ Совета национальной безопасности США, – это подчеркнуто выделенное в нем намерение осуществлять указанные выше цели и задачи так, чтобы «ответственность за них правительства США не была явной», а «в случае обнаружения правительство Соединенных Штатов могло с правдоподобностью отрицать какую-либо ответственность за них» [15].

Санкционное давление США на Москву продолжалось и в последующие годы. В 1949 году в соответствии с принятым Законом об экспортном контроле вводились ограничения или запрет экспорта стратегических материалов, оборудования, новейших технологий и высокотехнологичной продукции. Длительное время действовал созданный в том же году Coordination Committee for Multilateral Export Control (COCOM) – отлаженный механизм санкционной политики ведущих стран Запада, регулировавший поставки товаров и технологий в Советский Союз.

Отчетливо выраженную политическую подоплеку имела санкционная поправка Джексона – Вэника, которая была направлена прежде всего на ослабление советского экономического потенциала. Она отменяла режим наибольшего благоприятствования в торговле и предоставление кредитов и кредитных гарантий государствам, ограничивающим право своих граждан на эмиграцию (в СССР это касалось прежде всего евреев, желающих выехать на постоянное жительство за рубеж). В 1975 году (президентство Дж. Форда) эта поправка конкретизировалась в американском Законе о торговле в виде раздела «Свобода эмиграции в торговых отношениях Восток – Запад».

Санкционная политика продолжалась при последующих президентах США. Дж. Картер принял решение о расторжении зернового контракта в 1979 году; Р. Рейган отличился два года спустя запретом на поставку в СССР американскими компаниями электронного и нефтегазового оборудования. При нем был объявлен бойкот Олимпийским играм в Москве, в которых под давлением США не приняли участие десятки государств.

По подсчетам самих американцев, всего за пять лет, с 1996 по 2001 год, США в одиночку применили 85 новых санкций, что дало повод некоторым американским острословам иронизировать, что США применяли санкции против половины человечества.

В настоящее время санкционное давление на Россию приобрело беспрецедентный размах. Это: так называемый список Магницкого; последовательное расширение и ужесточение санкций после воссоединения Крыма с Россией и событий на юго-востоке Украины; откровенно антироссийский доклад Макларена, который привел к отстранению команды российских спортсменов от участия в Олимпийских и Паралимпийских играх в Рио-де-Жанейро в 2016 году; запрет на выступление под национальным флагом российских спортсменов на Чемпионате мира по легкой атлетике; и т.п.

Западные экономические санкции фокусировались на адресном замораживании активов и визовых ограничениях для определенного круга российских физических лиц и связанных с ними организаций. Был введен запрет на деловые отношения с ними, прерваны военно-технические контакты, приостановлен процесс

принятия России в Организацию экономического сотрудничества и развития, заморожены инвестиционные проекты, финансовое обеспечение которых шло по линии Европейского инвестиционного банка и Европейского банка реконструкции и развития. Секторальные экономические санкции в отношении крупнейших российских банков, оборонной промышленности и энергетики были введены Евросоюзом. Запрещена передача России технологий и оборудования для нефтяной промышленности в области глубоководного бурения, геологоразведки в Арктике и разработки сланцевых месторождений. Запрещалась поставка товаров и технологий двойного назначения. США запретили своим гражданам проводить операции с ведущими российскими оборонно-промышленными компаниями.

Отдельный блок санкций касался непосредственно Крыма. Так, на его территории платежные системы Visa и MasterCard приостановили операции с банковскими картами; ограничения распространились на покупку недвижимости и предприятий, предоставление строительных, инженерных и туристических услуг, продажу ряда товаров и технологий. Не мог остаться без последствий запрет Евросоюза резидентам входящих в него стран предоставлять инвестиции в инфраструктурные и энергетические проекты в Крыму, осуществлять продажу оборудования для этих секторов, а также покупать многие товары крымского происхождения [см.: 6].

Таким образом, санкционная доктрина США в современном виде по-прежнему в значительной степени определяет уровень и качество российско-американских межгосударственных отношений. Это наглядно проявилось в ходе событий на Украине, интернационализации украинского кризиса и подготовки санкций против России. Сенсационным по своей необычной откровенности стало заявление государственного секретаря США Дж. Керри в августе 2015 года: «Нам и так непросто убеждать Европу давить на Россию из-за Украины» [8]. В августе 2017 года Д. Трамп подписал Закон «О противодействии противникам США посредством санкций», нацеленный на Россию, которой в 184-страничном документе отведено 98 страниц, а также на Иран и КНДР. Суть и целевую установку санкционного давления США на Россию наглядно характеризует само название конкретного раздела этого документа – «Акт о противодействии российскому влиянию в Европе и Евразии».

В силу того, что впервые в современной истории США Россия стала реальным фактором ее внутривластной жизни, феномен Трампа с неизбежностью органично вписался в традиционную санкционную политику США против нашей страны. Обновленная версия законопроекта Daska-2019 («Закон о защите безопасности США от агрессии Кремля»), который американские сенаторы назвали «санкциями из ада», предполагает:

- запрет на инвестиции в российские СПГ-проекты за пределами России стоимостью более 1 млн долл.;
- запрет на инвестиции в другие энергетические проекты за рубежом, если эти проекты связаны с Российским государством или если их стоимость превышает 250 млн долл.;
- запрет на продажу технологий и инвестиции в нефтяные проекты на российской территории стоимостью более 1 млн долл.;
- запрет на операции с новыми выпусками российских облигаций;
- санкции в отношении российских банков, которые каким-либо образом способствовали вмешательству Москвы в выборы в любых государствах за пределами России;
- санкции в отношении лиц и организаций, которые, по мнению президента США, связаны с хакерами и другими киберпреступниками;
- санкции в отношении политиков, бизнесменов и других лиц, которые способствовали коррупции в России или получали выгоду от коррупционной деятельности;
- санкции в отношении офицеров ФСБ за арест украинских моряков в Керченском проливе [14].

В последние годы численность санкционной коалиции во главе с США приближается к 40 странам. Однако и это не рекорд: американский санкционный бойкот Московской летней олимпиады 1980 года поддержали 64 страны.

Анализируя изложенную конкретику нынешних антироссийских санкций, эксперты выделяют четыре основных этапа в их применении.

На первом этапе (целевых санкций: 17 марта – 15 июля 2014 г.) они были направлены против отдельных физических и юридических лиц, действия которых обосновывались тем, будто они угрожали территориальной целостности и политической стабильности

Украины непосредственно в ходе, а также в первые месяцы после воссоединения Крыма и Севастополя с Российской Федерацией.

На втором этапе (секторальных санкций: 16 июля – 11 сентября 2014 г.) поводом к их введению стали обострение вооруженного противостояния на Востоке Украины и обвинения России в поддержке непризнанных Донецкой и Луганской народных республик. Важный момент: санкционное давление было направлено уже не на «наказание» конкретных субъектов, а на нанесение ущерба целым секторам российской экономики – топливно-энергетическому, финансовому, военно-промышленному, причем независимо от того, вовлечены ли компании этих секторов в украинский кризис.

Особенность третьего этапа (12 сентября 2014 г. – 1 августа 2017 г.): отсутствие прогресса в выполнении Минских соглашений, вина за которое перманентно возлагалась на Россию, служило предлогом для продления санкций против нее: со стороны Евросоюза – на полгода и со стороны США – на один год. Наиболее массивные антироссийские санкции были введены в сентябре 2016 года, под действия которых подпали более 100 отечественных компаний.

Специфику антироссийских санкций на четвертом, нынешнем, этапе определяет перенос акцентов с их непосредственного уязвления с восстановлением территориальной целостности Украины в границах 2013 года на противодействие России по широкому фронту ее внешнеполитических приоритетов, импульсом к которому послужили ничем не доказанные обвинения России во вмешательстве в процесс президентской избирательной кампании в США [см.: 2, с. 29–30].

Санкционная стратегия США ставит исходными целями подержание господствующих позиций в мире и сохранение в том или ином виде сложившейся в 1990-х годах пирамидальной модели глобализации, препятствуя формированию новых центров силы. В отечественном экспертном сообществе обоснованно выделяют группу факторов, характеризующих плотное переплетение геоэкономических и геополитических устремлений США. Первый – ужесточение контроля над иностранными инвестициями в «чувствительные» сектора экономики. Второй – политика медленного «удушения» конкурентов, давление финансово-эко-

номическими методами. Третий – попытка занять положение регулятора технологического развития других государств без прямых угроз военной эскалации в чей-либо адрес. Четвертый – политика, ставящая неугодные США страны перед вынужденным выбором между логикой экономического развития и логикой геополитического противостояния [7].

В основе американского культового мессианства лежит исходная макроисторическая идея о глобальной роли США в развитии мироустройства по тем лекалам и стандартам, которые определяют сами США. Распад СССР и кардинальное изменение глобальной международной ситуации отнюдь не ослабили давнее стремление США американизировать системообразующие функции регулирования структурных характеристик, форм и параметров политического мироустройства. В своей основе сохранились прежние представления американских политических элит о системе международных отношений и миропорядке, а также ценностно-идеологические принципы внешнеполитического поведения США. Лишь немногие идеи и концепции исчезли с окончанием «холодной войны»: «Напротив, большинство из них вышло за пределы того политико-исторического контекста, в котором они появились. Они продолжают существовать до сих пор, принимая на себя новые политико-идеологические функции, наполняясь иным содержанием, но при этом продолжая логику тех мотивационных, ценностных и идейных элементов, которые развились в сознании элит Запада в годы существования биполярного миропорядка» [5, с. 297].

Мессианские устремления политической элиты США в значительной степени определяют ее стратегическое видение вызовов и угроз современного мира, перспектив развития международных отношений, не говоря уже о внешнеполитических действиях руководства страны, совершаемых без особой оглядки на институционализацию международной среды. Збигнев Бжезинский в свое время высказывался на этот счет со всей определенностью: «Теперь распространение демократии становится нашей целью, нашей миссией, пусть даже *это приходится делать силой*» (выделено мной. – М.Н.) [4, с. 251]. Конкретизируя свою оценку, он заявлял: «И хотя результаты демократического миссионерства в целом не так уж плохи, у него есть свои недостатки – и в том, что ширма

демократизации используется как предлог для достижения иных целей, как в Ираке, и в том, что *нам случалось существенно отступать от своей универсальной приверженности демократии, когда нам это было удобно*» (выделено мной. – М.Н.) [4, с. 253].

Иными словами, новое – вновь не забытое старое: такова сегодня суть американских актуализированных санкций против России. В.В. Путин так охарактеризовал их стратегическую направленность: «Они не унижить нас хотят, они хотят нас подчинить, хотят за наш счет решать свои проблемы. Хотят подчинить нас своему влиянию. Никогда ни у кого в истории в отношении России этого не получалось и ни у кого не получится» [12].

Антироссийская санкционная стратегия США в значительной степени определяется подспудно беспредельной убежденностью американского властного истеблишмента в геополитической «вторичности» Российского государства после обрушения сверхдержавного статуса СССР, в сохранении которой санкциям отводилась важная роль. В стратегическом плане эти санкции призваны препятствовать восстановлению России как глобальной силы, способной в полной мере участвовать не только в формировании международной повестки дня, но и в ее эффективной реализации с учетом долгосрочных национально-государственных интересов страны. «Российские интересы, – отмечает Ф. Лукьянов, – не принимаются во внимание даже не из зловредности, а из неспособности признать их наличие – подспудно к России относятся как к “парии”, с которой приходится иметь дело лишь потому, что ее никак не обойдешь» [9].

Характеризуя ухудшение российско-американских отношений к концу второго президентского мандата Барака Обамы, французская газета «Фигаро» констатировала, что «американская одержимость дискредитацией Москвы отражает желание Вашингтона продолжать давление на положение дел в мире» [17]. Вместо того, чтобы осуществлять функции лидера-миротворца, США усугубляют всемирные разломы, отказываясь признать легитимными стремления народов к сохранению стратегической независимости и идеологической автономии, подчеркивается в указанной статье, название которой – «Антироссийская одержимость, или Завещание Обамы», – красноречиво говорит само за себя. «Одна лишь Россия Владимира Путина оказывает упор-

ное сопротивление претензиям США на грубое командование процессом глобализации». В этом отношении обличение России в кибервойне и во вмешательстве Кремля в избирательный процесс, приведший Дональда Трампа к власти, – вполне в русле дискредитации любой формы противодействия американскому взгляду на большие мировые расклады. И главный вывод: «Подразнивание Путина добросовестно ведется правительством США уже многие годы – оно выражает не нравственную позицию, а бессилие американских элит мыслить иначе. С учетом того, что Вашингтон упорно терпит неудачи на международной арене, государственные умы возвращаются к добрым старым методам найти идеального кандидата на роль врага!» [17].

Наиболее полно, пожалуй, совокупность целевых установок антироссийской санкционной стратегии США, представлена в профильном исследовании РСМД¹:

- воздействие на политическую систему России, дискредитация и изоляция политического руководства страны, фрагментация российской политической элиты;
- превращение России в «токсичного» партнера для стран, которые не присоединились к политике санкций, подрыв авторитета России на международной арене;
- изоляция России от инвестиций и передовых технологий в критичных для нее областях, финансовое давление на Россию, подрыв доверия инвесторов к ней;
- консолидация европейских союзников на фоне «российской угрозы», укрепление американского влияния в Европе;
- стимулирование европейских стран к расширению номенклатуры санкций и к финансовым вложениям в идеологическое противодействие России;
- вытеснение России с энергетических рынков Европы в интересах американских поставщиков, решение аналогичных задач на глобальном рынке вооружений и военной техники;
- превращение России в европейского «изгоя», использование России в политике идентичности в качестве узнаваемого врага;
- устранение России в качестве активного игрока на постсоветском пространстве;

¹ Российский совет по международным делам.

- радикальная смена российского внешнеполитического курса по всем ключевым направлениям.

Из этого следует вывод, что «санкции подразумевают коренную смену российского внешнеполитического курса и всеобъемлющие изменения российской государственности. Попросту говоря, санкции будут действовать до тех пор, пока Россия остается великой и самостоятельной державой» [11, с. 98].

Наглядное представление о систематизированном санкционном давлении Запада, прежде всего США, на Россию дает таблица 1 [1, с. 145].

Таблица 1

Западные санкции в отношении Российской Федерации

Санкции в отношении государства как актора международных отношений	Санкции в отношении негосударственных акторов
Исключение России из «Большой восьмерки». Замораживание военно-технического сотрудничества с НАТО, США и ЕС, включая сокращение сотрудничества в Арктике. Сворачивание межправительственного диалога в традиционных форматах российско-американской президентской комиссии, Совета Россия – НАТО, Россия и Совет Европы ¹ . Прекращение сотрудничества в области мирного атома. Прекращение сотрудничества в области борьбы с международным наркотрафиком и незаконным оборотом наркотиков. Сворачивание сотрудничества по борьбе с международным терроризмом. Введение комплекса ограничительных мер в отношении Крыма и Севастополя как субъектов Российской Федерации. Ограничения вещания российских телеканалов	Замораживание международными платежными системами Visa и MasterCard операций ряда российских банков (включая заморозку операций с банковскими картами на территории Крыма). Санкции в отношении финансово-банковской системы (в том числе английский The Criminal Finances Bill – «Закон о криминальных финансах»). Таргетированные ограничительные меры в отношении представителей бизнес- и политической среды (в том числе положение о «политически значимых лицах»)

Речь идет прежде всего о санкционно-акцентированном выражении адаптационного механизма американской стратегии сдерживания России в современных условиях. О том, сколь важное внешнеполитическое значение придается руководством США санкционным вопросам, свидетельствует тот факт, что в 2013 году в Государственном департаменте создана специализированная структура, призванная координировать санкционные режимы США: до этого управление ими было рассредоточено по разным министерствам и ведомствам.

¹ Благодаря усилиям российской дипломатии Россия вернулась в Совет Европы в качестве полноправного члена.

Свою санкционную специфику приобретают действия Евросоюза. По решению нового председателя Европейской комиссии Урсулы фон дер Ляйен существенная часть санкционных функций ЕС переходит от Верховного представителя ЕС по иностранным делам и безопасности к генеральному директору по финансовой стабильности, финансовым услугам и союзу рынков капитала, компетенции которого распространяются за счет руководства деятельностью структурного подразделения, ранее входившего в состав внешнеполитической службы. Тем самым санкции всё больше концентрируются в финансовой сфере ЕС. Их главная цель – обеспечение экономического суверенитета Евросоюза, учитывающее экстерриториальные санкции третьих стран: они не называются, но явно имеются в виду США.

В оборонном бюджете США на 2020 год зафиксированы санкции против реализации «Северного потока – 2». Опасаясь их последствий – блокировки счетов и прекращения транзакций через американские платежные системы, – швейцарско-голландская компания «Allseas», которая непосредственно занималась прокладкой труб по морю, была вынуждена подчиниться санкционному давлению США и приостановить свое участие в этом проекте [см.: 3].

Американские санкционные законы, действия которых вольготно распространяются за пределами США, вызывают критику даже их союзников в ЕС. Так, в декабре 2019 года канцлер ФРГ А. Меркель заявила в бундестаге, что Германия выступает против экстерриториальных санкций, которые США вводят из-за «Северного потока – 2». В своем выступлении президент Германии Ф.-В. Штайнмайер призвал «разработать европейскую политику по отношению к России, которая не ограничивается одними только осуждающими заявлениями и санкциями». Он исходит из того, что Европа не должна мириться со всё большим отчуждением России. «Мы нуждаемся в других, лучших отношениях ЕС с Россией и России с ЕС» [16].

Здесь впервые за последние годы, пожалуй, столь выпукло обозначилось совпадение позиции ЕС с заявленным в Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 года принципиальным подходом России в этом вопросе: «Россия не признает экстерриториального осуществления США своей юрисдикции

вне рамок международного права, не приемлет попыток оказания военного, политического, экономического или иного давления и оставляет за собой право жестко реагировать на недружественные действия...».

В связи с этим остается принципиальный вопрос: в какой мере кажущаяся новизна санкционной бесконечности или бесконечность ее устоявшейся новизны будет определять стратегический вектор отношений Запада, в первую очередь США, с Россией? Обоснованность этого вопроса наглядно подтверждает очередное продление западных санкций против России даже на пике смертоносной коронавирусной пандемии, эффективное противодействие которой требует глобального конструктивного сотрудничества и партнерства.

Литература

1. *Ананьев Б.И.* Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации // Вестник международных организаций. – Т. 14. – 2019. – № 3. – С. 136–150.
2. *Афонцев С.* Ловушка санкционного режима // Политика санкций: цели, стратегия, инструменты: хрестоматия / [сост. И.Н. Тимофеев, Т.А. Махмутов]; РСМД. – М.: НП РСМД, 2018. – С. 29–35.
3. *Белов В.* «Северный поток – 2» в контексте Мюнхенской конференции по безопасности // Аналитическая записка Института Европы. – 2020. – № 4. – 7 с.
4. *Бжезинский З., Скоукрофт Б.* Америка и мир. Беседы о будущем американской внешней политики. – М., 2012. – 320 с.
5. *Войтоловский Ф.Г.* Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка, 1940–2000-е годы. – М., 2007. – 454 с.
6. *Загашвили В.* Западные санкции и российская экономика // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 11. – С. 67–77.
7. *Кадомцев А.* Санкции – опасная иллюзия мировой политики // Международная жизнь, 22.06.2019. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/22898> (дата обращения: 12.02.2020).
8. Комсомольская правда. – 2015. – 19 авг.
9. *Лукьянов Ф.* Начать с себя и собой закончить // Россия в глобальной политике. – 2020. – № 1. – URL: <https://globalaffairs.ru/number/Nachat-s-sebya-i-soboi-zakonchit-20338> (дата обращения: 12.02.2020).
10. *Най Дж.* Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. – М.: АСТ, 2014. – 444 с.
11. Политика санкций: цели, стратегия, инструменты: хрестоматия / [сост. И.Н. Тимофеев, Т.А. Махмутов]; РСМД. – М.: НП РСМД, 2018. – 282 с.
12. Путин: США хотят подчинить Россию своему влиянию // ТАСС. – 2014. – 18 нояб. – URL: <https://tass.ru/politika/1580965> (дата обращения: 12.02.2020).
13. *Фримен Ч.* Дипломатия – утраченное искусство? // Россия в глобальной политике. – 2015. – URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Diplomatiya--utrachennoe-iskusstvo-17744> (дата обращения: 19.02.2020).
14. Defending American Security from Kremlin Aggression Act of 2019 // Senate. – 18.12.2019. – URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/482/text> (accessed: 12.02.2020).

15. NSC 20/1 – US Objectives with Respect to Russia // Records of the National Security Council on deposit in the Modern Military Records Branch, National Archives. – Washington, D.C., 18.08.1948. – URL: <https://archive.org/details/NSC201-USObjectivesWithRespectToRussia/page/n1> (accessed: 20.02.2020).
16. Opening Statement by Frank-Walter Steinmeier / Munich Security Conference (February 14th, 2020). – URL: <https://securityconference.org/en/medialibrary/asset/opening-statement-by-frank-walter-steinmeier-20200214-1515/> (accessed: 19.02.2020).
17. L'obsession anti-russe ou le testament d'Obama // Le Figaro. – 17.01.2017.

Руднева Анастасия Олеговна,

кандидат экономических наук, доцент,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.
E-mail: aoru@mail.ru

Anastasiya O. Rudneva,

PhD (Economics), Associate professor,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.
E-mail: aoru@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

REALIZATION OF RUSSIA'S GEOECONOMIC INTERESTS IN THE POST-SOVIET SPACE

Аннотация: в статье рассматриваются возможности реализации российских геоэкономических интересов при сохранении важности и приоритетности государственного регулирования смешанной экономики в контексте вовлечения России в региональные интеграционные объединения. Анализируются предпосылки современного видения региональной интеграции с использованием метода историзма. Речь идет об интеграции на постсоветском пространстве с ограниченным числом акторов в рамках ЕАЭС. Данная модель интеграции обусловлена как объективной невозможностью вовлечения в нее большого числа республик бывшего Советского Союза, так и субъективной ориентированностью России на избирательное взаимодействие с государствами, политическое руководство которых имеет схожее понимание целеполагания интеграции. Автор делает особый акцент на значимости кооперации интегрирующихся стран в условиях нарастания турбулентности мирохозяйственных взаимодействий, когда ни одно государство, в том числе и Россия, не сможет сохранить свой статус-кво. В этом смысле глобальные вызовы проверяют интеграцию на прочность и во многом видоизменяют направления ее развития в контексте более широкого сотрудничества акторов интеграции с третьими странами, в том числе с Китаем и Индией.

Ключевые слова: мировая экономика, международные экономические отношения, внешняя торговля, интеграция, Россия, Китай, ЕАЭС, риски, нефть, геоэкономика.

Abstract: the article considers the possibilities of realizing Russian geoeconomic interests while maintaining the importance and priority of the state regulation of the mixed economy in the context of Russia's involvement in regional integration associations. The prerequisites of the modern vision of the regional integration using the method of historism are analyzed. It is about the integration in the post-Soviet space with a limited number of the actors within the framework of the EAEU. This model of integration is due both to the objective impossibility of involving a large number of republics of the former Soviet Union, and to Russia's subjective orientation towards selective interaction with states whose political leadership has the similar understanding of the purpose of the integration. The author places special emphasis on the importance of cooperation between the integrating countries in conditions of increasing turbulence of world

economic interactions when no country including Russia will be able to maintain its status quo. In this sense, the global challenges test the integration and modify its direction of development in many ways in the context of broader cooperation of the integration actors with third countries including China and India.

Key words: world economy, international economic relations, foreign trade, integration, Russia, China, EAEU, risks, oil, geoeconomics.

Для того чтобы оценить место и роль отдельно взятой экономики, необходимы экономические показатели – сравнивая их, можно выстроить иерархию всех хозяйственных систем мирового сообщества. Ключевое значение в этом смысле приобретает валовой внутренний продукт (ВВП), рассчитанный на душу населения. Современные экспертные оценки опираются именно на ВВП. Чем он выше, тем более весома экономика, тем масштабнее ее конкурентный потенциал, тем в большей мере она в состоянии задавать тренды мирохозяйственного развития.

В данном контексте в определенном смысле экономическим атавизмом видится деление стран на развитые, развивающиеся, а также страны с переходной экономикой, поскольку в основе этой классификации лежит, по сути, не объективный экономический критерий, а дискриминация, пусть и ассиметричная. В ее поле оказалась группа стран бывшего социалистического лагеря, которая экспертным сообществом была отнесена к экономикам переходного типа. Такое изолирование в отдельную группу не имело экономического обоснования – все переходные экономики можно было инкорпорировать в группу развивающихся стран. Однако были политические причины: сложилась бинарная оппозиция, в которой переходным экономикам для того, чтобы преодолеть накопившиеся экономические и социально-политические противоречия, «предписывалось» встать на рыночные рельсы, изменив подходы к пониманию необходимости и целесообразности государственного регулирования.

В этой группе, столь неоднородной по макроэкономическим показателям, оказалась и Россия (для сравнения: ее доля в международной торговле составляет 2%); здесь находятся также Казахстан – 0,3%, Украина – 0,2%, Беларусь – 0,1%, Сербия – 0,1% [9]. С момента распада Советского Союза Россия прошла через непростые этапы экономических трансформаций, «в ходе которых сформировались определенные диспропорции. Они были связаны с гипертрофированностью добывающей промышлен-

ности и с ее исключительной инвестиционной привлекательностью» [8, с. 297].

Причина, по которой российский хозяйственный механизм подвергался целенаправленным воздействиям западного политического истеблишмента в части инкорпорирования рыночных элементов, заключалась в необходимости восстановить экономику, поскольку дальнейшее игнорирование накопленных проблем было чревато нарастанием экзогенных рисков вплоть до полной экономической деградации и утраты суверенитета.

Геоэкономические интересы России укладывались в концепцию адаптации и выживания, а для этого необходимо было что-то менять. Эффективность рыночного механизма не вызывала сомнений. Все страны первого эшелона, включая Соединенные Штаты Америки, придерживались и придерживаются неолиберальных подходов, предполагающих временное и избирательное государственное вмешательство, в то время как рынку с его функцией санации отводится главенствующая роль.

Однако на пути рыночных трансформаций российскую экономику ожидал ряд проблем. Слишком длительный период времени она находилась в рамках, заданных государством и интеграционными взаимодействиями с другими республиками Советского Союза.

Рассматривая целесообразность и необходимость тесного и глубокого взаимопереплетения экономической и политической компонент в советской экономике и формирования в качестве стержневого элемента партии и ее лидера, необходимо отметить следующее. Именно геоэкономические интересы России диктовали плановый подход. Страна, «обладающая 20% мировых сырьевых запасов, занимающая первое место в мире по запасам газа (45% мировых запасов), второе – по уровню добычи нефти (13%), третье – по запасам угля (20%)» [5, с. 6; 6, с. 51], была вынуждена и, более того, обречена на постоянную борьбу с внешними угрозами, источником которых выступали различные оппоненты. Чем выше сырьевой потенциал, тем больший интерес он вызывает, и реализуется он отнюдь не в рамках рыночных подходов. Это – целенаправленные действия государственных и корпоративных акторов, подрывающих целостность не только хозяйственного механизма, но и механизма политического.

Геоэкономические интересы России были напрямую связаны с размером ее территории. Необходимо рассматривать государственную границу как зону перманентного риска. Через нее в страну устремляются потоки, в том числе нелегальные, товаров, услуг, капитала, рабочей силы, и чем она протяженней, тем больше усилий необходимо прикладывать для ее контроля.

Цели снижения рисков может служить интеграция с отдельными странами-соседями, которая в полной мере вписывается в концепцию реализации геоэкономических интересов России. Речь идет прежде всего о странах, которые ранее входили в состав СССР. Сложившееся между членами Союза региональное разделение труда обеспечивало нужды российской экономики в необходимом сырье, материалах, рабочей силе. Россия (точнее, Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика – РСФСР) выступала своего рода центром притяжения для соседей, получая экономические бонусы в виде формирования эффективных цепочек добавленной стоимости. За годы существования СССР произошла взаимная адаптация и конвергенция хозяйственных систем интегрирующихся стран. Более того, наши ближайшие соседи создали для России своего рода кольцо безопасности, тем самым минимизировав внешние угрозы, связанные с возможной незащищенностью границ и привлекательностью сырьевого потенциала России для иностранных бизнес-акторов.

Сохранение добрососедских отношений со странами Союза стало для России стратегически важным моментом. Сотрудничество с экономиками, чей потенциал очевидно слабее, позволяло России добиться успехов в реализации ее геоэкономических интересов. Эти интересы напрямую связаны с сырьевой ориентацией российской экономики, «развитие которой обусловлено надежностью России как энергопоставщика, а также высокой эффективностью и конкурентоспособностью российских акторов» [7, с. 276]. Обращает на себя внимание тот факт, что интеграция России со странами, ранее входившими в состав Советского Союза, после его распада сопровождалась форсированием добычи энергосырья и ростом его экспорта, но прямой корреляции между этими явлениями нет. Причина кроется во влиянии глобального фактора – благоприятной ценовой конъюнктуры – на мировом

рынке энергосырья. Именно она простимулировала трансформационные сдвиги в российской экономике, когда роль добывающей промышленности стала неуклонно нарастать. Этот тренд также требовал государственного регулирования – ограничения доступа к разведке, добыче и продаже минеральных продуктов. В результате все процессы, связанные с экономикой в части ее развития и взаимодействий, в том числе с внешней средой, были зарегулированы, что не отменяет фиаско государственного механизма в контексте недостаточно адекватных рыночным реалиям мер государственного вмешательства.

Действительно, регулирующие воздействия государства как участника экономических отношений, включая фискальную и денежно-кредитную политику, могут оказаться неэффективными, поскольку чем в большей мере и более продолжительный период времени государство вмешивается в экономику, тем вероятней неблагоприятный исход – экономика замедляется в развитии, возникают рецессия и кризис. В условиях, когда эти противоречия нагнетаются извне заинтересованными акторами, вся конструкция становится нежизнеспособной. Учитывая тот факт, что речь идет не просто о российской экономике, а о целом объединении «в лице» СССР, фиаско государственного регулирования коснулось не отдельно взятой экономики, а всего Советского Союза.

Российская экономика оказалась не готова к трансформации в сжатые сроки. Причина заключается в том, что вся хозяйственная структура была построена на государственном регулировании. В большей или меньшей мере тогда и сейчас экономика нуждалась в том, чтобы государство вмешивалось и корректировало хозяйственные процессы. В противном случае угрозы национальной безопасности могли нарастать. Потребности государственного регулирования были обусловлены, как отмечалось ранее, традиционностью данного подхода в рамках российской модели экономики. Отечественная экономика привыкла к государственным воздействиям, точнее, государство привыкло регулировать экономику, поскольку это делает все экономические процессы с точки зрения последствий, в том числе фиаско государственного регулирования, предсказуемыми.

Государственное участие касается также интеграционных взаимодействий. В этом смысле именно государство выступа-

ет инициатором эффективной интеграции. Не вызывает сомнений, что другие факторы – наличие общих границ, единая транспортная инфраструктура, тесные связи между хозяйствующими субъектами стран-участниц – выступают, в том числе, важными предпосылками интеграции. Однако следует учитывать тот факт, что эти предпосылки влияют на процессы на постсоветском пространстве по умолчанию. Этот момент можно рассматривать как преимущество, стимулирующее и ускоряющее интеграцию. Страны хорошо представляют себе, как надо и как не надо строить сотрудничество, по каким направлениям его продвигать, понятны эффекты интеграции и проч. Соответственно, для стран постсоветского пространства реинтеграция с Россией означает движение по привычному вектору – существовавшие ранее сферы сотрудничества сохраняются и получают дальнейшее развитие.

Выгоды для России разворачиваются в плоскости сохранения преимуществ регионального разделения труда. Кроме того, актуальная и необходимая в современных условиях задача – защита внешних рубежей. Действительно, противоречия, накопленные в диалоге с ведущими странами мирового сообщества, достигли критической отметки. Причина кроется в том, что с момента распада СССР Россия коренным образом изменила свое позиционирование на мировой арене, что имеет объективные и субъективные предпосылки.

Объективная причина заключается в усилении позиций России как одного из крупнейших энергопоставщиков. Страна стала конкурентным звеном глобальных цепочек поставок минерального сырья, опираясь на ценовые преимущества, а также имея безукоризненную репутацию надежного партнера.

Процесс форсирования присутствия на мировом рынке минеральных продуктов являлся естественным продолжением политики, которая сложилась во времена Советского Союза. Тогда развитие добывающей промышленности стимулировалось высокими ценами на нефть и газ.

Как уже отмечалось, такой вектор развития по определению не сочетается с критериями рыночности. Государство сохраняет контроль и присутствие в отрасли, а значит, речь не идет о переходе к рынку. Это, скорее, формирование собственной

модели развития смешанной экономики, в рамках которой государственное регулирование не исключает развития рыночных отношений в определенных сферах. При этом сохраняются некоторые дефекты хозяйственного механизма, начиная с избирательного правоприменения и заканчивая нетранспарентностью экономики и информационными асимметриями разного уровня. Несмотря на это, Россия стала одним из ключевых акторов международных экономических отношений, не только выступая в роли поставщика энергетического сырья, но и участвуя в принятии ключевых решений по глобальным экономическим и политическим проблемам, «опираясь на сочетание жесткой и мягкой силы во внешней политике» [1, с. 7].

Дополнительный вес экономике придает военно-технический потенциал, развитый оборонно-промышленный комплекс, наличие которого – стратегически важный вопрос, учитывая множество факторов, обозначенных ранее.

Очевидно, что, несмотря на попытки перевода на рыночные рельсы, не всегда эффективные, экономика восстановила и нарастила свое присутствие на мировом рынке. Усиление одного из игроков неминуемо влечет за собой ослабление другого – в данном случае речь идет о позиции Соединенных Штатов.

Безусловно, Россия не в состоянии на данном этапе лишить США статуса мирового регулятора, определяющего и задающего векторы развития всего мирового сообщества. Однако ситуация меняется, и этому в немалой степени способствует сотрудничество России с другими государствами, в том числе со странами постсоветского пространства.

Оптимальной оказывается синергия, когда взаимодействие цементируется политической волей стран, а потенциал экономик взаимоусиливается, то есть речь идет об интеграции нового уровня – готовности перезагрузить формат взаимодействий, оставив противоречия в прошлом и максимально используя сотрудничество для собственного развития. Причина усиления позиций России на мировой арене обусловлена амбициями российского политического истеблишмента. Есть четкое понимание того, что стране необходимо развиваться. Это – новые направления и форматы сотрудничества, готовность брать на себя ответственность по ключевым вопросам внешнеэконо-

мических взаимодействий, уверенность в собственном влиянии и авторитете.

Безусловно, позиционирование в качестве одного из ключевых акторов привело к ожидаемым последствиям – страна оказалась объектом, в отношении которого стали применяться множественные наказательные форматы, начиная с информационной войны и заканчивая экономическими санкциями.

Опора на экономическое и политическое сотрудничество позволила России в определенной мере снизить последствия внешних угроз. При этом она не рассматривает другие страны как единственный источник минимизации рисков. Напротив, экзогенные воздействия переориентировали экономику на саморазвитие, в частности по таким ключевым направлениям, как импортозамещение.

Как это часто бывает, кризис, последовавший за санкциями, подтолкнул к преобразованиям, открыл истинный конкурентный потенциал отечественного хозяйственного механизма, когда «внешние ограничения обладают потенциалом ускорения преобразовательных процессов» [2, с. 108].

Таким образом, попытка экономического давления и изоляции привела к совершенно неожиданным последствиям – экономика получила стимул к развитию, а политическое руководство страны не только не свернуло внешнеэкономические взаимодействия, но и расширило их. Так, сохраняя понимание приоритетности и значимости Европейского союза как ключевого энергоимпортера, Россия диверсифицировала сотрудничество, в том числе, по азиатскому вектору и на постсоветском пространстве.

У России имеется четкое понимание пределов и границ интеграции со странами бывшего Союза. Невозможно вернуть интеграцию в прежнем составе, поскольку изменились условия мирохозяйственных взаимодействий, сами экономики, а также подходы политического истеблишмента этих экономик к пониманию эффектов интеграции.

Россия для многих государств перестала играть роль иницирующего центра, полюса влияния. Эта роль отошла странам первого эшелона, в том числе ведущим странам ЕС, а также США, что создает дополнительные угрозы национальной безопасности России.

Однако точки опоры на постсоветском пространстве у России есть. Речь идет прежде всего о Казахстане. Заинтересованность руководства Казахстана в тесном сотрудничестве с Российской Федерацией обусловлена пониманием обоюдной важности и приоритетности партнерских отношений стран-соседей. С точки зрения структуры национальной экономики эффекты российско-казахстанской интеграции ограничены «родственной» структурой хозяйственных систем – в обоих случаях можно говорить о гипертрофированности добывающей промышленности. Однако интеграцию не стоит рассматривать лишь с позиции экономических бонусов в виде прироста товарооборота и развития прочих форм мирохозяйственных связей. Речь идет о преимуществах, которые дает объединение усилий в вопросе противостояния внешним угрозам. Помимо двустороннего сотрудничества страны развивают и иные направления взаимодействия, в частности с Китаем. В этом поле государства становятся друг другу конкурентами в попытках занять свою нишу в партнерских отношениях с этим глобальным экономическим партнером, что способствует возникновению противоречий и споров.

Балансирование во внешнеторговом диалоге между интеграционными взаимодействиями и сотрудничеством с третьими странами (на их долю приходится преобладающая часть товарообмена: это для России – 91,6% всей внешней торговли, для Кыргызстана – 60,7%, для Казахстана – 78,7%, для Беларуси – 49,3%, для Армении – 71,2%, для ЕАЭС в целом – 86,3%) [3] – наиболее актуальный и острый вопрос, который ослабляет интеграционное притяжение и снижает его эффекты.

Помимо Казахстана в поле интересов Российской Федерации находятся также Беларусь, Кыргызстан и Армения. Обращает на себя внимание отсутствие паритетности по уровню экономического развития как важнейшей предпосылки эффективной интеграции (табл. 1). Однако следует отметить, что паритетности не было и раньше, во времена Советского Союза. Более того, подобная экономическая асимметрия часто позволяет более слабым игрокам добиться более весомых экономических успехов за счет эффекта низкой базы.

Эти государства остаются в поле политического и экономического притяжения России, и в целом «интеграция имеет опору

Таблица 1

**Основные макроэкономические показатели
стран – членов ЕАЭС в 2018 г. [11]**

Страна	ВВП на душу населения, в пост. ценах, тыс. долл. США	Уровень инфляции, %	Численность населения, млн чел.	Уровень безработицы, %
Россия	25,588	4,3	146,800	4,8
Казахстан	24,578	5,3	18,396	4,9
Беларусь	17,719	5,6	9,492	0,4
Кыргызстан	3,485	0,5	6,257	6,6
Армения	9,129	1,9	2,969	18,2

на иницирующую роль политической элиты интегрирующихся стран» [12, с. 174]. При этом объем взаимной торговли товарами между государствами – членами ЕАЭС в 2018 году составил 60,262 млрд долл., или 110,1% к 2017 году, в том числе: на долю России пришлось поставок на 38,953 млрд долл. (+12,3% к 2017 г.), Беларуси – 13,932 млрд долл. (+2,1%), Казахстана – 6,047 млрд долл. (+14,9%), Армении – 0,689 млрд долл. (+20,6%), Кыргызстана – 0,641 млрд долл. (+18,3%) [4].

При этом Россия не стремится вовлечь в интеграцию как можно больше стран. Подобная попытка обречена на провал. В современных реалиях многие постсоветские государства ориентированы прежде всего на взаимодействие с развитыми странами. Экономические эффекты перспективной интеграции ослабляются антироссийской риторикой в ряде государств бывшего СССР. Расхождение интересов осложняет многостороннее сотрудничество в формате региональной интеграции, когда потерян иницирующий центр экономических и политических взаимодействий. Речь идет скорее о двустороннем формате экономического диалога, однако и он не всегда возможен.

При этом цели, которые ставит перед собой Российская Федерация в составе ЕАЭС, сформулированы «в рамках разработанных Евразийской экономической комиссией “Основных направлений экономического развития ЕАЭС до 2030 года”, где декларируется достижение и поддержание устойчивого экономического роста» [9, с. 536]. Это весьма непросто осуществить в современных условиях нарастания неопределенности «в контексте изменений энергетической карты мира. Очередной этап нефтяной войны с участием Саудовской Аравии на фоне панде-

мии коронавируса формирует предпосылки для нового мирового порядка. Место и роль России, несомненно, изменятся, поскольку ни одному из ключевых акторов не удастся сохранить статус-кво. В подобных условиях опора на надежных экономических и политических партнеров позволит снизить риски возникшей турбулентности. Возникают условия для передела сфер влияния. От того, насколько Россия сможет воспользоваться сложившейся ситуацией, будут зависеть перспективы ее позиционирования на мировой арене. Потери неминуемы, однако любой кризис целесообразно рассматривать с позиции возможностей и перспектив развития, что более чем вероятно в кооперации с другими акторами, прежде всего с теми из них, кто проверен опытом экономических взаимодействий и представляет интерес с позиции обеспечения национальной безопасности страны.

От того, в какой мере страны смогут сообща выдержать давление текущих экзогенных рисков, будет во многом зависеть жизнеспособность региональной интеграции с участием России, по крайней мере, в ее сегодняшнем понимании.

Таким образом, реализация геоэкономических интересов России предполагает опору на эффективное государственное вмешательство в хозяйственный механизм в контексте функционирования отечественной смешанной экономики. Государству отводится роль актора, который не только регулирует макросреду, но и задает векторы внешнеэкономических взаимодействий, одним из которых является интеграция.

Для России вопрос сохранения и развития интеграции на постсоветском пространстве связан с реализацией множественных задач внешней политики, в том числе в части форсирования позиций на мировой арене.

Россия не стремится к воспроизведению существовавшего ранее формата экономических взаимодействий. Она реализует стратегию усеченной интеграции с участием ограниченного числа стран. В ее рамках политический фактор был и остается ключевым, что не отменяет экономических эффектов в части роста взаимной торговли, инвестиций и проч.

Проверка на прочность таких объединений, как ЕАЭС, связана с негативными трендами современного этапа развития мировой экономики, в частности с падением цен на нефть как ключевой

энергоресурс и распространением коронавируса. Это чревато различными, во многом непредсказуемыми экономическими и социальными последствиями.

Опора на кооперацию и сотрудничество увеличивает адаптивность национальных экономик. Однако это возможно лишь в условиях сохранения взаимного притяжения и общих подходов к пониманию места и роли региональной интеграции.

Литература

1. *Борисов А.В.* Гуманитарный вектор внешней политики России // Вестник Дипломатической академии. Россия и мир. – 2019. – № 4 (22). – С. 6–24.
2. *Вазагов В.М., Мирошниченко М.Б.* Концептуальные аспекты и прикладные средства структурных преобразований российской экономики в условиях внешних ограничений // Вестник Университета. – 2019. – № 12. – С. 107–111.
3. Взаимная торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. 2018 год: стат. сб. / Евразийская экономическая комиссия. – М.: Сам Полиграфист, 2019. – С. 14. – URL: http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/publications/Documents/Int_2018.pdf (дата обращения: 24.01.2020).
4. Внешняя торговля товарами: стат. бюллетень // Статистический портал Евразийской экономической комиссии. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/publications/Pages/default.aspx (дата обращения: 12.03.2020).
5. *Гуреева М.А.* Экономика нефтяной и газовой промышленности. – М.: Изд. центр «Академия», 2012. – 240 с.
6. *Мантусов В.Б.* Шанхайская организация сотрудничества: возможности и перспективы: монография. – М.: Научная книга, 2019. – 206 с.
7. *Мастепанов А.М.* Топливо-энергетический комплекс России на рубеже веков: состояние, проблемы и перспективы развития. – Т. 2. – М.: Изд-во ИАЦ «Энергия», 2019. – 472 с.
8. *Руднева А.О.* Особенности стратегического прогнозирования российской экономики в контексте энергосырьевой ориентации ее экспорта // Экономика и предпринимательство. – 2019. – № 5. – С. 297–299.
9. *Чеканова Т.Е.* Особенности стратегии интеграционного развития Евразийского экономического союза // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – Т. 10. – 2019. – № 4. – С. 530–542.
10. Handbook of Statistics 2019 // United Nations Conference of Trade and Development. – URL: <https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=2591> (accessed: 05.01.2020).
11. *Rudneva A. O.* Hidden Side of Economic Integration on the Former Soviet Union Territory (Conditions and Threats for Russia) // Shadow Economy All over the World. – М.: Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, 2018. – P. 171–174.
12. World Economic Outlook Database 2019 // International Monetary Fund. – URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/02/weodata/weorept.aspx?sy=2018&ey=2018&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&pr1.x=59&pr1.y=14&c=913%2C922&s=NGDPRPPPC%2CPCIEPCH%2CLUR%2CLP&grp=0&a=> (accessed: 02.02.2020).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Зверева Татьяна Вадимовна,

доктор политических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва.

E-mail: tatyanaazvereva@yandex.ru

Tatiana V. Zvereva,

Doctor of Political Science, Professor,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
National Research University Higher School of Economics,
Moscow.

E-mail: tatyanaazvereva@yandex.ru

ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ: НОВЫЙ ЭТАП

FRANCE'S POLICY TOWARDS RUSSIA: A NEW STAGE

Аннотация: статья посвящена анализу политики Франции в отношении России, в том числе инициатив французского президента, изложенных в его выступлениях осенью 2019 года. Курс на обновление отношений с Россией стал органической частью нового французского видения всей системы международных отношений. Его характерные черты – переоценка роли и места стран Запада, Китая, Индии и России в современном мире. Российско-французская встреча на высшем уровне в Брегансоне в августе 2019 года явилась практическим воплощением обновленного французского подхода к отношениям с Россией. Важным стал призыв Франции к другим европейским государствам возобновить диалог с Россией. Вместе с тем возможности Парижа реализовать новый курс в отношении Москвы пока ограничены. Многое в ближайшем будущем будет зависеть от конкретного наполнения новой французской внешней политики и общей эволюции системы международных отношений.

Ключевые слова: франко-российские отношения, новые инициативы Э. Макрона на российском направлении, встреча в Брегансоне, ЕС, НАТО, США.

Abstract: the article analyzes the new French policy towards Russia, including the initiatives of the French President outlined in his speeches in the fall of 2019. The new approach to Russia is an organic part of the new French vision of the system of international relations.

Its features are a new perception of the role and place of Western countries, China, India and Russia in the modern world. The Russian-French summit in Bregancon in August 2019 was a practical embodiment of this updated French view of relations with Russia. France's call to other European States to resume dialogue with Russia has become a very important step. At the same time, Paris' ability to implement the new course towards Moscow is still limited. Much in the near future will depend on the specific content of the new French foreign policy and the overall evolution of the system of international relations.

Key words: Franco-Russian relations, new E. Macron's initiatives towards Russia, summit in Bregancon, EU, NATO, USA.

Осенью 2019 года руководством Франции были сделаны заявления, свидетельствующие об определенной ревизии внешней политики с учетом новых внутренних и внешних императивов. Они предполагают, в том числе, обновление отношений с Россией.

Причины перемен: новые внутренний и внешний контексты

Характеризуя новые международные инициативы Э. Макрона, необходимо отметить, что они прозвучали на фоне трудностей при реализации обширной программы внутренних реформ. Меры по модернизации политической и социально-экономической систем страны последовательно пытались проводить практически все французские президенты, начиная с 1980-х годов [7]. Их суть – в адаптации Франции к новому этапу мирового развития в целях поддержания темпов роста ВВП при сохранении социально ориентированной экономики.

Одновременное воплощение в жизнь этих двух задач практически везде проходит сложно, прежде всего потому, что они вступают друг с другом в противоречие, особенно на начальном этапе реформ. Поддержка предпринимательской активности при сокращении госсектора предполагает снижение налогового давления на бизнес, что чревато дефицитом госбюджета и сокращением социальных программ. Начиная с середины 1980-х годов правительство стремилось провести реформы и привести всю систему в состояние нового равновесия, но эти попытки не были успешными. Несмотря на то что именно с этой программой Э. Макрон был избран президентом страны в 2017 году, в последнее время он столкнулся с беспрецедентным сопротивлением. Размах народных протестов обусловлен прежде всего тем, что в отличие от планов всех предыдущих французских руководителей программа Э. Макрона затрагивает интересы не отдельных категорий рабочих и служащих, а самых широких слоев французского общества.

Новые международные инициативы Э. Макрона отчасти объясняются указанными «внутренними императивами». Руководство Франции стремится использовать все возможные резервы для воплощения в жизнь модернизационной программы, в том числе активную внешнюю политику. Французский лидер намерен создать максимально благоприятные внешние условия для внутренних реформ и экономического роста, а также привлечь на свою сторону население, демонстрируя успехи на международной арене: этим в определенной степени и продиктованы его новые международные инициативы.

«Внешние императивы» напрямую связаны с общим изменением всей международной системы координат. Содержание новых подходов в концентрированной форме было изложено Э. Макроном в ряде его выступлений, в том числе в выступлении перед посольским корпусом Франции в конце августа 2019 года. Французский президент выделил концептуальные положения, которые представляют особый интерес с точки зрения дальнейшего развития российско-французских отношений.

Характеризуя современную систему международных отношений, Э. Макрон заявил об «окончании западной гегемонии в мире», которая существовала с XVIII века. В своем выступлении в августе 2019 года перед посольским корпусом французский лидер открыто признал ошибки Запада, особенно на Ближнем и Среднем Востоке. Пожалуй, впервые эта мысль столь однозначно прозвучала из уст президента одной из ведущих западных стран. Он отметил также «небывалый кризис рыночной экономики», несмотря на то, что она была разработана в Европе и для Европы. Как подчеркивает французский президент, «пошатнулась сама легитимность этой экономической организации». Среди специфических негативных черт мировой экономической системы Э. Макрон выделяет раздутый финансовый сектор, а также перенос производства в страны с дешевой рабочей силой, что приводит к закрытию предприятий в самой Франции и росту безработицы [10]. Характеризуя общую международную ситуацию, Э. Макрон говорит и о новой роли Китая в мире. Он отмечает, что Индия, которая «рассматривает себя как государство-цивилизацию», набирает силу и «станет не только экономической, но и политической державой».

Наконец, французский президент обращает особое внимание на подъем Африканского континента [10].

Как полагает французский лидер, в этой новой реальности роль Европы снижается, так как только США и Китай имеют «настоящие карты на руках». По словам Э. Макрона, в дальнейшем мир будет выстраиваться «вокруг двух больших полюсов – американского и китайского», тогда как «Европа может исчезнуть». С его точки зрения, для того чтобы этого избежать, Запад и, особенно, страны Евросоюза должны выработать новый взгляд на свою внешнюю политику и на способы ее реализации, что, в том числе, предполагает возобновление диалога с Россией [10].

Наряду с общими оценками «ошибок Запада» французский руководитель обращается непосредственно к анализу роли США в современном мире. Здесь нельзя не заметить солидный критический заряд высказываний Э. Макрона. Очевидно, что грубое продавливание Д. Трампом американских интересов вызывает в Париже нескрываемое раздражение. Так, в докладе перед послами прямо отмечается, что, находясь в западном лагере, Вашингтон вместе с тем «не несет в себе гуманизма». США иначе, чем Европа, относится к вопросам климата, социального равенства и общественного равновесия. Немаловажно и то, что Париж последовательно и однозначно выступает против экстерриториальных санкций, вводимых Вашингтоном. «Нельзя, чтобы другая страна решала, с кем Франции можно или нет вести бизнес... мы не можем принять того, что какая-то страна хочет принимать решения за нас», – отметила в этой связи французский посол в России С. Берманн в декабре 2019 года в одном из своих последних интервью на этом посту [3].

В выступлениях Э. Макрона осенью 2019 года зазвучала критика и в адрес НАТО. Наиболее провокационным стало его высказывание о «смерти мозга» альянса. Объясняя свою оценку, французский лидер отмечал, что он намеренно «обострил» дискуссию накануне юбилейного саммита НАТО в декабре 2019 года и не считает, что Североатлантический союз надо распустить. Скорее, наоборот, по его мнению, альянс необходимо укреплять и реформировать на новых основаниях. С этой точки зрения интерес представляет его трактовка тех угроз, против которых западные страны «должны дружить». Характеризуя их, фран-

цузский лидер ставит на первое место не так называемую российскую военную угрозу, а международный терроризм, прежде всего ИГИЛ (организация, запрещенная в России) и его производные на Ближнем Востоке и в Сахеле, где Франция сталкивается с серьезными вызовами. Отвечая на вопрос о том, кто в наши дни является врагом альянса, французский президент подчеркивает, что в отличие от эпохи «холодной войны» в настоящее время далеко не все страны Североатлантического союза воспринимают Россию в качестве угрозы.

Высказывания французского лидера свидетельствуют о том, что продолжающаяся дестабилизация соседних с Европой регионов и рост террористической угрозы остаются факторами, приоритетными для внешней политики страны на национальном, европейском и международном уровнях. Необходимость отвечать на эти вызовы заставляет французское руководство уделять именно им первостепенное внимание, тогда как, по мнению французского лидера, с Россией, «соседом и мощным партнером», необходимо вести диалог и взаимодействовать «по определенным вопросам». В связи с этим Э. Макрон прямо призвал союзников к возобновлению стратегического диалога с Россией, отметив, что такой диалог соответствует интересам НАТО [3]. Нельзя не отметить, что этот подход идет вразрез с точкой зрения тех западных политиков, которые настойчиво стремятся сделать из антироссийской риторики главный фактор, цементирующий альянс в новых условиях.

Среди других идей Э. Макрона, свидетельствующих об определенном обновлении французских подходов к международным делам, привлекает внимание его новая трактовка тех задач, которые стоят перед Францией в области внешней политики. В выступлении перед послами в августе 2019 года он четко выделил три из них – обеспечение безопасности, суверенитета и влияния.

Не является случайностью то, что первое место в так называемой французской внешнеполитической триаде отведено обеспечению безопасности. Э. Макрон в своих выступлениях нередко обращается к этому сюжету, однако тема суверенитета не так часто появляется в речах французского лидера. Как правило, освещая ее, Макрон неизменно подчеркивал свою приверженность «европейскому суверенитету», настаивая на том, что именно так

Франция лучше всего защищает и свои национальные интересы, а главной гарантией суверенитета страны является укрепление Евросоюза. В заявлениях французского лидера, сделанных в августе–декабре 2019 года, акценты расставлены несколько иначе. В качестве одной из трех приоритетных задач, стоящих перед французской внешней политикой, выделена защита именно национального суверенитета, причем вне контекста евроинтеграции. Новые нюансы в трактовке понятия «суверенитет», продиктованные так называемым поликризисом ЕС последних десятилетий, конечно, не могут расцениваться в качестве полного отказа главного евроэнтузиаста Э. Макрона от его проевропейских взглядов. Вместе с тем налицо определенная корректировка толкования понятия «суверенитет», что во многом перекликается и с российскими подходами.

Французский лидер декларирует стремление поддерживать «международное влияние» страны. Он намерен вернуть Францию «в центр дипломатической игры», в которой она должна оставаться «державой равновесия», обладающей определенной свободой, мобильностью, гибкостью. «Мы как держава ни на кого не равняемся, – прямо заявил французский президент в своем выступлении перед послами. – Я хочу особо это подчеркнуть. У нас есть союзники, мы – европейцы и должны работать с нашими европейскими партнерами и уважать их. У нас есть союзники в каждом регионе мира и важный союзник в лице США в стратегическом и военном плане. Тем не менее, если говорить просто, мы не та держава, которая непременно считает врагов наших союзников нашими врагами и запрещает себе говорить с ними. Я считаю, что в этом сила Франции» [10].

Именно этим целям – укреплению безопасности и суверенитета страны, сохранению и преумножению французского международного влияния – должно, с точки зрения Э. Макрона, способствовать и «переосмысление» отношений с Россией. Он подчеркивает, что в условиях «совершенно бесплодной напряженности и замороженных конфликтов» невозможно будет создать «условия для масштабного проекта восстановления европейской цивилизации» и Европа останется ареной «стратегической борьбы между США и Россией». С точки зрения французского лидера, «вытеснить Россию из Европы – это большая

стратегическая ошибка... Дело в том, что мы подталкиваем Россию к изоляции, которая усиливает напряженность, или к альянсу с другими крупными державами, такими как Китай, что совершенно не в наших интересах» [10].

Иначе говоря, по мнению французского президента, развитие отношений с Россией – в интересах Франции, тогда как отсутствие этого диалога им противоречит. Исходя из этого, он предлагает «построить новую архитектуру доверия и безопасности в Европе, потому что Европейский континент никогда не будет стабильным и безопасным, если мы не добьемся мира и ясности в отношениях с Россией». По мнению французского президента, «необходимо сформировать общий фронт между Европейским союзом и Россией, задуматься о структурирующих сейчас Европу концентрических кругах и прийти к новым отношениям с Россией... стратегически рассмотреть пути сближения и создать для него необходимые условия. Речь идет об урегулировании замороженных конфликтов на Европейском континенте, переосмыслении всей системы контроля над обычным, ядерным, биологическим и химическим оружием» [10].

Неправильно было бы переоценивать значение этих деклараций: высказывания Э. Макрона соседствуют с традиционными для Запада обвинениями в адрес России, во многом продиктованными консервативными кругами Вашингтона и Лондона, а также представителями некоторых так называемых младоевропейцев. Вместе с тем немаловажно то, что обновленный французский взгляд на систему международных отношений несет в себе определенный объединительный заряд, предполагающий возобновление диалога и выстраивание широкого равноправного сотрудничества с Россией.

Встреча в Брегансоне как важный этап на пути обновления отношений с Россией

Выступлению Э. Макрона перед послами предшествовал ряд важных практических шагов Парижа, направленных на активизацию отношений с Москвой. Складывается впечатление, что переосмысление отношений с Россией было начато задолго до публичного объявления об этом, а новые подходы – плод зрелых длительных размышлений и соответствующей подготовки.

Воплощением новой концепции Э. Макрона стало содействие возвращению России в Парламентскую ассамблею Совета Европы (ПАСЕ) и возобновление замороженной в связи с кризисом на Украине работы Российско-Французского Совета по экономическим, финансовым, промышленным и торговым вопросам. О стремлении «придать новое дыхание» диалогу с Москвой свидетельствовали заявление Э. Макрона о необходимости вернуть Россию в «восьмерку», а также направление российскому лидеру приглашения посетить Францию в августе 2019 года.

Пригласив В.В. Путина приехать для переговоров в его летнюю резиденцию Брегансон, которую любил легендарный президент Шарль де Голль, Э. Макрон как бы демонстрировал стремление Парижа продолжить линию своего знаменитого предшественника в отношении России. Реализация этого французского плана, направленного на оживление диалога с Москвой, была фактически начата сразу после избрания Э. Макрона президентом в мае 2017 года. Тогда состоялся официальный визит во Францию Президента России по случаю 300-летнего юбилея двусторонних отношений. В дальнейшем президенты встречались неоднократно, а Э. Макрон трижды посетил Россию.

Встреча в Брегансоне стала новым этапом на пути развития отношений двух стран, несмотря на сохраняющийся режим взаимных санкций между ЕС и Россией, введенных по инициативе Евросоюза в 2014 году. Важно, что переговоры состоялись в преддверии саммита «семерки». Был обсужден широкий круг международных проблем. В.В. Путин поблагодарил Э. Макрона за позицию по возвращению России в ПАСЕ [4]. «Я бы хотел, чтобы отношения (между Россией и Евросоюзом. – Т.З.) не просто нормализовались, но чтобы они были полностью пересмотрены», – отметил французский президент [6].

В соответствии с достигнутыми в Брегансоне договоренностями в сентябре 2019 года впервые за шесть лет состоялось заседание российско-французского Совета сотрудничества по вопросам безопасности (созданный в 2002 г. формат «два плюс два» с участием министров иностранных дел и министров обороны двух стран, последнее заседание которого прошло в 2012 г.). По словам министра иностранных дел России С.В. Лаврова, «формат “два плюс два” – это хорошая возможность проанали-

зировать ключевые проблемы современности во всей их полноте, как с дипломатического, так и военно-политического угла» [2]. Особое внимание министры двух стран уделили вопросам безопасности в Евроатлантике. С российской стороны была отмечена деструктивная линия ряда западных государств, прежде всего США, на так называемое сдерживание России, перенос разделительных линий поближе к российским границам в рамках безоголядного расширения НАТО и укрепления «восточного» фланга альянса [2]. В ответ на идеи Э. Макрона, нацеленные на формирование архитектуры европейской безопасности вместе с Россией, с российской стороны была выражена полная готовность к совместной работе в интересах создания в Евразии и Евроатлантике пространства мира, безопасности, широкого, равноправного сотрудничества на основе провозглашенного в ОБСЕ принципа «равной и неделимой безопасности» [2].

Участники встречи подробно остановились на ситуации в сфере стратегической стабильности, сложившейся после выхода США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Как отметил С.В. Лавров, «наша позиция на этот счет известна, неоднократно подтверждалась Президентом России В.В. Путиным: мы не будем размещать такие системы в тех регионах, где не появятся аналогичные системы американского производства. Предложение договориться об этом с нашими натовскими коллегами мы тоже сделали, но НАТО пока воздерживается от конкретной реакции» [2]. Были также обсуждены ситуации вокруг Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений, Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и ситуация, сложившаяся в контексте подготовки к очередной обзорной конференции Договора о нераспространении ядерного оружия, которая состоится в следующем году. С российской стороны была выражена особая обеспокоенность перспективами переноса гонки вооружений в космическое пространство. Стороны рассмотрели состояние дел в Организации по запрещению химического оружия. Российская сторона поделилась опасениями в связи с тем, как осуществляются попытки в нарушение Конвенции о запрещении химического оружия наделить Технический секретариат этой организации функциями, которые принадлежат исключительно Совету Безопасности ООН [2].

Министры конструктивно обменялись мнениями по ситуации на Ближнем Востоке и Севере Африки и договорились продолжить работу по скоординированному отпору террористам, которые еще остаются на сирийской территории, решению гуманитарных проблем, содействию возвращению беженцев и началу политического процесса на основе создания Конституционного комитета. Стороны отметили близость позиций по ситуации в Ливии, а также условились о взаимодействии в Центральноафриканской Республике (ЦАР), где работают военные из России и Франции в координации с миссией ООН в ЦАР. Стороны договорились продолжать взаимодействие с целью сохранить Совместный всеобъемлющий план действий по иранской ядерной программе. В развитие российско-французских договоренностей на высшем уровне, достигнутых в Брегансоне, стороны условились о конкретных мерах по реанимации так называемого нормандского формата (регулярных встреч лидеров России, Франции, Германии и Украины по вопросу урегулирования конфликта в Донбассе), замороженного в течение трех лет [2]. С французской стороны было подтверждено, что президент Макрон приедет в Москву на празднование 9 мая 2020 года.

В ноябре 2019 года в Москве состоялись первые после начала украинского конфликта российско-французские консультации по кибербезопасности. О необходимости сотрудничества в киберпространстве в ходе своих последних контактов президенты договорились в Брегансоне. Ранее американские спецслужбы предупреждали французские власти об исходящей от России угрозы в этой сфере. Однако посол МИД Франции по цифровым вопросам А. Вердье, прибывший в Москву во главе представительной делегации, заверил, что у французского правительства нет претензий к российским властям [8]. Российскую команду переговорщиков возглавлял спецпредставитель Президента, посол по особым поручениям МИДа А.В. Крутских. Переговоры в схожем формате проходили до конфликта вокруг Украины. С тех пор ничего подобного не было (в прошлом году были консультации в Париже, но в Москве их называют «подготовительными») [8]. Как отметил А. Вердье, между Францией и Россией «по-прежнему остаются разногласия и различия по целому ряду вопросов, и мы это признаем. Но в то же время мы считаем, что

нам надо лучше понимать друг друга и отстраивать каналы коммуникации, координации и быстрого реагирования». В целом же французский дипломат назвал ситуацию в киберпространстве «тревожной». «Чтобы противостоять этой глобальной угрозе, нужны совместные действия», – убежден А. Вердье [8].

Стороны договорились активизировать сотрудничество на международных площадках, включая ООН, где сразу в нескольких группах рассматривается вопрос о выработке норм поведения государств в киберпространстве. А.В. Крутских отметил, что прошедшие консультации ориентированы «на стратегическую перспективу» и предусматривают «многовекторное ведение переговоров между ведомствами с докладом на политический уровень». По его словам, работа в таком формате позволит двум странам наладить «эффективное сотрудничество в этой приоритетной с точки зрения национальной безопасности, обеспечения стабильности, демократии и прав человека сфере» [8].

В ходе визита французы провели презентацию инициативы Э. Макрона «Парижский призыв к доверию и безопасности в киберпространстве» [8]. Среди ее пунктов – обязательства: защищать пользователей Интернета и объекты критической инфраструктуры от вредоносных действий в киберпространстве, способствовать предотвращению иностранного вмешательства в выборы, предотвращать кражу интеллектуальной собственности с помощью информационно-коммуникационных технологий. Под «Призывом» уже подписались 74 страны, 333 НКО и 609 компаний. Россия как государство инициативу пока не поддержала, но в пресс-релизе МИД России сказано, что презентация французской делегации была воспринята «с интересом» [8].

В ноябре–декабре 2019 года активизирован диалог между Россией и Францией по вопросам безопасности на Евроатлантике. Для реализации этих целей Э. Макрон назначил спецпосланника по отношениям Евросоюза с Россией; им стал П. Вимон.

Следующим важным шагом в развитии итогов переговоров в Брегансоне стала встреча в «нормандском формате» в Париже 9 декабря 2019 года. Стороны договорились оставить Минские соглашения базисом для работы и встретиться снова спустя четыре месяца. Удалось добиться некоторого прогресса – обмена пленными, возвращения моряков, отвода сил и средств конфлик-

тующих сторон с линии соприкосновения, разведения сил в зоне конфликта. Как отметил по итогам встречи пресс-секретарь Президента РФ Д.С. Песков, все участники стремились к одной цели – восстановить работу «нормандского формата» после долгого перерыва и возобновить усилия, направленные на урегулирование кризиса на Украине. Как отметил представитель Кремля, «определенные важные шаги в этом направлении сделаны, но еще больше предстоит сделать» [5].

Перспективы диалога «Париж – Москва»

В новом подходе Парижа к отношениям с Москвой можно увидеть влияние взглядов Ш. де Голля, знаменитого предшественника Э. Макрона на посту президента Пятой республики. Как и в прошлом, перед французским руководством стоит задача создания максимально благоприятных внешних условий для развития страны, и диалог с Россией рассматривается действующим президентом в качестве одного из путей ее решения. Вместе с тем неправильно было бы говорить о полном воспроизведении деголлевского внешнеполитического курса: международные условия радикальным образом изменились со времен 1960-х годов, да и взгляды самого Э. Макрона во многом отличаются от концепции «самого известного француза XX века» [1]. Признавая, что в политике Франции на российском направлении произошли определенные позитивные сдвиги, нельзя не отметить, что французский подход, несмотря на общий позитивный, объединительный потенциал последних выступлений Э. Макрона, остается крайне противоречивым. Париж, с одной стороны, призывает повышать «уровень доверия между Россией и Францией», однако, с другой стороны, декларирует необходимость вести «требовательный» диалог, таким образом, выставляя определенные ограничители для дальнейшего развития взаимодействия. Очевидно, что, выстраивая политику на российском направлении, президент вынужден считаться с точкой зрения своих внешнеполитических партнеров, в том числе так называемых младевропейцев, проводящих последовательную антироссийскую политику. «Переосмысление» отношений с Россией неоднозначно воспринято и частью французского общественного мнения. Внешнеполитические инициативы президента, с ко-

торами он выступил осенью 2019 года, стали предметом дискуссии, которая развернулась между французскими политологами. По вопросу о будущем франко-российских отношений высказываются прямо противоположные точки зрения.

В материалах, публикуемых влиятельным в последние годы Институтом Монтеня, излагается критика в адрес международных инициатив Макрона. Эксперты, представленные на сайте Института, полагают, что сближение с Россией противоречит основной цели Парижа – укреплению ЕС как центра силы. Они призывают к трансатлантической солидарности, при этом, однако, резко критикуют политику Д. Трампа. К этой группе относится и один из старейших французских политологов, бывший сотрудник Французского института международных отношений Доминик Муази. Он, в частности, отмечает, что российской политике Э. Макрона якобы присуще противоречие между стремлением добиться от России соблюдения демократии и намерением развить с ней стратегический диалог. С точки зрения эксперта, главным препятствием на пути отношений Запада с Россией является «системное стремление Москвы ослабить всеми возможными способами европейские демократические режимы». Муази полагает, что в Москве мечтают о приходе к власти крайне правых во Франции, что «несовместимо с идеалами Просвещения», которыми руководствуется Макрон. Противоречие в его российской политике связано с тем, что он стремится к диалогу с партнером, который «фактически делает всё необходимое для того, чтобы крайне правые пришли к власти во Франции» [12]. Причем, по мнению политолога, это препятствие невозможно преодолеть с помощью личных контактов. Здесь обаяние Э. Макрона не может изменить ситуацию, которая во многом определяется существующим раскладом политических сил в России и зависит прежде всего от представлений российских элит о национальных интересах страны. Важную роль играет и бюрократическая инерционность «российского режима».

По мнению Муази, «ахиллесовой пятой» Э. Макрона является то, что он в своих рассуждениях ставит на один уровень США, Китай и Россию в качестве международных соперников или потенциальных партнеров Франции. С точки зрения политолога, интересы Франции ближе к интересам Америки, хотя «уход США

из Европы» – долгосрочная тенденция мирового развития, которая напрямую не зависит от того, кто занимает высший пост в Вашингтоне. Как считает политолог, сотрудничество с Россией может стать ключевым препятствием в деле формирования Общей политики безопасности и обороны ЕС, мешая реализации «легитимных амбиций» Парижа в Европе [12].

Точка зрения Д. Муази близка к мнению специального советника Института Монтеня, бывшего посла Франции в Сирии (с 2006 по 2009 г.) Мишеля Дюкло. Как и Муази, он считает необходимым условием укрепления военно-политической роли ЕС усиление трансатлантической солидарности, тогда как сближение Франции с Россией этому противоречит. Дюкло резко осудил интервью Макрона журналу «Экономист» в ноябре 2019 года о «смерти мозга НАТО», так как подобные высказывания «наносит ущерб альянсу», а не способствуют его оздоровлению. С точки зрения эксперта, Макрон ошибочно воспринимает Россию как страну, которая руководствуется рациональными соображениями. Однако для многих партнеров Франции по ЕС настоящее лицо России – это якобы «аннексия Крыма» и фактическое отрицание гуманизма, к которому апеллирует французский президент. По мнению политолога, в Кремле считают призывы Парижа к диалогу с Россией свидетельством слабости Франции и Запада и не намерены относиться к этому серьезно. Тем более, что Макрону не удастся повести за собой других европейцев и добиться пересмотра политики ЕС в отношении Москвы и снятия санкций [11].

Другую точку зрения по вопросу о франко-российских отношениях представляют исследователи Института стратегических международных исследований. Его создатель и руководитель Паскаль Бонифас считает, что в Москве с интересом отнеслись к инициативе Макрона по активизации диалога с Россией и к его европейским проектам. При этом в России скептически смотрят на возможности, которыми обладает Франция для того, чтобы проводить независимую от США политику. Стремясь понять логику Москвы, эксперт приходит к выводу о том, что присутствие в Сирии и политика на Украине обходятся ей относительно недорого. Санкции начинают давить на экономику, но их можно выдерживать. Те, кто надеялся «взять русских за горло», заставить

их сдать и вернуть Крым Украине, ничего не достигли. При этом Россия сохраняет за собой ключи к разрешению многих международных кризисных ситуаций. Именно здесь – возможности для Парижа: с Россией можно работать по вопросам, связанным с Ираном, изменениям климата, можно было бы начать взаимовыгодное сотрудничество в сфере искусственного интеллекта. Как полагает Бонифас, и Франция, и Россия не хотят превратиться в «младших партнеров» США или Китая. По словам эксперта, Франция должна четко понимать свои собственные интересы, а не следовать идеологической линии атлантистов, которые воспринимают Россию как «вечную угрозу» [9].

Таким образом, анализ дискуссии, развернувшейся во французском политологическом сообществе по вопросу об отношениях Франции с Россией, свидетельствует о большом разбросе мнений. Дискуссия отражает то, что далеко не все слои политического и финансово-экономического истеблишмента полностью поддержали новые идеи. Некоторые представители французского «глубинного государства» открыто критикуют положения, изложенные главой государства в последнее время. Однако необходимо иметь в виду, что по Конституции Пятой республики именно президент обладает всей полнотой власти во внешней политике. Поэтому можно предположить, что базовые идеи Э. Макрона всё-таки получат свое дальнейшее развитие.

Подводя итог, необходимо отметить, что пока не приходится говорить о полной переоценке или переориентации всего внешнеполитического курса Парижа в отношении Москвы. Речь идет о его определенной корректировке, направленной на то, чтобы лучше адаптироваться к изменившимся внешним и внутренним условиям при общем сохранении преемственности. Французский президент исходит прежде всего из того, что Москва оказывает большое влияние на все те проблемные точки в системе международных отношений, которые важны и для Парижа. В этих условиях большое значение имеет то, каким будет конкретное практическое наполнение обновленной французской внешней политики.

Литература

1. Арзаканян М.Ц. Де Голль. – М.: Молодая гвардия, 2017. – 304 с.
2. Выступление и ответ на вопрос СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам российско-французских пере-

- говоров на министерском уровне в формате «2+2», Москва, 9 сентября 2019 г. / МИД России. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3780649 (дата обращения: 01.04.2020).
3. *Дудина Г.* «Санкции – это не то, к чему мы стремились». Посол Франции Сильви Берманн дала «Ъ» последнее интервью перед отъездом // Коммерсантъ. – 2019. – № 233.
 4. *Латухина К.* Формат: Брегансон. Владимир Путин и Эмманюэль Макрон обсудили мировые кризисы // Российская газета. – 2019. – Столичный выпуск № 183 (7941).
 5. «Нормандский саммит» прошел без победителей и побежденных – Песков // Регнум. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/2804596.html>. (дата обращения: 01.04.2020).
 6. Президенты России и Франции сделали заявления для прессы и ответили на вопросы журналистов. 19 августа 2019 г. // Сайт Президента РФ. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61336> (дата обращения: 01.04.2020).
 7. *Рубинский Ю.И.* Приметы времени. – Т. II. Франция: незаконченная модернизация. – М.: ИЕ РАН, 2018. – 423 с.
 8. *Черненко Е.* У Москвы и Парижа компьютерная перезагрузка. Как Россия и Франция будут бороться с угрозами в киберпространстве // Коммерсантъ. – 2019. – 19 нояб.
 9. *Voniface P.* Valdaï 2019: le message russe à l'Occident. 8 octobre 2019 // Pascalboniface.com. – URL: <https://www.pascalboniface.com/2019/10/08/valdai-2019-le-message-russe-a-loccident/> (accessed: 01.04.2020).
 10. Discours du Président de la République à la conférence des ambassadeurs et des ambassadrices de 2019. 27 aout 2019 // Elysee.fr. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs-1> (accessed: 01.04.2020).
 11. *Duclos M.* Emmanuel Macron – “l'Europe au bord d'un precipice”. 20 novembre 2019 // Institut Montaigne. – URL: <https://www.institutmontaigne.org/blog/emmanuel-macron-leurope-au-bord-dun-precipice> (accessed: 01.04.2020).
 12. *Moisi D.* Les incohérences de la politique d'Emmanuel Macron envers la Russie. Les Echos. 22.02.2020 / 24 février 2020 // Les Echos. – URL: <https://www.institutmontaigne.org/blog/les-incoherences-de-la-politique-demmanuel-macron-envers-la-russie> (accessed: 01.04.2020).

Мищенко Нина Викторовна,

кандидат педагогических наук,
Посольство России в Великобритании,
Лондон.
E-mail: nvmishchenko@mid.ru

Nina V. Mishchenko,

Ph.D. (Pedagogical Science),
Embassy of the Russian Federation to the United Kingdom
of Great Britain and Northern Ireland,
London.
E-mail: nvmishchenko@mid.ru

К ВОПРОСУ О НЕЗАВИСИМОСТИ ШОТЛАНДИИ

REVISITING THE ISSUE OF INDEPENDENCE OF SCOTLAND

Аннотация: в данной статье проанализирован вопрос о перспективе возможного отделения Шотландии от Великобритании. Подробно рассмотрены исторические и современные предпосылки стремления населения региона к независимости от Соединенного Королевства. Обосновывается идея о том, что на протяжении большей части своей истории Шотландия была самостоятельным государственным образованием. Описаны первые идеи о расширенной автономии в рамках единого государства, которые были связаны с появлением в 1934 году Шотландской национальной партии – ШНП (Scottish National Party – SNP), а также дальнейшая роль ШНП в вопросе отделения Шотландии от Великобритании. Проанализированы аргументы сторонников и противников независимости Шотландии, а также роль Брэкзита в формировании сепаратистских настроений. В статье приводятся примеры действий Британского правительства по разработке законодательных инициатив, которые, как ожидается, должны снизить поддержку идей сепаратизма среди шотландцев. Рассмотрены перспективы реализации повторного референдума о независимости Шотландии в ближайшем будущем.

Ключевые слова: Шотландия, независимость, референдум, Брэкзит, регион, Шотландская национальная партия.

Abstract: the article analyzes prospects of possible separation of Scotland from the UK. The historical and modern prerequisites of the region's desire for independence from the United Kingdom are examined in detail. The idea that for the longest part of its history Scotland was an independent public entity is justified. The first ideas about expanded autonomy within the framework of a single state, which were associated with the emergence of the Scottish National Party (SNP) as well as the further role of SNP in the issue of separation of Scotland from Great Britain are described. Arguments of the supporters and opponents of the independence of the region, as well as the role of "Brexit" in the formation of separatist ideas are analyzed. The article provides examples of British Government actions to develop legislative initiatives that are expected to reduce support for separatism among Scots. The prospects of the implementation of a second referendum on the independence of Scotland in the near future are examined.

Key words: Scotland, independence, referendum, "Brexit", region, Scottish National Party.

На протяжении большей части своей истории Шотландия была самостоятельным государственным образованием. В 843 году оформилось Шотландское королевство. В 1296 году на его территорию вторглись английские войска. В результате продолжавшейся до 1314 года войны за независимость шотландцы разгромили английскую армию, а в 1328 году Англия признала независимость Шотландии. Тем не менее англичане продолжали вести с ней войны вплоть до заключения союза – Акта об унии, который был принят в 1707 году парламентами Англии и Шотландии. Данный Закон предусматривал создание единого государства Великобритании. Однако еще в 1603 году английский престол унаследовал племянник Елизаветы I – король Яков VI Шотландский (Яков I Английский), после чего в течение века Англия и Шотландия возглавлялись одним монархом, но оставались независимыми государствами.

Рассмотрим исторические предпосылки стремления Шотландии к отделению от Великобритании более подробно. Население нынешней Шотландии отстаивало независимость своего края еще задолго до 843 года – официальной даты основания Шотландского королевства. Еще в I веке н.э. легионы Римской империи, воодушевленные только что завершившимся успешным завоеванием южной части Британии и ступившие на территорию Шотландии, столкнулись с ожесточенным сопротивлением местных племен. Последние массово взялись за оружие.

Местные жители, которых римляне называли каледонцами, осознавая превосходство военного устройства Рима, стали применять партизанскую тактику ведения войны. Например, они предпринимали ночные набеги на римские военные укрепления.

Несмотря на то что в 83 году объединенная армия шотландских племен потерпела сокрушительное поражение в битве у Граупийских гор, это сражение ознаменовало собой завершение продвижения римских войск вглубь территории Шотландии. В течение следующих нескольких столетий Риму так и не удалось расширить географию своих завоеваний в этом регионе. В то же время на севере Шотландии всё большую роль стало играть племя так называемых пиктов. Они совершали набеги на дальние рубежи Андрианова вала – высокой стены, которую римляне возвели на границе своих британских владений. К 212 году н.э. римляне

практически оставили Шотландию, а в 410 году и вовсе покинули Британию.

В следующей волне чужаков, претендовавших на шотландскую территорию, были уже викинги, начавшие нападать на Британские острова в конце VIII века. Скандинавы прибывали на новые земли, движимые не одной только жадой наживы. Многие из них предпочли обосноваться на новых землях. Викинги строили себе дома в Ирландии и Шотландии, активно обживали новые территории, параллельно налаживая связи с местными кельтскими общинами. Поскольку намерения викингов далеко не всегда отличались особенным благородством, местные жители воспринимали пришельцев соответствующим образом. В середине IX века племенной вождь по имени Кеннет Макальпин объединил разрозненные шотландские кланы ради победы над иноземными захватчиками. В ходе этих событий Кеннет, как считается, стал первым правителем Шотландского королевства и основал династию Макальпинов, которая в дальнейшем правила в стране несколько веков [2].

В эпоху Средневековья Англия начала обращаться с северным соседом как с вассальной территорией. В ответ на это шотландские патриоты объединились под началом Уильяма Уоллеса. В сентябре 1297 года воины Уоллеса одержали решительную победу над англичанами в битве на Стерлингском мосту. Однако вскоре они утратили инициативу и в июле 1298 года были разбиты в битве при Фолкерке. После катастрофы под Фолкерком Уоллес был вынужден скрываться от англичан. В августе 1305 года он был схвачен и казнен [1].

Спротивление англичанам не прекратилось со смертью Уоллеса. Новый король Шотландии, Роберт Брюс, сменил его в роли лидера сопротивления. После длительного военного конфликта, наиболее знаменательным эпизодом которого стало сражение при Бэннокберне (1314 г.), Брюс убедил Англию признать суверенитет своей страны. На этом в 1328 году завершилась Первая война за независимость Шотландии. Вскоре после смерти Роберта Брюса началась Вторая шотландская война за независимость. Однако англичанам пришлось ее прекратить, поскольку всё их внимание было сосредоточено на континенте, где разразилась Столетняя война с Францией.

В 1603 году умерла Елизавета I, не оставив наследников. Возникла возможность для объединения прежде независимых друг от друга соседних государств. Дальний родственник безвременно ушедшей английской королевы, король Шотландии Яков VI, сын Марии, королевы шотландской, вступил на английский престол под именем Якова I и стал первым монархом, объединившим сразу три государства под властью одного правителя.

Яков стремился объединить Англию, Шотландию и Ирландию в одно королевство, однако его видение не нашло понимания у подданных. В течение следующего столетия во всех этих странах бушевала гражданская война и один за другим вспыхивали мятежи. Сын Якова, Карл I, оказался еще менее прозорливым правителем, чем его отец. Его деспотизм в итоге стоил ему не только короны, но и головы. В ходе последовавшей Гражданской войны в Англии шотландцы с особым фанатизмом поддерживали сына казненного Карла I – Карла II – и его сторонников. Повторно вступив на английский престол в 1660 году, уже после смерти следующего правителя страны – лорда-протектора Оливера Кромвеля, – Карл II получил титул «короля Англии, Шотландии и Ирландии».

Затем Карла II сменил на престоле его родной брат, Яков II. Он в свою очередь лишился власти в ходе Славной революции 1688 года, завершившейся коронацией протестантских монархов Вильгельма Оранского и Марии Стюарт. Будучи католиком во главе преимущественно протестантской страны, Яков II (чьих сторонников впоследствии назовут якобитами) проводил крайне непопулярную в народе политику. По его указанию велось уголовное преследование англиканских епископов, а сам он приказал приостановить работу как английского, так и шотландского парламентов за их отказ отменить законодательство, направленное на ограничение прав католиков. Сестра Марии Анна унаследовала престол после безвременной смерти обоих царственных супругов, положив начало абсолютно новой эпохе в англо-шотландских отношениях.

В 1707 году Англия и Шотландия официально объединились, именуясь «Единым Королевством под названием Великобритания». Образование единого государства, о котором столь долго грезил некоторые монархи, спровоцировало два основных фак-

тора. Во-первых, шотландцев не устраивало как над ними осуществлялась власть внутри уже существовавшего союза двух корон. Во-вторых, монархия Стюартов, восстановленная в результате Славной революции, находилась в опасном положении, испытывая постоянную угрозу восстания со стороны сторонников низложенного Якова II.

Договор, принятый парламентами обоих государств, гарантировал Шотландии экономическую стабильность, равно как и доступ к развитой колониальной торговой сети Англии. В то же время условие унии, запрещавшее всем католикам и, в частности, потомкам Якова, находившимся в изгнании, занимать британский престол, обеспечивало англичанам спокойствие перед лицом угрозы со стороны как якобитов, так и католической Франции.

С принятием Актов об унии на территории всей Великобритании были стандартизированы платежные средства, налогообложение и торговля. Шотландия сохраняла за собой собственное законодательство, религиозные структуры и систему образования. Она присоединялась к общему британскому парламенту, хотя и с непропорционально малой квотой для собственных представителей.

Идея союза между странами, часто воевавшими друг с другом в прошлом, не встретила отклика в сердцах многих людей. Парламент Шотландии голосовал за унию без особенного энтузиазма, а большинства удалось добиться лишь благодаря представителям нобилитета, игравшим в этом органе главенствующую роль. Унионисты, как правило, были достаточно богаты и хорошо образованы, но им противостояли шотландские националисты, для которых было характерно чувство глубокого недоверия к Англии.

К 1715 году недовольство негативными последствиями объединения стран в таких сферах, как экономика и политика, распространилось в обществе настолько широко, что привело к началу якобитского восстания. Якобиты изображали себя защитниками шотландских свобод и поклялись добиться разрушения унии и восстановления шотландского парламента, при этом они преимущественно сосредоточили усилия на передаче власти потомкам Якова II. Несмотря на то что Георгу I удалось подавить мятеж 1715 года, дело якобитов продолжало жить на территории

Хайленда. В 1745 году вспыхнул новый мятеж, на этот раз тесно связанный с личностью Карла Эдварда Стюарта. После того как и это восстание потерпело крах, правительство Великобритании начало проводить жесткий политический курс, направленный на искоренение клановой системы в Шотландии и окончательный разгром якобитского движения.

К концу XVIII столетия тема англо-шотландских национальных противоречий отошла на второй план во многом благодаря участию в общих для двух этих народов конфликтах с другими членами Британской империи. Шотландцы и англичане бок о бок сражались с мятежниками в Американских колониях и в Ирландии. В Шотландии процветала текстильная промышленность, способствуя быстрой индустриализации и урбанизации в этом регионе Британии. Кроме того, шотландцы приобретали всё больше власти в британском парламенте.

Шотландия присоединилась к Англии в то самое время, когда в Англии начался экономический подъем, явившийся следствием Промышленной революции. Британский империализм наряду с промышленным подъемом способствовали росту всеобщего благосостояния в Шотландии. В течение следующих 150 лет Шотландия всё активнее интегрировалась в структуры Великобритании, став в итоге ее неотъемлемой составной частью.

Однако проблема независимости или хотя бы ограниченной автономии продолжала волновать шотландцев. Когда в 1886 году британский премьер-министр Уильям Гладстоун, шотландец по происхождению, предложил восстановить ирландский парламент – независимый от Вестминстера, но подчиняющийся ему, – предложенная им концепция так называемого Гóмруля (от англ. *Home rule*) получила распространение и в Шотландии. Годом ранее она добилась от Британского правительства некоторой децентрализации власти, проявившейся в создании Министерства по делам Шотландии (*Scottish Office*).

В 1913 году парламентарий Уильям Коуэн предложил законопроект, целью которого было создание независимого шотландского парламента. Коуэн призвал восстановить контроль народа Шотландии над собственным законодательством в том, что касалось земельного права, торговли алкоголем, образования, жилищных отношений, рыболовецкой отрасли, религиозных во-

просов и других вопросов, связанных исключительно с местными реалиями.

Начало Первой мировой войны помешало продолжить обсуждение перспектив предоставления Ирландии и Шотландии права на самоуправление. Однако уже в 1922 году, после кровопролитной партизанской войны в Ирландии, последней удалось выйти из состава Британской империи. Это привело к образованию независимого Ирландского Свободного государства. Завершение войны в Ирландии по времени совпало с утратой доминирующей роли Британии в мировой экономике, а также потерей статуса имперской сверхдержавы. Это негативно отразилось на прежде выгодном положении Шотландии в составе унии.

Первые идеи о расширенной автономии в рамках единого государства связаны с появлением в 1934 году Шотландской национальной партии (ШНП). Она образовалась в результате слияния Национальной партии Шотландии и Шотландской партии. Раздираемая внутрипартийными противоречиями и борьбой депутатов между собой, ШНП, стоявшая на умеренных националистических позициях, тем не менее приобрела большое влияние в годы Второй мировой войны.

Обнаружение нефтяного месторождения Брент у берегов Шотландии в начале 1970-х годов оказало решающее влияние на сторонников независимости. В 1979 году был проведен референдум по вопросу о создании шотландского парламента, имеющего полномочия частично распоряжаться местными финансами. За создание парламента тогда проголосовали 51,6% избирателей. Однако по условиям проведения плебисцита этих голосов тогда оказалось недостаточно, и властные полномочия между Лондоном и Эдинбургом разделены не были. Второй референдум о расширении полномочий региона состоялся в 1997 году. По его итогам Шотландия в 1999 году получила собственный парламента.

Сторонниками сохранения территориальной целостности Союзенного Королевства расширение автономии воспринималось как попытка воспрепятствовать требованиям предоставить Шотландии независимость. Однако для ШНП получение большей автономии стало лишь перевалочным пунктом на пути к полной автономии Шотландии от Великобритании.

В 2007 году в ходе выборов в парламент Шотландии партия набрала большинство голосов, а ее лидер А. Сэлмонд, заняв пост первого министра Шотландии, поднял вопрос о независимости региона. Спустя три года ШНП внесла в свой предвыборный манифест идею референдума о независимости Шотландии. В 2011 году ШНП выиграла очередные выборы в шотландский парламент и впервые в своей истории получила большинство в нем.

В январе 2012 года начались переговоры между Лондоном и Эдинбургом, по итогам которых 15 октября 2012 года премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон и А. Сэлмонд подписали соглашение. Оно определило порядок проведения референдума в 2014 году. В итоге в марте 2013 года А. Сэлмонд объявил датой проведения референдума 18 сентября 2014 года.

В преддверии референдума сторонники и противники независимости фокусировали свое внимание на таких аспектах, как валютный вопрос, благосостояние населения, доходы от нефти в Северном море, иммиграция, стоимость новых госучреждений, членство в ЕС и экономический рост.

Правительство Шотландии намеревалось бороться с демографической проблемой путем привлечения 15 500 высококвалифицированных мигрантов в год. Вестминстер уверял, что подобное решение имело бы свои ограничения и создало бы серьезные социальные проблемы для Шотландии [7].

После обретения независимости правительство ШНП планировало начать переговоры о вступлении в ЕС, которые должны были продлиться 18 месяцев. Вестминстер заверял, что данный процесс занял бы больше времени, а после вступления Шотландии в ЕС она потеряла бы социальные привилегии, которыми в ЕС тогда пользовалась Великобритания.

Агитационная кампания официально началась 30 мая 2014 года. «Да, Шотландия» объединила сторонников отделения, а «Лучше вместе» – противников независимости. ШНП, Шотландская социалистическая партия и Шотландская партия зеленых выступили в поддержку кампании «Да, Шотландия». Ведущие политические партии Великобритании (консерваторы, лейбористы и либеральные демократы) выступили против независимости – координатором их кампании стал бывший министр финансов, лейборист Алистер Дарлинг. На агитационные цели было потра-

чено около 1,5 млн ф.ст. В день проведения референдума агитация не была запрещена.

В пользу сохранения единства страны активно выступили представители крупного бизнеса. Соответствующие заявления сделали главы влиятельных британских объединений и корпораций, включая Конфедерацию британской промышленности, Ассоциацию банкиров, агентство «Сити-Юкей», концерны «Би-Пи», «Шелл» и др. Крупнейшие банки Шотландии «Бэнк оф Скотланд» и «Ллойдс», а также страховой гигант «Стэндард Лайф» объявили, что в случае победы сторонников независимости их штаб-квартиры и основные активы будут переведены в Лондон [5; 9].

Коалиционное правительство, оппозиция и крупный бизнес провели мощную информационно-пропагандистскую кампанию, нацеленную на демонстрацию катастрофических последствий отделения Шотландии. Упор делался на росте цен на продовольствие, сокращении рабочих мест, повышении налогов, уменьшении пенсий, нестабильности валюты, бегстве капитала, падении доходов от добычи углеводородов, сокращении рынка недвижимости.

Контраргументы националистов строились на обвинениях Лондона «в нечистой игре» и запугивании шотландского народа. Ими также велась пропагандистская работа по повышению уверенности шотландской нации в собственных силах и возможности «процветать вне Британского союза». Предполагалось, что во главе независимой Шотландии будет стоять Елизавета II. Они заявляли, что сохранят работу службы «Би-Би-Си», функционирование бесплатных систем здравоохранения и образования, а также фунт стерлингов. При этом избирателей обещали избавить от «ненавистного правительства консерваторов» с его политикой жесткой бюджетной экономии. А. Сэлмонд утверждал также, что независимая Шотландия сохранит членство в НАТО, останется союзником США, но избавится от ядерных подводных лодок «Трайдент», базирующихся на военно-морской базе Фаслейн.

Референдум о независимости Шотландии состоялся 18 сентября 2014 года. На плебисцит был вынесен один вопрос: «Должна ли Шотландия быть независимой страной?», на который предлагалось два варианта ответа: «да» или «нет».

Для участия в референдуме зарегистрировалось 97% населения региона, имеющих право голоса (граждане от 16 лет и стар-

ше). По итогам голосования была зарегистрирована рекордная для Шотландии явка – 84,59%. По результатам подсчета голосов за независимость высказались 44,7%, против – 55,3% [8].

В референдуме могли принимать участие следующие категории граждан:

- подданные Соединенного Королевства, проживающие на территории Шотландии;
- граждане стран ЕС, проживающие на территории Шотландии (на этих основаниях приобрели право голоса более 120 тыс. человек, в том числе 60 тыс. поляков);
- граждане Содружества наций, постоянно проживающие на территории Шотландии;
- военнослужащие, дипломаты и госслужащие, проходящие службу за пределами Шотландии, которые имели возможность проголосовать по почте, если они были зарегистрированы в избирательных округах.

Все перечисленные категории лиц должны были пройти процедуру регистрации в списках избирателей до 2 сентября 2014 года; в противном случае они не могли принять участие в голосовании.

В преддверии плебисцита шотландцы опустили возрастную планку для участия в нем до 16 лет, причем только в отношении этого референдума. ШНП сделала ставку на молодежь, подавляющее большинство которой в итоге проголосовало за выход из состава Соединенного Королевства.

Показательно, что более 750 тыс. шотландцев, проживающих в остальной части Великобритании, а из них, по оценкам экспертов, большинство поддерживали независимость, так и не смогли принять участие в референдуме, как и их соотечественники, оказавшиеся в других странах мира. При этом более половины граждан ЕС и англичан, участвующих в голосовании, намеревались, по опросам общественного мнения, проголосовать против независимости.

Принять участие в референдуме можно было либо лично на избирательном участке, либо по почте, либо через уполномоченное лицо. По мнению экспертов, такая система не давала гарантий от фальсификации. Теоретически подтасовка голосов по почте могла бы также произойти путем регистрации по адре-

сам временного проживания. Количество избирателей, зарегистрировавшихся для голосования по почте, в ходе референдума составляло 18,4% от общего числа избирателей [10].

Примечательно, что отдельно результаты голосования по почте не объявлялись. Однако многие эксперты полагают, что именно они обеспечили победу противникам независимости, принеся «чистыми» в их копилку около 380 тыс. голосов (порядка 80% досрочно проголосовавших по почте высказались против независимости). Это как раз и есть общая разница голосов по результатам референдума между противниками и сторонниками независимости. Таким образом, в день голосования (без досрочного голосования) голоса шотландцев, исходя из представленных расчетов, распределились практически поровну.

Референдум 2014 года, по сути, запустил процесс конституционной трансформации Великобритании в сторону ее дальнейшей федерализации. Однако исход голосования показал, что участники референдума на тот момент не были готовы к суверенитету, даже в такой ограниченной форме, за которую агитировали националисты. В то же время рекордная явка продемонстрировала, насколько актуальным для населения страны остается вопрос о самоопределении. Наибольшее количество противников независимости на тот момент – люди старше 55 лет. Следующие поколения были настроены более решительно в пользу отделения от Великобритании: у них были сильны протестные настроения против британского истеблишмента, распространено стремление самим решать свою судьбу.

Новым витком развития событий стал судьбоносный референдум по выходу Великобритании из Европейского союза, который состоялся 23 июня 2016 года. В итоге плебисцита 51,9% проголосовавших поддержали выход Великобритании из ЕС. Предполагалось, что Соединенное Королевство покинет Европейский союз 29 марта 2019 года. Однако ввиду непримиримых разногласий между ведущими партиями в парламенте дата выхода была перенесена специальной поправкой к Закону.

29 марта 2019 года Палата общин в третий раз отклонила проект соглашения по выходу из Евросоюза. В итоге 24 мая 2019 года Тереза Мэй объявила о своей отставке с поста премьер-министра. Новому главе Британского правительства Борису Джон-

сону, избранному 24 июля 2019 года, также не удалось получить значительных уступок со стороны Европейского союза. Согласно Закону, принятому парламентом 9 сентября 2019 года, Джонсон был обязан просить руководство ЕС о дальнейшей отсрочке даты выхода. В рамках экстренного саммита глав государств – членов ЕС 10 апреля 2019 года в Брюсселе было принято решение о «гибкой» отсрочке даты выхода Британии (выход был перенесен на 31 октября 2019 г.).

24 апреля 2019 года во время выступления перед депутатами парламента в Эдинбурге первый министр Шотландии Никола Стерджен заявила, что Шотландское правительство намеревается представить законопроект о проведении до 2021 года нового референдума о независимости региона от Великобритании. Стерджен подчеркнула, что в случае, если Великобритания выйдет из состава Евросоюза, выбор между Брэкзитом и будущим Шотландии как независимой европейской нации должен быть сделан до завершения легислатурного периода регионального парламента в мае 2021 года [11].

Стерджен подчеркнула, что референдум 2016 года о выходе Великобритании из ЕС полностью изменил ситуацию. Если в Англии жители голосовали преимущественно за Брэкзит, то в Шотландии 62% высказались против. Развод с ЕС происходит против воли абсолютного большинства шотландцев, что позволяет вновь поставить на голосование вопрос о независимости Шотландии от Великобритании и сохранении таким способом членства в ЕС.

29 мая 2019 года Шотландское правительство опубликовало законопроект о проведении повторного референдума о независимости Шотландии от Великобритании, обозначив в нем возможность проведения голосования до 2021 года. В законопроекте оговаривается, что граждане смогут выбрать между Брэкзитом и независимостью Шотландии.

Необходимо отметить, что после убедительной победы Консервативной партии, достигнутой на выборах 2019 года, политическая драма под названием «Брэкзит» подошла к финалу. 31 января 2020 года Соединенное Королевство, наконец, вступило в переходный период, который завершится в конце этого года выходом страны из состава Европейского союза.

В то время как в 2016 году жители Соединенного Королевства в своей основной массе проголосовали на референдуме за выход страны из ЕС, большинство шотландцев, желая остаться в составе блока, высказались против разрыва с Евросоюзом. Такая позиция во многом объясняется торговыми преимуществами единого с остальными государствами-членами рынка, а также значительными инвестициями ЕС в инфраструктуру и промышленность Шотландии.

Никола Стерджен, комментируя ситуацию с голосованием, заявила следующее: «В сложившейся обстановке народ Шотландии сталкивается с перспективой выхода страны из состава ЕС против своей воли. Я рассматриваю такое событие как недопустимое в рамках демократии» [3].

Возможная альтернатива данному сценарию – выход Шотландии, в свою очередь, из состава Соединенного Королевства – стала бы настоящим потрясением для союза прежде независимых государств, существующего уже более трех столетий. И хотя всего шесть лет назад, на референдуме 2014 года, большинство жителей страны сказали «нет» перспективам обретения Шотландией независимости от Великобритании, следует понимать, что тогда еще не шло никакой речи о неизбежности Брэкзита.

За последние несколько месяцев Стерджен и другие члены Шотландской национальной партии, выступающей за независимость региона от Великобритании, неоднократно намекали на вероятность проведения повторного референдума. Учитывая, что с 2014 года политическая обстановка изменилась, есть основания полагать, что шотландцы смогут прийти к новому консенсусу. По данным социологического опроса, проведенного центром изучения общественного мнения «Как считает Шотландия» (What Scotland Thinks), число опрошенных, поддерживающих независимость региона, выросло, однако сторонникам выхода из Великобритании по-прежнему не хватает нескольких процентов до большинства [6]. По мнению многих экспертов, противники независимости лишь незначительно опережают сторонников, а с течением времени поддержка идей сепаратизма будет постепенно возрастать.

У сторонников независимости есть два основных аргумента. Первый из них преимущественно затрагивает чувство нацио-

нальной идентичности и суверенитета. Согласно этому аргументу право Шотландии на самоопределение было нарушено. В основе второго аргумента – восстановление доступа страны к торговле с членами ЕС. Как это ни парадоксально, последний довод лишился заметной доли поддержки в ходе Брэкзита. Его оппоненты считают, что Шотландия в случае разрыва с Великобританией рискует потерять гораздо более важный рынок сбыта шотландских товаров и вместо этого торговать со странами ЕС, где прибыль от экспорта будет сравнительно ниже.

Время покажет, сумеет ли Стерджен реализовать свои намерения насчет проведения всенародного голосования по статусу Шотландии, особенно с учетом недавней новости об официальном отказе премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона согласовать повторный референдум. Однако, если это и случится, неизвестно, проголосуют ли шотландцы за политическую самостоятельность.

Проведенный центром Пэнелбейс (Panelbase) социологический опрос, зафиксировавший 52%-ный показатель одобрения идеи выхода Шотландии из состава Соединенного Королевства, подтверждает тенденцию к постепенному росту поддержки сепаратистских настроений в регионе вследствие завершения процедуры Брэкзита [4].

В ШНП одобрили подобный сдвиг в общественном мнении в сторону поддержки независимости. Британское правительство, напротив, оказалось в крайне сложном положении, поскольку теперь ему предстоит доказать шотландцам, что реализация политического курса Бориса Джонсона после выхода страны из ЕС будет нести в себе хоть какую-то пользу для их региона.

Правительство Великобритании в настоящее время занимается разработкой законодательных инициатив, которые должны снизить поддержку идей сепаратизма среди шотландцев, а также могут нанести удар по популярности Николы Стерджен, продолжающей критиковать действия Джонсона, чье правительство в настоящее время ведет переговоры с ЕС о подписании торгового соглашения.

В Правительстве Великобритании планируют потратить сотни миллионов фунтов на строительство новой инфраструктуры

в Шотландии, а также на программы инвестиций в экономику региона. Для этих целей создается специальный фонд «совместного благополучия», которым планируется заменить структурные фонды ЕС. Кроме того, Правительство намерено добиться подписания межправительственных соглашений между регионами Соединенного Королевства, которые будут способствовать укреплению единства страны. Помимо этого в Правительстве озвучивались предложения предоставлять шотландским студентам социальные стипендии, которые позволят им учиться в английских университетах. Рассматривается также выделение средств в размере 5 млн фунтов на создание рекламных роликов для кинотеатров, в которых будут красочно описываться достижения Соединенного Королевства в разных сферах. В правительственных источниках отмечается, что агитационная кампания распространится не только на Шотландию, но и на Уэльс с Северной Ирландией.

Для Шотландского правительства сложность заключается в том, что для проведения нового референдума о независимости Эдинбургу необходимо получить одобрение Лондона, который, в свою очередь, полагает, что на сегодняшний момент такой плебисцит проводить не имеет никакого смысла.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что выход Великобритании из ЕС запустил дальнейшее развитие вопроса о независимости шотландского региона. Несомненно, Британское правительство будет и дальше делать всё, чтобы повторный референдум о независимости Шотландии состоялся как можно позже, однако необходимо понимать, что возможности Лондона наложить запрет на такое голосование всё же ограничены. Рано или поздно плебисцит состоится.

Подводя итоги, можно сделать следующий вывод: после того, как Великобритания окончательно завершила «бракоразводный» процесс с ЕС, и в случае если Шотландское правительство всё же выполнит свои обещания и добьется проведения повторного плебисцита, есть все основания полагать, что шотландцы сделают свой выбор в пользу независимости региона и сохранения членства в ЕС. Это может подтолкнуть и другие британские регионы, прежде всего Северную Ирландию, а затем, возможно, и Уэльс, претендовать на аналогичный статус.

Литература

1. *Титлер П.* История Шотландии. От пиктов до Брюсов. – М.: Евразия, 2016. – 610 с.
2. *Федосов Д.Г.* Рожденная в битвах. Шотландия до конца XIV века. – М.: Евразия, 2017. – 352 с.
3. Brexit: Nicola Sturgeon says second Scottish independence vote 'highly likely' // BBC News. – URL: <https://www.bbc.co.uk/news/uk-scotland-scotland-politics-36621030> (accessed: 12.03.2020).
4. Latest poll shows support for Scottish independence at 52% // The Scotsman. – URL: <https://www.scotsman.com/news/politics/scottish-independence/latest-poll-shows-support-scottish-independence-52-1395231> (accessed: 12.03.2020).
5. RBS will leave Scotland if voters back independence // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/business/2014/sep/11/rbs-will-leave-scotland-yes-vote> (accessed: 12.03.2020).
6. Scotland // What Scotland Thinks. – URL: <https://whatscotlandthinks.org/opinion-polls/scotland-poll-results/> (accessed: 12.03.2020).
7. Scotland Analysis: Fiscal policy and sustainability // UK Government. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/314359/Scotland_analysis_Fiscal_policy_and_sustainability.pdf (accessed: 13.03.2020).
8. Scotland votes no // BBC. – URL: <https://www.bbc.co.uk/news/events/scotland-decides/results> (accessed: 14.03.2020).
9. Scottish independence: ten key issues // The Telegraph. – URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/uknews/scottish-independence/11093456/Scottish-independence-ten-key-issues.html> (accessed: 12.03.2020).
10. Scottish Independence: 97% register to vote in referendum // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2014/sep/11/referendum-registered-voters-scotland-four-million-97-per-cent> (accessed: 14.03.2020).
11. Sturgeon wants Scottish independence referendum by 2021 // BBC NEWS. – URL: <https://www.bbc.co.uk/news/uk-scotland-scotland-politics-48026430> (accessed: 12.03.2020).

Гаврилова Светлана Михайловна,

кандидат исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.
E-mail: smgavrilova@gmail.com

Svetlana M. Gavrilova,

Ph.D. (History),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.
E-mail: smgavrilova@gmail.com

РОССИЯ И ИТАЛИЯ: ТЕНДЕНЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА RUSSIA AND ITALY: TRENDS IN COOPERATION

Аннотация: российско-итальянские двусторонние отношения, исторически имевшие дружественный характер, на современном этапе сохраняются на высоком уровне и проявляются в интенсивном сотрудничестве в разных областях взаимодействия. Такие контакты в экономической, социальной, культурной сферах, сотрудничество в области науки, образования, технологий сопутствуют устойчивому политическому взаимодействию, которое характеризуется положительной динамикой. В статье рассматриваются российско-итальянские двусторонние договоры и соглашения, составляющие основу политического сотрудничества и контактов в иных сферах, дается оценка роли и места отношений России и Италии в контексте перспектив сотрудничества Российской Федерации и Европейского союза.

Ключевые слова: Российская Федерация, Итальянская Республика, двусторонние отношения, партнерство, экономика, культура, Европейский союз.

Abstract: Russian-Italian bilateral relations, which have historically been friendly, are currently maintained at a high level and are manifested in intensive cooperation in various areas of interaction. Such contacts in the economic, social, and cultural spheres, as well as cooperation in science, education, and technology, accompany a stable political interaction that is characterized by positive dynamics. The article examines Russian-Italian bilateral agreements and agreements that form the basis of political cooperation and contacts in other areas, and assesses the role and place of relations between Russia and Italy in the context of prospects for cooperation between the Russian Federation and the European Union.

Key words: Russian Federation, Italian Republic, bilateral relations, partnership, economy, culture, European Union.

Российско-итальянские отношения традиционно имеют положительный характер и отличаются интенсивным сотрудничеством в ряде областей двусторонних контактов. Это связано с тем, что две страны не сталкивались с проблемой территориальных споров или обострением отношений в иных сферах, их геополитические интересы нигде не пересекаются. Исключая

вопросы о Триесте¹ и репарациях, негативно повлиявших на развитие отношений в первые годы после Второй мировой войны, обе страны неизменно оставались на позициях взаимного уважения и стремления к расширению контактов в разных сферах. В какой-то мере это связано со «схожестью» исторических судеб двух государств в XX веке: и Россия, и Италия имели опыт тоталитаризма, в 1990-е гг. столкнулись с проблемой «слома» политической системы и переоценкой ценностей. Важным показателем, неизменно оказывающим влияние на развитие характеризующихся позитивными тенденциями отношений двух стран на протяжении всей послевоенной истории – и это остается актуальным и в настоящее время, – является евроатлантический фактор: обязательства Италии как члена Евросоюза и НАТО перед своими партнерами. При этом, однако, необходимо учитывать тот факт, что Итальянская Республика на протяжении нескольких послевоенных десятилетий оставалась единственным государством Западной Европы, где коммунистическая партия являлась второй по влиянию политической силой, что накладывало серьезный отпечаток как на внутривнутриполитическую ситуацию в стране, так и на самопозиционирование Италии на внешнеполитической арене.

Неизменно положительное воздействие на климат двусторонних отношений оказывает близость менталитетов двух народов и высокий уровень взаимного интереса на уровне культурных цивилизационных кодов. Как следствие, налицо широкие связи в сферах культуры, науки, образования, академических обменов. Знаковым событием для данного измерения двусторонних контактов было объявление 2011 года Годом российской культуры и русского языка в Италии и Годом итальянской культуры и итальянского языка в России.

Немаловажное значение на высокий позитивный уровень политических контактов России и Италии долгое время оказывал такой фактор, как многолетняя личная дружба В.В. Путина и Сильвио Берлускони – знаковой фигуры итальянской политики. Начало его политической карьеры совпало с коренными структурными трансформациями итальянской политической системы в 1990-е годы. Конкретным воплощением контактов на данном

¹ После подписания мирного договора 1947 года СССР поддерживал решение отдать порт Триест Югославии.

уровне стало содействием Сильвио Берлускони подключению Российской Федерации к работе «Большой семерки» и ее превращению в G8.

В позитивном ключе в данном контексте следует рассматривать и позицию в отношении России одного из самых популярных современных итальянских политиков Маттео Сальвини. Неизменно высказываясь за улучшение отношений с Российской Федерацией как Италии, так и Евросоюза в целом, лидер итальянской «Лиги» осуществлял и конкретные шаги в данном направлении: политик совершил ряд визитов в Россию с 2014 года, в том числе посетил полуостров Крым. При этом важно отметить, что личный рейтинг Сальвини неуклонно растет на протяжении нескольких лет, повышается и политический вес его партии. Следовательно, позиции политика находят поддержку среди широких слоев электората, что свидетельствует о сохранении традиционно высокого уровня позитивного отношения к России в итальянском обществе. В данном контексте примечательно, что согласно некоторым исследованиям тональность материалов в отношении России в медийном пространстве западных стран характеризуется преимущественно как негативная или нейтральная и только в Италии уровень позитивных материалов превышает 13% от общего проанализированного числа [7].

Еще одним важным обстоятельством, оказывающим воздействие на двусторонние отношения, остается позиция Италии внутри Евросоюза: традиционное стремление Итальянской Республики к одной из ведущих ролей в общеевропейской политике осложняется ее экономическим положением и нестабильной внутриполитической обстановкой. Следствием этого становится стремление страны к поиску политических и экономических партнеров за рамками Единой Европы, и именно Российская Федерация отвечает ее внешнеполитическим требованиям. Несмотря на современные непростые отношения России с европейскими государствами, Италия остается крупным экономическим и политическим партнером нашей страны. Заявления итальянских политиков, сделанные на высшем уровне, подтверждают стремление Итальянской Республики к сохранению и развитию дальнейшего диалога с Российской Федерацией. Взаимодействие двух стран традиционно складывается в позитивном ключе, о чем

свидетельствуют широкие контакты в разных направлениях, многочисленные встречи на уровнях глав государств и правительств, министров иностранных дел, межпарламентских консультаций.

Между Российской Федерацией и Итальянской Республикой существует широкая правовая база: менее чем за три последних десятилетия между двумя государствами были подписаны и действуют в настоящее время 33 официальных документа в разных областях взаимодействия¹. Они дополняются значительным числом документов, подписанных в период 1948–1991 годов между СССР и Итальянской Республикой, которые также остаются в силе. Россия и Италия подписали ряд специальных соглашений, регулирующих специфические области сотрудничества, как, например, усыновление детей [4], борьба с преступностью [16], использование космического пространства в мирных целях [17]. Столь обширная правовая база демонстрирует не только подтверждение обеими сторонами особого статуса двусторонних отношений, но и перспективы дальнейшего сотрудничества в широком спектре направлений взаимодействия. Несомненно, что сотрудничество в столь разнонаправленных областях – экономика, культура, наука, технологии – является основой для «привилегированного партнерства» и прочным фундаментом для развития отношений как на двусторонней основе, так и, возможно, в формате сотрудничества Российской Федерации с Европейским союзом.

Начало современным контактам двух стран в разных сферах положило подписание советско-итальянского Договора о дружбе и сотрудничестве 18 ноября 1990 года. Итальянская Республика стала одним из первых государств, признавших Российскую Федерацию в качестве правопреемника СССР. Принципы отношений между государствами на современном этапе отражены в Договоре о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Итальянской Республикой от 14 октября 1994 года [5] и Плате действий в отношении между Российской Федерацией и Итальянской Республикой от 10 февраля 1998 года [12]. Они определили основные направления двусторонних связей в политической, экономической, промышленной, финансовой, научно-технической и культурной сферах.

¹ По данным с электронного ресурса МИД России.

Основными направлениями сотрудничества согласно Договору 1994 года являются: политическое, экономическое, финансовое, научно-техническое, промышленное и торговое направления; контакты по военной линии, развитие межпарламентских связей, контактов представителей общественности и гражданских обществ двух государств, в том числе молодежных обменов; культурное, гуманитарное сотрудничество, а также сотрудничество в области охраны окружающей среды и в борьбе с организованной преступностью. Отдельно подчеркивается стремление к содействию процессу разоружения как одному из основополагающих элементов безопасности (статья 5). Важным пунктом Договора является намерение «поддерживать и поощрять различные формы сотрудничества на двустороннем и многостороннем уровнях, особенно в Европе» (статья 16). Данная статья Договора представляется особенно значимой в контексте возможности расширения диалога России с ЕС в настоящее время. Все указанные направления сотрудничества на протяжении прошедших с заключения Договора 26 лет активно развиваются, что подтверждается наличием широкой нормативно-правовой базы, значительным числом проводимых мероприятий, созданием разных площадок сотрудничества.

Важно отметить, что контакты между двумя государствами в таких областях, как научно-техническое и военно-техническое сотрудничество, кредитно-финансовые операции, связи в области культуры, образования и туризма, являются благоприятным условием и для развития российско-итальянского политического диалога. Именно эти направления, как представляется, могут стать основой для укрепления общего уровня доверия и политической кооперации между государствами. В мероприятиях, проводимых на двусторонней основе в сферах культуры, науки и образования, систематически проявляются элементы «мягкой силы». Учитывая, что Италия – один из лидеров Евросоюза, углубление данного направления взаимодействия, очевидно, окажет положительный эффект на общий уровень «присутствия» России в Европе.

Широкая институциональная основа двусторонних отношений включает ряд площадок взаимодействия в разных областях. Так, еще в 1999 году был создан российско-итальянский Совет по эко-

номическому, промышленному и валютно-финансовому сотрудничеству. В 2000 году начала работу Большая российско-итальянская межпарламентская комиссия, в рамках которой осуществляется широкий межведомственный диалог. На последнем заседании Комиссии, состоявшемся 5 марта 2019 года¹, было подписано совместное коммюнике, в котором говорится о ряде вопросов, имеющих особое значение для двусторонних отношений России и Италии на современном этапе. Отдельно подчеркивается высокий уровень и теплый климат двусторонних отношений, важной составляющей которых является «конструктивное и доверительное межпарламентское взаимодействие». При этом важно отметить, что в документе признается «сохраняющаяся на политическом уровне напряженность на европейском пространстве», преодолеть которую призвано взаимодействие, в том числе, и на уровне двусторонних контактов [15]. В 2004 году начал функционировать российско-итальянский Форум-диалог по линии гражданских обществ, деятельность которого охватывает сферы экономики, культуры, гуманитарных и общественных связей.

Политическое взаимодействие двух стран традиционно складывается в позитивном ключе, о чем свидетельствуют широкие контакты в разных направлениях, многочисленные встречи на уровнях глав государств и правительств, министров иностранных дел, межпарламентских консультаций. Встречи на высшем уровне осуществляются постоянно в течение последних 10 лет. В 2008 и 2009 годах состоялся обмен визитами президентов России и Италии. Их результаты – подписание ряда соглашений и развитие политического диалога между странами по актуальным вопросам мировой политики. Обмен визитами на высшем уровне продолжился в 2010 и 2011 годах и стал регулярной практикой. В ходе встреч, проведенных во время визитов, велись переговоры по торгово-экономическим вопросам и сотрудничеству в сфере электроэнергетики, экономики, политики и культуры. Интенсивность контактов на высшем уровне несколько снизилась после событий 2014 года, что не сказалось, однако, на общем «теплом климате» политического взаимодействия. Последний визит Президента России в Италию состоялся в июле 2019 года.

¹ По состоянию на 15.03.2020.

Позитивная тенденция в развитии политических контактов подтверждается проведением на регулярной основе встреч в формате «2+2» с участием министров иностранных дел и обороны. Подобный формат, который действует и в настоящее время (последняя встреча состоялась 18 февраля 2020 г. в Риме), демонстрирует высокий, фактически «эксклюзивный» уровень политического диалога между двумя государствами [см. подробнее: **2; 3**].

Примечательно, что на сайте итальянского МИД Российской Федерации посвящен специальный раздел в географическом блоке «Европа» – «Отношения между Италией и Россией», в котором выделены темы «Политические отношения», «Экономические отношения», «Итало-русские культурные связи». Во главу угла ставится тезис о сохранении интенсивных позитивных контактов между странами: «Отношения между Италией и Россией остаются интенсивными и позитивными даже в деликатной фазе, характеризующейся режимом ограничительных мер, наложенных на Москву ЕС и основными западными партнерами, как последствия событий, которые произошли в Украине начиная с 2014 года. Италия всегда считала необходимым, признавая четкие обязательства России в отношении незаконной аннексии Крыма и дестабилизации на Донбассе, поддерживать диалог и конструктивный подход с Российской Федерацией. Мы поддерживаем необходимость всеобъемлющего подхода, который побудит Россию к сотрудничеству в поиске общих решений основных глобальных проблем, включая борьбу с терроризмом и крупные международные кризисы» [**21**].

В сфере экономики одним из приоритетных направлений остается энергетическое сотрудничество. Итальянская Республика заинтересована в поставках российских энергоносителей. На протяжении многих лет взаимодействие в данной сфере продолжает оставаться основой экономических взаимосвязей двух стран. В 2006 году было заключено соглашение между «Газпромом» и итальянской энергетической компанией ЭНИ о прямых поставках российского газа на итальянский рынок сроком до 2035 года.

Заметное место в двусторонних экономических отношениях занимает Итало-Российская Торговая Палата – частная не-

коммерческая организация, целью которой является развитие экономического, торгового и делового сотрудничества между двумя государствами. Деятельность организации началась еще в 1964 году; ее целями являются оказание содействия экономическому, торговому, техническому, правовому, научному и культурному сотрудничеству между Италией, Российской Федерацией, другими государствами СНГ и их представителями, а также создание доверительной атмосферы для плодотворного сотрудничества между итальянскими и российскими предпринимателями. Деятельность Палаты реализуется в двух направлениях – «стратегическом» (оказание поддержки предпринимателям путем организации рабочих встреч политических и экономических кругов двух стран) и в сфере оказания услуг (консалтинг, логистическая и техническая поддержка) российским и итальянским предпринимателям [6].

Как отмечается на официальном ресурсе итальянского МИД: «Общий уровень экономических отношений между Италией и Россией остается важным. Значительное падения торговли наблюдалось с 2014 года, в основном из-за негативной экономической ситуации в российской экономике, обвала цен на углеводороды, девальвации рубля и санкций, введенных ЕС в отношении России после украинского кризиса, с 2017 года ситуация определенно улучшилась. По данным ISTAT (итальянский Национальный институт статистики. – С.Г.), в 2017 году обмен между Россией и Италией составил 20,3 млрд евро (+17% по сравнению с 2016 г.). Итальянский экспорт в Россию достиг 8 млрд евро (+19% по сравнению с 2016 г.), а итальянский импорт из России – 12,3 млрд евро (+16%). В 2018 году Италия была седьмой страной-импортером и пятым поставщиком в Россию. Импорт из нашей страны вырос на 10,7% в январе–сентябре. Экспорт, с другой стороны, зафиксировал новый скромный оборот (-4,4%)» [21].

На российском рынке представлено около 500 итальянских компаний, многие из которых имеют производство на территории Российской Федерации. Россия и Италия сотрудничают по широкому спектру отраслей промышленности, в электроэнергетике, агропромышленном комплексе, транспортной и энергетической инфраструктуре, нефтедобыче и переработке нефти, производстве современного оборудования [9].

Итальянская экономика несет заметные потери в связи с антироссийскими санкциями. Таким образом, именно Италия оказывается одной из самых заинтересованных сторон в процессе урегулирования ситуации с санкциями и восстановления торгово-экономических отношений в полном объеме.

Двусторонние проекты России и Италии охватывают и такие направления, как производство новых знаний, например деятельность Российско-итальянского технологического центра обучения в области машиностроения и металлообработки, созданного в рамках взаимодействия итальянского Института внешней торговли (ICE) и Московского государственного технологического университета (СТАНКИН) [1, с. 162]. Подобные проекты, реализуемые при участии научно-исследовательских и образовательных организаций, являются перспективным направлением для развития двусторонних отношений. В данном контексте необходимо подчеркнуть, что сфера научных контактов и взаимодействия экспертных сообществ остается важным направлением, способным оказать прогрессивное воздействие на углубление и расширение сотрудничества в разных сферах.

Ключевым документом в сфере *культурного взаимодействия* является Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Итальянской Республики о сотрудничестве в области культуры и образования от 10 февраля 1998 года [18]. В документе подробно перечисляются конкретные мероприятия в области культуры, образования и гуманитарных наук, декларируется стремление поощрять обмен опытом в области культуры и популяризация культурных и художественных ценностей обеих стран (статья 2). Важным направлением в данном контексте является «реализация прямых связей между городами и регионами Российской Федерации и Итальянской Республики» (статья 5). Необходимо отметить, что сотрудничество в данном направлении развивается активно на протяжении нескольких десятилетий: межрегиональные связи направлены прежде всего на расширение контактов в сфере малого и среднего предпринимательства. Еще в ноябре 2003 года был подписан Меморандум о создании «промышленных округов» по итальянскому образцу на территории Российской Федерации [10]. На базе итальянского опыта в России проводятся активные действия по созданию

«промышленных округов», объединяющих по территориальному признаку промышленные комплексы и производства, в том числе представительства итальянских компаний.

На традиционно высоком уровне остаются контакты в *сферах науки и образования*. Регулярно проводятся мероприятия научно-аналитического характера. Так, в марте 2014 года в Риме состоялось подписание Меморандума о сотрудничестве между Дипломатической академией МИД России и Итальянским обществом содействия международным организациям, который «открывает возможности совместной подготовки специалистов в области международных отношений» [11]. Среди последних контактов на уровне академических и экспертных сообществ необходимо выделить ряд мероприятий, состоявшихся в 2019 году. 28 марта 2019 года в Комитете Совета Федерации по международным делам состоялось совещание по обсуждению доклада «Российско-итальянские связи вчера, сегодня, завтра», на котором обсуждались состояние российско-итальянских отношений и перспективы развития сотрудничества в экономической и гуманитарной сферах [13]. 10 сентября 2019 года в Москве Российский совет по международным делам в сотрудничестве с Итальянским институтом международных политических исследований и Министерством иностранных дел и международного сотрудничества Италии провел международный семинар «От полей сражений к столам переговоров. Роль международных игроков в кризисах в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА)». На форуме обсуждались проблемы кризисов на Ближнем Востоке и в Северной Африке, роль региональных и международных акторов в этих процессах [14]. 7 октября 2019 года в Риме состоялся четвертый Трансатлантический форум по России (Transatlantic Forum on Russia), который проводится на ежегодной основе совместно Институтом Аспена (Италия) и Министерством иностранных дел Италии, посвященный вопросам взаимодействия «США – Европейский союз – Россия» [19]. Высокий уровень включенности российских экспертов в обсуждение проблем международных отношений на авторитетных научных площадках при участии итальянских специалистов способствует выводу двусторонних контактов на принципиально новый уро-

вень – теоретического обоснования развития стратегического взаимодействия России и Италии.

В современной непростой международной обстановке именно сфера академических контактов, сотрудничество экспертных сообществ, как по ряду вопросов двустороннего взаимодействия, так и в обсуждении ключевых проблем международных отношений, мировой политики и экономики, может способствовать преодолению разногласий в политической сфере, разрешению противоречий не только в двустороннем формате, но и шире – в контексте диалога Российской Федерации и Европейского союза.

* * *

После событий 2014 года именно Италия стала «мостом» для России в сфере сохранения контактов с Европой. Итальянские политики в официальных заявлениях неизменно подчеркивают необходимость пересмотра политики ЕС в отношении России, выступают за отмену антироссийских санкций. Как указывают российские ученые Е.А. Маслова и Е.Д. Сорокова, «Россию и Италию связывают в основном прагматичные интересы в первую очередь торгово-экономического характера» [8, с. 58]. Исследователи оценивают российско-итальянские отношения как «прагматическое отраслевое партнерство», но не «стратегическое сотрудничество» или «стратегическое партнерство», указывая на разность позиций двух государств в отношении ряда ключевых проблем международных отношений, таких как ливийский и сирийский вопросы, ситуация на Украине [8, с. 58]. При этом наибольшей ценностью в двусторонних контактах России и Италии являются проверенная временем стабильность и высокий уровень доверительности как политического диалога, так и сотрудничества в широком спектре вопросов взаимовыгодного взаимодействия. Стратегическое партнерство в классическом понимании этого термина, очевидно, и невозможно в связи с отсутствием сходных геополитических интересов, однако следует отметить и тот факт, что, как указывалось выше, отсутствие столкновения интересов двух стран в области приоритетных внешнеполитических направлений позволяет отношениям развиваться в неизменно позитивном ключе.

Российско-итальянские двусторонние отношения, несомненно, можно охарактеризовать как стабильные, интенсивные и пер-

спективные. Сегодня, когда стало совершенно очевидным, что будущее Единой Европы невозможно без конструктивного диалога и развития сотрудничества с Российской Федерацией [20], подобные двусторонние контакты могут стать важной отправной точкой для развития стратегического партнерства на уровне РФ – ЕС. Широкие контакты в культурной сфере, в области науки и образования создали прочную платформу для взаимодействия не только на государственном уровне, но и на уровне гражданских обществ, социальных связей и общественных менталитетов двух стран. Взаимопроникновение русской и итальянской культур, сформировавшийся положительный образ России в Италии, высокая степень доверительности во взаимоотношениях позволяют говорить об успешной реализации элементов «мягкой силы» во внешнеполитической линии Российской Федерации на итальянском направлении. Подобный опыт может стать примером для развития отношений и с другими европейскими странами.

Италия – одна из стран – основательниц Европейского союза, обладающая высоким уровнем репутации на европейской политической арене. Дальнейшее расширение и углубление контактов с этой страной позволит Российской Федерации добиться «выхода» на общеевропейскую арену. Важным направлением в данном контексте, несомненно, является развитие взаимодействия в традиционных сферах «мягкой силы» – культуры, науки, образования, академических обменов.

На фоне общего «охлаждения» взаимоотношений с европейскими партнерами высокий уровень доверительности российско-итальянского политического диалога и широкий спектр сфер взаимодействия двух стран могут оказаться решающими факторами в преодолении кризиса в отношениях Российской Федерации и коллективного Запада.

Литература

1. *Авилова А.В.* Итальянские технологии в России // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2018. – № 6. – С. 158–164.
2. *Гаврилова С.М.* Российско-итальянские отношения на рубеже XX – XXI веков // Новая и Новейшая история. – 2017. – № 1. – С. 206–217.
3. *Гаврилова С.М.* Российские ученые о внешней политике Италии на рубеже XX–XXI вв. // История. – 2012. – Вып. 5 (9).
4. Договор между Российской Федерацией и Итальянской Республикой о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/

- page-2/45615?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%98%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 05.03.2020).
5. Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Итальянской Республикой. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901909430> (дата обращения: 05.03.2020).
 6. Итало-российская торговая палата. – URL: <https://www.ccir.it/ccir/ru/chi-siamo/> (дата обращения: 05.03.2020).
 7. Косачев К.И. Исследование МИА «Россия сегодня» «Зарубежные СМИ о России»: сводки с информационных фронтов / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/109074/> (дата обращения: 12.03.2020).
 8. Маслова Е.А., Сорокова Е.Д. Россия – Италия: концептуальный анализ двусторонних отношений // Современная Европа. – 2019. – №. 1. – С. 48–59.
 9. Межгосударственные отношения России и Италии // РИА. – URL: <https://ria.ru/20190704/1556157581.html?in=t> (дата обращения: 15.03.2020).
 10. Меморандум по вопросам создания промышленных округов на территории Российской Федерации с использованием итальянского опыта. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3828/print> (дата обращения: 15.03.2020).
 11. О подписании Меморандума о сотрудничестве между Дипломатической академией МИД России и Итальянским обществом содействия международным организациям // МИД России. – URL: http://www.mid.ru/maps/it/-/asset_publisher/y8qQ47DsHQYD/content/id/72010 (дата обращения: 12.03.2020).
 12. План действий в отношениях между Российской Федерацией и Итальянской Республикой. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901755601> (дата обращения: 05.03.2020).
 13. Российско-итальянские отношения обсудили в Комитете Совета Федерации по международным делам / РСМД. – URL: https://russiancouncil.ru/news/rossiysko-italyanskie-otnosheniya-obsudili-v-komitete-soveta-federatsii-po-mezhdunarodnym-delam-/?sphrase_id=33642273 (дата обращения: 12.03.2020).
 14. РСМД, ISPI и МИД Италии обсудили роль международных игроков в кризисах в регионе Ближнего Востока и Северной Африки / РСМД. – URL: https://russiancouncil.ru/news/rsmd-isp-i-mid-italii-obsudili-rol-mezhdunarodnykh-igrokov-v-krizisakh-v-regione-blizhnego-vostoka-/?sphrase_id=33642273 (дата обращения: 15.03.2020).
 15. Совместное коммюнике шестнадцатого заседания Большой российско-итальянской межпарламентской комиссии / Сайт Большой российско-итальянской межпарламентской комиссии. – URL: <http://rusit.duma.gov.ru/wp-content/uploads/2019/04/%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%8E%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B5-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9.pdf> (дата обращения: 05.03.2020).
 16. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Итальянской Республики о сотрудничестве в борьбе с преступностью / МИД России. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-3/46286?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%98%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 07.03.2020).
 17. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Итальянской Республики о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях / МИД России. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-4/46773?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_

- storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%98%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 07.03.2020).
18. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Итальянской Республики о сотрудничестве в области культуры и образования от 10 февраля 1998 г. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-5/47303?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=Итальянская+Республика&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 07.03.2020).
 19. Четвертый Трансатлантический форум по России / РСМД. – URL: https://russiancouncil.ru/news/chetvertyi-transatlanticheskii-forum-po-rossii-rim/?sphrase_id=33642273 (дата обращения: 15.03.2020).
 20. Яковенко А.В. Европа в эпоху перемен // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – № 1. – С. 6–14.
 21. I rapporti tra Italia e Russia / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. – URL: https://www.esteri.it/mae/it/politica_estera/aree_geografiche/europa/i_nuovi_rapporti.html (accessed: 15.03.2020).

Табаринцева-Романова Ксения Михайловна,

кандидат филологических наук,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург.
E-mail: kmromanova@mail.ru

Ksenia M. Tabarintseva-Romanova,

Ph.D. (Letters),
Ural Federal University,
Yekaterinburg.
E-mail: kmromanova@mail.ru

**ОТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
К ВОЕННОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ:
ДВЕ ГРАНИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИТАЛИИ**

**FROM SUSTAINABLE DEVELOPMENT
TO MILITARY COOPERATION:
TWO FACETS OF ITALIAN FOREIGN POLICY**

Аннотация: статья посвящена анализу внешней политики Италии последних пяти лет (от принятия Повестки 2030 ООН о реализации целей устойчивого развития до настоящего времени). Автор дает краткую характеристику особенностей современной внешней политики Италии, далее тезисно рассматривает проблематику реализации национальных интересов в условиях глобализации и главенства наднациональных структур и их связь с приоритетными направлениями развития международных организаций. Выбор организаций обусловлен следующими факторами: 1) «новизна» внешнеполитических направлений государства (ЦУР¹ реализуются с конца 2015 г., а европейская структура PESCO² существует с конца 2017 г.); 2) участие в обеих организациях является одним из приоритетных направлений внешней политики Италии. Рассматривается участие Италии в организации PESCO как наиболее близкой структуре, позволяющей реализовать итальянские национальные интересы. На основе анализа отчетов по реализации ЦУР делаются выводы об эффективности итальянской политики в данной области.

Ключевые слова: внешняя политика Италии, международные организации, ООН, Европейский союз, PESCO, Цели устойчивого развития.

Abstract: the article analyzes the foreign policy of Italy over the past five years (from the adoption of the UN 2030 Agenda for the implementation of the sustainable development goals to the present). The author gives a brief description of the features of the modern foreign policy of Italy, then examines the problem of the implementation of national interests in the context of globalization and the primacy of supranational structures and their relationship to the priority areas of development of international organizations. The choice of organizations is determined

¹ Цели устойчивого развития.

² Постоянное структурированное сотрудничество в сфере безопасности и обороны.

by the following factors: 1) the “novelty” of the Italian state’s foreign policy directions (the SDGs¹ have been implemented since the end of 2015, and the European structure of PESCO² has been in existence since the end of 2017); 2) participation in both organizations is one of the priorities of Italy’s foreign policy. The article considers Italy’s participation in the PESCO organization as the closest structure that allows realizing Italian national interests. Based on the analysis of reports on the implementation of the SDGs, conclusions are drawn about the effectiveness of Italian policy in this area.

Key words: Italy’s foreign policy, international organizations, UN, European Union, PESCO, Sustainable development goals.

Осуществляя внешнюю политику, Италия, как и большинство европейских стран, вынуждена искать хрупкое равновесие между стремлением реализовать национальные интересы и выполнением взятых обязательств перед международными организациями. Как пишет М. Арпино, рассуждая о стратегии и национальном интересе, Устав ООН является неким носителем универсальных принципов – интересов, к которым относятся фундаментальные права, связанные с достоинством и ценностью человеческой личности, то есть на данном уровне иерархии нет места для конкретных национальных интересов. На уровне ЕС национальные интересы стран-членов реализуются частично: настолько, насколько они включены в общую стратегию развития Евросоюза. Таким образом, М. Арпино делает вывод, что реализация национальных интересов возможна только в той степени, в которой они не противоречат универсальным принципам международных организаций [5].

Определение приоритетных интересов сообщества имеет основополагающее значение для понимания национальной стратегии. Тактические или политические решения часто неверно истолковываются как геополитические, тогда как стратегическое мышление означает прагматичное мышление о долгосрочных целях, а не о том, как их достичь.

Стоит отметить, что на современном этапе внешнеполитическая стратегия Италии выстраивается в следующей последовательности: национальные интересы – обязательства перед Европейским союзом – обязательства перед ООН.

Тема внешней политики Италии является достаточно многогранной. Остановимся на изучении следующих аспектов: роль Италии в PESCO (Постоянное структурированное сотрудничество в сфере безопасности и обороны) и в содействии в реали-

¹ Sustainable development goals.

² Permanent Structured Cooperation in the Field of Security and Defense.

зации Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН, поскольку это своего рода два базисных направления итальянской стратегии: безопасность и устойчивое развитие / культура. Таким образом, целью исследования стал анализ двух относительно новых векторов внешнеполитической деятельности Итальянской Республики, а именно: участие в недавно созданной структуре Европейского союза – PESCO и реализация Целей устойчивого развития ООН. Несмотря на то, казалось бы, разные векторы этих структур, в Италии они достаточно тесно связаны. Благодаря активному вовлечению в инновационные и высокотехнологичные научные проекты PESCO растет и вероятность более быстрого и качественного достижения ключевых параметров ЦУР (привлечение прямых инвестиций в реальный сектор экономики, доступ к новейшим технологиям двойного назначения, создание рабочих мест, повышение качества жизни).

Анализ теоретических работ, посвященных внешней политике Италии, позволяет нам выделить следующие теоретические положения, которые определяют ее особенности: 1) чередующиеся у власти левоцентристская и правоцентристская коалиции правительства делали упор то на европеистскую, то на атлантическую политику [2, с. 12]; 2) в Италии не публикуется концепция по внешней политике; 3) Италия стремится быть членом разных международных организаций, но нельзя сказать, что ее участие является активным [3, с. 52]; 4) Средиземноморье являлось и является приоритетным направлением итальянской внешней политики; 5) Италия является «средней державой¹».

Тема внешней политики Италии является активно обсуждаемой в итальянском обществе и всегда входит в политическую риторику итальянских партий. Как пишет Е.А. Маслова: «Италия традиционно считается страной, чья политическая элита выступает за европейскую интеграцию и стоит на позициях европеизма. Тем не менее в Европе в общем и в Италии в частности растет число политических сил, называющих себя евроскептиками. В Италии к числу евроскептических партий относятся “Движение

¹ Средняя держава – это государство, лидеры которого сомневаются, что оно может эффективно действовать в одиночку на международной арене, но уверены в том, что способны оказывать влияние при взаимодействии с небольшой группой стран или в составе международных организаций.

пяти звезд” и “Лига Севера”¹, а также ряд других более мелких политических объединений» [4, с. 142].

Проведенный Университетом Сиены в 2017 году опрос граждан показал, что основные «переживания» итальянцев по поводу сложившейся международной обстановки связаны со следующими вопросами: миграционный кризис, террористическая угроза, Брекзит, выборы Трампа [11, с. 6]. Итальянцы обеспокоены защитой государственных границ; они критически относятся к проводимым национальным правительством мерам по решению вопроса с мигрантами (считают их недостаточными и выступают за принятие более радикальных мер, таких как, например, отказ от принятия мигрантов – 38% респондентов); итальянцы поддерживают НАТО, но хотели бы усилить роль европейских стран в принятии решений, однако выступают против увеличения трат до 2% ВВП на военные расходы; они скептически относятся к европейской интеграции и готовы выйти из ЕС (31% респондентов) и из зоны единой европейской валюты (36% респондентов); 50% респондентов выступают за отказ от санкций против России [11, с. 7–8].

Таковым является видение и восприятие внешнеполитической ситуации гражданами. Что же касается официальной внешнеполитической стратегии и ее приоритетных направлений, то, согласно анализу данных официального сайта МИД Италии, они представлены следующим образом: «глобальными» вопросами являются права человека, борьба против терроризма, проблемы разоружения, окружающая среда, энергообеспечение, борьба с коррупцией, устойчивое развитие. Помимо указанных направлений активно продвигаются следующие виды дипломатии: экономическая, культурная и научная. Особую роль играет участие в международных организациях: G7/G8, G20, ЕС и др. Отдельно стоит остановиться на принятой в 2011 году концепции «Система – Страна», которая объединила деятельность всех национальных агентов. Основными направлениями развития стали продвижение экономической дипломатии и продвижение итальянского языка и культуры (используя инструменты «мягкой силы») [10].

Помимо представленных точек зрения высказываются критические замечания относительно проводимой итальянским

¹ В настоящее время – «Лига».

руководством внешнеполитической стратегии. Так, например, как пишет М. Пульезе, «на протяжении веков итальянская стратегия была основана на том, чтобы быть там [где есть военные конфликты], не зная зачем, но чтобы с нами считались. От стрелков Кавура в Крыму до Афганистана мы участвуем в сценариях, которые, безусловно, актуальны, но не всегда являются приоритетными для национальных интересов» [13]. С его точки зрения, проблемными моментами во внешней политике и безопасности являются: 1) сокращение военного потенциала страны; 2) логистическая зависимость от других стран при быстром военном реагировании; 3) разрыв в цифровых и технологических инновациях; 4) депопуляция и старение нации. Автор выделяет следующие приоритетные направления деятельности МИД для реализации более эффективной внешней политики: 1) расширение сотрудничества с основными национальными аналитическими центрами; 2) увеличение дипломатического присутствия в Средиземноморском и в африканском регионах (в странах Сахеля, например, есть дипломатические представительства только в Нигере и Судане); 3) усиление непосредственного участия в военных операциях. С подобными предложениями выступает и К. Бертолотти, директор START InSight и старший научный сотрудник «Инициативы обороны 5 + 5», возглавлявший отдел контрразведки и безопасности ИСАФ¹ в Афганистане. Он высказывает следующие критические замечания по оборонной системе Италии и выступает за более четкое определение ее национальных интересов: 1) оборонный бюджет на 2020 год – 21,9 млрд, что составляет 1,21% ВВП: менее 2%, запрошенных НАТО; 2) статьи расхода «Операции» и «Инвестиции» для модернизации вооруженных сил соответствуют лишь 12,5 и 13,4% соответственно; 3) из 12 641 подразделения, осуществляющего оперативную деятельность, только 5560 работают за границей; 4) «старение» персонала [6].

Стремление Италии увеличить свой военный потенциал реализуется в активном участии в относительно новой европейской структуре «Постоянное структурированное сотрудничество в сфере безопасности и обороны» (PESCO). Напомним, что в конце 2017 года государства – члены ЕС решили усилить

¹ Международные силы содействия безопасности.

позиции Евросоюза в области безопасности и обороны, улучшить координацию данной деятельности, увеличить инвестиции в оборону и сотрудничество в области развития оборонных комплексов. В том же году был создан Европейский оборонный фонд (далее – ЕОФ). Италия занимается проектами, связанными с восстановлением сооружений после стихийных бедствий и направленными на создание инструмента многонациональной помощи в странах-членах и странах, не являющихся членами, для миссий ЕС и не входящих в ЕС. Проект «C-Uas¹» (в котором Италия участвует совместно с Чешской Республикой) направлен на создание системы управления и контроля, способной противостоять угрозам, создаваемым мини- и микровоздушными дронами. Италия в сотрудничестве с Францией должна возглавить проект под названием «Ehaar» – воздушная платформа (это должен быть дирижабль), предназначенная для верхних слоев атмосферы с постоянными функциями разведки, наблюдения и распознавания (ISR). Кроме того, Рим в сотрудничестве с Парижем примет участие в создании европейской сети осведомленности о космическом наблюдении (Eu-Ssa-N), цель которой – предоставить ЕС автономную и совместимую систему для мониторинга разных угроз из космоса. Заслуживает внимания участие страны в другой «космической» программе из нового списка проектов PESCO – «Euras». Она направлена на содействие развитию военных возможностей для позиционирования и спутниковой навигации, опирающихся на систему Galileo. Таким образом, Италия участвует в 15 из первых 17 совместных проектов, которые варьируются от морского контроля до радиотехнологий, от управления военной инфраструктурой до борьбы с киберугрозами. Деятельность PESCO тесно связана также с ЕОФ, созданным Европейской комиссией и предусматривающим выделение 500 млн евро для финансирования военных исследовательских проектов в рамках многолетнего бюджета на 2021–2027 годы. В реализации данных проектов активно участвуют итальянские промышленные предприятия. Например, Leonardo-Finmeccanica² фактически возглавит консорциум из 42 промышленных партнеров из 15 европейских

¹ Проект противотанковой воздушной системы.

² Один из крупнейших итальянских машиностроительных холдингов, выполняющий заказы в области обороны, энергетики, вертолетостроения, транспорта, телекоммуникаций.

стран для координации проекта «Океан 2020», который включает в себя серию исследований по военному надзору за границами. Итальянская промышленность примет также участие в двух других проектах, «Asamsii» и «Gossra», которые связаны с разработкой новых технологий для защиты вооруженных сил на театрах военных действий [8]. Как утверждалось в письме глав четырех крупных итальянских регионов – Пьемонта, Лигурии, Ломбардии и Лацио, – отрасли, контролируемые не только европейскими игроками, несут потенциальную угрозу для интересов итальянской промышленности и занятости. Например, компания «Avio Aeroe», в которой работают 4200 итальянских граждан, принадлежит американской Ge Aviation, а в компании «Piaggio Aerospace», принадлежащей фонду Объединенных Арабских Эмиратов «Mubadala», работают более 1200 итальянцев [9].

В свою очередь А. Марроне и П. Сартори оценивают положительно участие Италии в таких европейских проектах, как PESCO и Европейский оборонительный фонд (ФЕО, FED), с точки зрения реализации проекта «Система – Страна». По их мнению, это даст дополнительный толчок для развития вооруженных сил Италии, итальянской аэрокосмической промышленности и в целом для обеспечения национальной безопасности [12, с. 17].

Как отмечают С.А. Бокерия и И.Э. Оганесян, Италия является активным участником операций по сохранению мира под эгидой ООН, входит в десятку стран, делающих начисленные взносы для миротворческих операций ООН, однако сложная внутренняя ситуация (последствия экономического кризиса, частая смена политического руководства) заставляет пересмотреть Италию свои действия в рамках ООН [1, с. 36]. Таким образом, отмеченные выше сложности и сложившаяся геополитическая реальность приводят к тому, что Италия стремится активно сосредоточиться на реализации ЦУР ООН.

Напомним, что в 2015 году ООН приняла повестку дня в области устойчивого развития до 2030 года. Программа состоит из 17 целей, направленных на ликвидацию нищеты, сохранение ресурсов планеты и обеспечение благополучия. Каждая цель содержит ряд показателей, которые должны быть достигнуты в течение 15 лет.

В 2017 году Статистическая комиссия ООН утвердила список более 200 индикаторов, необходимых для мониторинга прогресса по реализации ЦУР. Последним полным отчетом о показателях Италии является Отчет SDGs (декабрь 2019 г.).

Исходя из анализа отчетов по реализации ЦУР, подготовленных Итальянским альянсом по устойчивому развитию, можно сделать следующие выводы:

1) на данный момент отсутствует четкая стратегия осуществления Повестки 2030 по ЦУР;

2) существуют территориальные различия, а именно:

– почти половина (44%) населения из южных регионов живет в условиях бедности или социальной изоляции по сравнению с 18%, проживающими на севере;

– присутствует глубокий территориальный разрыв, связанный с образованием и доступом к услугам;

– определяются различное состояние здоровья и разный уровень благосостояния людей с точки зрения продолжительности жизни, заболеваемости и инвалидности.

Отчет ASviS (2019 г.) [14; 15] показывает, что по сравнению с 2016 годом в Италии отмечены признаки улучшения по девяти целям (3, 5, 8, 9, 10, 11, 12, 16 и 17), стабильная ситуация по двум целям (4 и 13) и ухудшение показателей, касающихся целей 1, 2, 6, 7, 14 и 15. Если рассматривать более длительный период 2010–2017 годов, то можно сказать, что показатели улучшились по реализации целей 2, 3, 4, 5, 7, 9, 12, 13, 17, а именно: улучшилось питание населения; наметилось устойчивое развитие сельского хозяйства; снизилась смертность среди детей до 5 лет; снизился уровень смертности от туберкулеза, гепатита и ВИЧ, а также сократилась доля населения, которое не получает необходимого медицинского лечения; выросла доля населения, имеющего высшее образование; увеличилась доля взрослых, участвующих в непрерывном обучении; зафиксирован рост процента женщин, получивших диплом высшего образования и устроившихся на работу; увеличился процент женщин, занимающих руководящие должности и влияющих на процесс принятия решения; увеличилась доля возобновляемых источников энергии в общем потреблении энергии и уменьшилась величина потребления энергии в домашних хозяйствах на душу на-

селения. Однако ситуация ухудшилась по показателям целей 1, 8, 11, 14, 15, 16. Например, отмечены: увеличение показателей по бедности; увеличение промысловой активности и чрезмерной эксплуатации рыбных запасов; негативная тенденция в защите и поощрении устойчивого использования наземной экосистемы, вызванная резким ухудшением элементарных показателей, касающихся фрагментации территории и земного покрова; возросла переполненность тюрем.

По разным направлениям ЦУР Италия выглядит в общем рейтинге ЕС нестабильно – есть направления, где страна прочно находится в числе лидеров, а есть такие, по которым она уступает практически всей Европе. Лидирующие позиции – попадание в «десятку» – нужно отметить по таким целям, как повсеместная ликвидация нищеты (4-е место), здоровый образ жизни и благополучие (6-е место), качественное образование для всех возрастов (4-е место), обеспечение доступа к современным и надежным источникам энергии (4-е место), рациональное производство и потребление (2-е место), принятие мер по борьбе с изменением климата (7-е место), забота об экологии и биоразнообразии (7-е место).

Часть целей устойчивого развития реализуются не так хорошо, как хотелось бы национальным властям, но страна, тем не менее, занимает устойчивое место в середине рейтинга. Это – ликвидация голода и обеспечение продовольственной безопасности (12-е место), обеспечение гендерного равенства (13-е место), устойчивая индустриализация и внедрение современных технологий (17-е место), безопасность городов и населенных пунктов (18-е место), рациональное использование морских ресурсов (17-е место), активизация работы механизмов глобального партнерства в интересах устойчивого развития (16-е место). Есть и такие ЦУР, по степени реализации которых Италия выглядит аутсайдером по сравнению со своими партнерами по союзу. В эту категорию попали: содействие неуклонному экономическому росту и занятость (27-е место), снижение уровня неравенства внутри страны (21-е место), а также построение миролюбивых обществ и правосудие для всех (22-е место).

21 мая 2019 года премьер-министр Дж. Конте выступил с предложением создать структуру «Благополучие Италии» (Benessere

Italia), которая координировала бы работу министерств, деятельность которых неразрывно связана с реализацией ЦУР. Таким образом, «Benessere Italia» является научно-техническим органом поддержки премьер-министра в контексте политики социального обеспечения и оценки качества жизни граждан с задачей мониторинга и координации конкретных мероприятий министерств, оказания помощи регионам, автономным провинциям и местным органам власти по содействию и распространению передового опыта в данной области. Кроме того, к задачам данной структуры относится укрепление и координация политики и инициатив Правительства Италии по обеспечению справедливого и устойчивого благополучия (BES) и реализации Национальной стратегии устойчивого развития (SNSvS) в рамках обязательств, принятых Италией в контексте Повестки дня в области устойчивого развития ООН до 2030 года [7].

Подводя итог, можно сказать, что у Италии есть определенные сложности, связанные с достижением ЦУР ООН. Во многом они происходят из нестабильности политического курса руководства государства и исторически сложившегося территориально-экономического расслоения страны, вследствие которого, даже при постоянном росте показателей в северных регионах, густонаселенный и бедный юг будет «тянуть» статистику вниз. Тем не менее участие в PESCO и вовлеченность в новейшие инновационные проекты в области обороны и космических технологий дают шанс на положительную корректировку ситуации. На данном этапе речь не идет о простой эксплуатации итальянских военных в миссиях ООН. Это, с одной стороны, сотрудничество, которое позволяет участвовать в проектах и получать прямой доступ к новейшим разработкам, которые можно использовать для модернизации оборонной сферы, а впоследствии и в гражданских отраслях. С другой стороны, итальянские разработчики получают возможность привлечь десятки и сотни миллионов евро в качестве прямых инвестиций в реальный сектор экономики. Не приходится сомневаться, что это позволит снизить уровень безработицы в отдельных отраслях и в перспективе повысить качество жизни. Кроме того, активное участие итальянских компаний позволит повысить авторитет страны на международном уровне в рамках ЕС. В этом смысле участие Италии в PESCO как никогда

актуально и является примером того, что инициативы, связанные с внешнеполитическим измерением, положительно влияют на внутреннее развитие страны.

Литература

1. *Бокерия С.А., Оганесян И.Э.* Миротворческая деятельность Италии в ООН // Дипломатическая служба. – 2019. – № 4 (85). – С. 27–38.
2. *Зонова Т.В.* История внешней политики Италии. – М.: Международные отношения, 2016. – 352 с.
3. *Маслова Е.А.* Внешняя политика Италии: (1994–2011 гг.): монография. – М.: МГИМО–Университет, 2018. – 313 с.
4. *Маслова Е.А.* Евроскептицизм и популизм в Италии: пример «Движения пяти звезд» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – № 10 (1). – С. 141–157.
5. *Arpino M.* Politica estera Italia; grande strategia e interesse nazionale // Sito Affari internazionali. – URL: <https://www.affarinternazionali.it/2017/11/italia-strategia-interesse-nazionale/> (accessed: 11.02.2020).
6. *Bertolotti C.* Mediterraneo: visione strategica e capacità operativa // Sito Affari internazionali. – URL: <https://www.affarinternazionali.it/2020/02/proiezione-mediterraneo-strategica/> (accessed: 13.02.2020).
7. *Cabina di regia Benessere Italia, le linee programmatiche* // Sito del Governo italiano. – URL: <http://www.governo.it/approfondimento/cabina-di-regia-benessere-italia-le-linee-programmatiche/13881> (accessed: 01.03.2020).
8. *Calcara A.* Ue/Italia: Pesco, non è tutto oro quel che luccica // Sito Affari internazionali. – URL: <https://www.affarinternazionali.it/2018/04/ue-italia-difesa-europea-pesco/> (accessed: 28.02.2020).
9. *Difesa: 4 Regioni a Parlamento, Ue tuteli aziende italiane in mani straniere* // Sito Ansa. – URL: http://www.ansa.it/europa/notizie/rubriche/europa_delle_regioni/2018/02/14/difesa-4-regioni-a-pe-ue-tuteli-aziende-in-mani-straniere_0f0da43c-ef66-438e-b177-e83b49b62053.html (accessed: 28.02.2020).
10. *Direzione Generale per la promozione del sistema Paese* // Sito Esteri. – URL: <https://www.esteri.it/mae/it/ministero/struttura/dgpromozionesistemapaese> (accessed: 11.02.2020).
11. *Gli italiani e la politica estera* // Sito IAI. – URL: https://www.iai.it/sites/default/files/laps-iai_2017.pdf (accessed: 11.02.2020).
12. *Marrone A., Sartori P.* Recenti sviluppi verso la difesa europea: opportunità e sfide per l'Italia // Sito IAI. – URL: https://www.iai.it/sites/default/files/pi_a_0148.pdf / (accessed: 20.02.2020).
13. *Pugliese M.* Quattro idee per la politica estera italiana // Sito Mondo democratico. – URL: <https://www.mondodem.it/osservatori/italia-nel-mondo/quattro-idee-per-la-politica-estera-italiana/> (accessed: 13.02.2020).
14. *Rapporto ASviS 2019: l'Italia e gli Obiettivi di sviluppo sostenibile, Informazioni statistiche per l'agenda 2030 in Italia* // Sito ISTAT. – URL: https://www.istat.it/it/files//2019/12/2019_SDGs_report.pdf (accessed: 01.03.2020).
15. *Rapporto ASviS 2019: l'Italia e gli Obiettivi di sviluppo sostenibile* // Sito Epicentro ISS. – URL: <https://www.epicentro.iss.it/globale/rapporto-asvis-2019> (accessed: 01.03.2020).
16. *Rapporto SDGs 2019* // Sito ISTAT. – URL: https://www.istat.it/it/files//2019/04/SDGs_2019.pdf (accessed: 01.03.2020).

Кулябина Лидия Николаевна,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.
E-mail: lidiakuliabina@gmail.com

Lidiia N. Kuliabina,

Ph.D. (Political Science),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.
E-mail: lidiakuliabina@gmail.com

УСИЛИЯ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

THE NORDIC COUNTRIES' EFFORTS TO THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS IMPLEMENTATION

Аннотация: несмотря на то, что обязательства по реализации Целей устойчивого развития в 2015 году взяли на себя государства – члены ООН, в статье рассматриваются усилия, иницируемые и финансируемые надгосударственными акторами: двумя органами, официально определяемыми как «форумы северного сотрудничества» – Северным советом и Советом министров северных стран. Учитывая лидирующие позиции всех стран Северной Европы в рейтингах продвижения по пути реализации Целей устойчивого развития (ЦУР), в статье анализируются опыт внедрения наднациональных проектов и инициатив и их роль в обеспечении прорывного лидерства всех стран региона в контексте повестки устойчивого развития. Результатом анализа становится вывод о том, что тематика устойчивости прочно увязывается с продвижением и брендингом так называемой нордической модели, основанной на мировоззренческом и цивилизационном единстве Европейского Севера. При этом устойчивость рассматривается как глубоко укорененная ценность, лежащая в основе «северного образа жизни». В статье сформулировано предположение, что именно эта интерпретация дает синергетический эффект продвижения обоих концептов.

Ключевые слова: Цели устойчивого развития, Северный совет, Совет министров северных стран, северная модель устойчивости, ответственное потребление и производство.

Abstract: despite the fact that States assumed the obligations to implement the sustainable development goals in 2015, the article examines the efforts initiated and funded by subnational actors: two bodies officially defined as “Northern co-operation forums” – the Nordic Council of Ministers and the Nordic Council. Taking into account the leading positions of all the Nordic countries in the ratings of progress towards the implementation of the SDGs, the article analyzes the experience of implementing subnational projects and initiatives and their role in ensuring breakthrough leadership of all countries in the region in the context of the sustainable development agenda. As a result in the conclusion that the theme of sustainability is strongly linked to the promotion and branding of the “nordic model”, based on the worldview

and civilizational unity of the European North is posed. At the same time, sustainability is given as a deep-rooted value underlying the “nordic way of life”. The article suggests that this interpretation gives a synergistic effect of promoting both concepts.

Key words: sustainable development goals, Nordic Council of Ministers, Nordic Council, Nordic model of sustainability, responsible consumption and production.

Северяне – лидеры рейтингов

Аналитики, занимающиеся проблематикой устойчивого развития, отмечают, что в рейтингах реализации Целей устойчивого развития (далее – ЦУР), как и во всевозможных индексах (развития человеческого потенциала, счастья и проч.), страны Северной Европы часто соревнуются между собой [2]. По данным за 2019 год, тройка лидеров достижения ЦУР, по версии New York Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solution Networks, выглядит следующим образом: Дания, Швеция, Финляндия. Причем разрыв в очках между лидерами составляет лишь 0,2 (85,2 и 85,0 соответственно; у Финляндии 82,8). Несколько отстают Норвегия (на 8-м месте – после Франции, Австрии, Германии и Чехии – с показателем 80,7) и Исландия (с показателем 79,2; соседствует с Великобританией и Японией) [16].

Следует отметить, что в этом рейтинге лидирующие по ВВП и Индексу интегральной мощи [3] США и Китай располагаются на скромных 35-м (74,5 балла) и 39-м местах (73,2 балла) соответственно, уступая при этом не только таким европейским «среднякам», как Венгрия и Польша, но и редко ассоциирующимся с благополучием Чили, Литве и Коста-Рике.

Из показателей Дании как лидера рейтинга по отдельным ЦУР следует, что 9 целей из 17 стране удалось реализовать более чем на 90%, но ни одной – на 100%. Лишь 0,4% не хватает Дании до полной ликвидации нищеты и крайней бедности (ЦУР 1), 1,7% – до равенства в доступе к образованию (ЦУР 4), 3,5% – до искоренения всех форм неравенства (ЦУР 10), 3,9% – до достижения здоровья и благополучия (ЦУР 3), 6,4% – до доступной и чистой энергии (ЦУР 7), 9,2% – до цели обеспечения чистой водой (ЦУР 6), 9,8% недо-стает по показателю «Защита климата» (ЦУР 13) [16].

Демонстрируя прекрасную динамику по реализации девяти целей, Дания в то же время по семи другим целям показывает движение, обозначаемое как «недостаточное для достижения цели», а по ЦУР 12 информация вообще отсутствует. Кроме того,

по крайней мере, по трем целям – по борьбе с голодом (ЦУР 2), ответственному потреблению и производству (ЦУР 12) и защите подводного биоразнообразия (ЦУР 14) – у Дании наблюдаются сложности. В целом по сравнению с состоянием 2016 года прогресс Дании оценивается лишь в 1,3 балла, что, тем не менее, позволило ей обойти Швецию – лидера рейтинга четырехлетней давности [15].

Вторая в рейтинге 2019 года Швеция, как следует из отчета (табл. 1), добилась 100%-го достижения цели № 10, то есть поборола все виды и формы неравенства (тем же может похвастаться и Норвегия). На этом фоне неожиданно скромно, особенно учитывая самоидентификацию уже второго подряд состава правительства Швеции как феминистского, выглядит показатель гендерного равенства (ЦУР 5), недотягивающий до 90%-й отметки, но всё же этот показатель на 4% лучше, чем у Дании. Кроме того, Швеция опережает Данию также в качестве и доступности образования (ЦУР 4: 99,3% у Швеции против 98,3% у Дании), доступности чистой энергии (ЦУР 7: 98,7% против 93,6%).

Третья в общем «зачете» Финляндия лидирует среди северян в борьбе с бедностью и крайней нищетой (до 100% по ЦУР 1 ей не хватает 0,2%) и пусть незначительно – от нескольких десятых до 4%, – но всё же опережает лидера рейтинга, Данию, еще по восьми целям.

Таблица 1

Северная Европа в рейтинге ЦУР

Ме- сто в рей- тинге	№ ЦУР Страна	Общ. балл	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
			1	Дания	85,2	99,6	68,3	96,1	98,3	84,8	90,8	93,6	83,9	88,1	96,5	90,2	49,8	90,2	48,9
2	Швеция	85,0	99	63,3	97,8	99,3	88,9	93,5	98,7	83,5	91,7	100	90,3	52,2	87,2	42,3	75,2	83,8	98,2
3	Финлян- дия	82,8	99,8	58,2	96,2	98,9	89,2	92,6	96,4	82,5	83,7	97,9	88,3	48,7	71	55,5	82,1	92,9	74
8	Норве- гия	80,7	99,5	57	97,9	99,9	87,7	87,5	98,6	78,5	80	100	86,1	30,5	54,4	66,2	63,1	84,9	99,6
13	Ислан- дия	72,9	99,7	62,6	96,9	97,4	85,5	87,4	99,4	83	75,5	99,2	89,9	50,6	88,5	35,9	34,5	93	67,4

Таблица составлена по данным: Sustainable Development Report Dashboards 2019. Transformations to Achieve the Sustainable Development Goals. New York Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solution Networks (SDSN) [16].

Общая для пяти государств картина позволяет выявить ряд закономерностей. Во-первых, среди всех ЦУР можно выделить

пять (ЦУР 1, 3, 4, 7, 10), по которым все без исключения северяне добились очень высоких результатов (от 96% и выше). Условно выбивается из этой схемы лишь, как ни странно, лидер устойчивости Дания с показателем 93,6% по доступности чистой энергии (ЦУР 7). Таким образом, в странах Скандинавии и Финляндии практически победили крайнюю бедность и нищету (достижение цели на 95,9% в среднем по региону), обеспечили здоровье и благосостояние людей (97%), сделали доступным и качественным образование (98,8%), обеспечили доступ к чистой энергии (97,3) и добились всеобщего равенства (98,2).

Во-вторых, обращает на себя внимание контраст между двумя на первый взгляд неразрывно связанными целями – ликвидацией голода (ЦУР 2) и сокращением крайней нищеты. Известно, что базовые показатели социальной защищенности рассчитываются исходя из доли расходов на питание в общей структуре расходов домохозяйств. Таким образом, встает не раз уже поднимавшийся вопрос о том, можно ли говорить о практически свершившейся победе над нищетой в ситуации, когда проблема недоедания сохраняет свою актуальность. Наиболее остро среди стран Северной Европы, по данным рейтинговых агентств, вопрос голодания, нехватки и недоступности продуктов питания стоит в Норвегии и Финляндии (ЦУР 2 в табл. 1). В условиях мощной налоговой нагрузки, развитой системы социального страхования, создающей чувство защищенности у жителей так называемых государств всеобщего благосостояния, цены на продукты питания остаются высокими. Более того, не стоит забывать, что значительная часть территорий рассматриваемых стран расположена в арктической и приарктической зонах, что подразумевает значительные объемы импорта продуктов питания, а сама ЦУР 2 предполагает не только борьбу с голодом, но и обеспечение продовольственной безопасности и устойчивости сельского хозяйства.

Однако в отношении ЦУР необходимо также иметь в виду особенности методологии в определении достижения целей. В целом отставание в разрешении проблемы голода от ликвидации нищеты характерно для всех развитых стран. Примечательно, что предварительные данные по устойчивому потреблению и производству (ЦУР 12) в зеленый цвет (означающий зону, где цели достигнуты) окрашивают некоторые государства Центральной Африки (Ниге-

рия, Эфиопия, Чад, ЦАР), в то время как страны так называемого запада (включая Австралию, Японию и всю Северную Европу) краснеют в зоне, где «значительные вызовы сохраняются».

В-третьих, симптоматично и то, что и «провальные» цели у северян общие. В целом по региону показатель не дотягивает даже до 50% по двум ЦУР. «Ответственное потребление и производство» (ЦУР 12) – на последних местах в национальных рейтингах по успехам в реализации Финляндии (48,7%) и Норвегии (30%). А по устойчивости использования водных ресурсов (ЦУР 14) самые неутешительные в пятерке цифры – у Исландии (35,9%) и Швеции (42,3%), что нередко связывают с высоким уровнем загрязнения Балтийского моря. Но в это случае показатели Норвегии и Исландии были бы на порядок выше, а это не так. Видимо, здесь вновь следует обратиться к методологии расчета ЦУР.

Дело в том, что помимо 17 целей и соответствующих им 169 задач устойчивого развития документ ООН от 2015 года содержал также и указание на 244 индикатора [10] – методологию статистических расчетов, по которым по истечении пяти лет после начала реализации ЦУР находится в разной степени готовности. Так, по данным Росстата – федеральной службы, ответственной за работу над ЦУР в Российской Федерации, – по 156 из 244 (а это 64%) показателей работа даже не начата [5]. Кроме того, есть такие цели, по которым не разработан ни один показатель: в их числе – ответственное потребление и производство и борьба с изменением климата. Расчет по сохранению морских экосистем идет по одному из 10 предполагавшихся показателей, по качеству образования (ЦУР 4), чистой воде и санитарии (ЦУР 6) – по одному из 11 [8].

В ожидании разработки индикаторов расчет по ЦУР 12 ведется исходя из совокупного внутреннего материального потребления (СВМП) (прямой импорт материалов плюс внутренняя добыча материалов минус прямой экспорт материалов, измеренных в метрических тоннах). СВМП измеряет количество материалов, которые используются в экономических процессах. Оно не включает материалы, которые мобилизуют процесс внутренней добычи, но не вступают в экономический процесс. СВМП основано на официальной экономической статистике, и оно требует некоторого моделирования для адаптации исходных данных.

По данным одного из крупнейших агрегаторов Big Data Tableau, список лидеров ЦУР выглядит несколько иначе: среди данных по всем странам отсутствуют ЦУР 12, 14 и 15, по которым из-за неразработанности единой системы показателей сбор данных особо затруднен [9].

При таком подходе суммарные показатели лидера рейтинга укрепляются, как и в целом позиции региона: североевропейские страны занимают все четыре первых места, немного меняя последовательность: Дания, Финляндия, Швеция, Норвегия. Однако сами лидеры «закрывать глаза» на недоработку не намерены. Не случайно, в национальных и общеевропейских планах именно ЦУР 12 и ЦУР 14 выходят на первый план.

Совет министров северных стран и Северный совет аккумулируют усилия

Деятельность Северного совета и Совета министров северных стран активно изучалась еще в советской историографии [4; 6; 7]. Образованный в 1952 году Северный совет традиционно определяется как орган межпарламентского сотрудничества. Совет министров северных стран (далее – СМСС), функционирующий с 1971 года, официально обозначается как межправительственный орган сотрудничества. Однако и риторика, и логика того, что именуется на всех пяти языках «кооперацией», на деле обладают всеми характеристиками интеграционного процесса. Эти выводы подтверждаются и амбициозным слоганом на стартовой странице сайта северного сотрудничества: «Наше видение заключается в том, чтобы сделать северный регион самым устойчивым и интегрированным регионом в мире» [20].

Так, один из отчетов о состоянии дел, которые СМСС ежегодно публикует на разных языках мира (в частности, и на русском), что явно ориентировано на широкую популяризацию достижений, открывается фразой: «Северный регион как таковой представляет собой 12-ю по величине экономику в мире, где население растет быстрее, чем в среднем по ЕС, имеет рынок труда, который получает высокую глобальную оценку, и систему социального обеспечения, которая оказалась устойчивой во времена как бума, так и спада» [1]. По сути, Северный совет координирует, контролирует и выдает рекомендации по всему спектру вопро-

сов развития региона, СМСС эти консенсусные меры, предложенные парламентариями пяти стран и трех автономий, реализует. Кроме этих основополагающих органов в рамках северного сотрудничества с 1997 года функционирует исследовательский институт регионального развития и планирования Nordregio, Северный инвестиционный банк, инвестиционный фонд, создан единый рынок труда и социального страхования. Уже не представляется возможным найти отрасль экономики или явление общественной жизни, которые не были бы охвачены северным сотрудничеством: от поддержки демократических сил, например в Польше, до выработки общей стратегии по борьбе с пандемией коронавируса и формирования бытовых привычек населения (как провести дома в режиме изоляции «nordic day»).

Тематика устойчивого развития, в разработке которого непосредственное участие приняли норвежские, шведские и датские эксперты, была взята на вооружение всеми странами Скандинавии и Финляндией с первых дней ее появления. Среди шести профильных комитетов Северного совета есть не только комитет по росту и развитию Северного региона, комитет по образованию и культуре в Северном регионе, комитет по благосостоянию в Северном регионе, но и комитет по устойчивому Северному региону.

В соответствии с обязательствами по реализации ЦУР, взятые на себя в 2015 году государствами, СМСС организует и финансирует такое количество инициатив в этой сфере, что все без исключения северяне не просто знают о существовании такого движения, но и активно включаются в него, не сомневаясь в его целесообразности и успехе. «Тот факт, что Северный регион находится на переднем крае устойчивого развития, возлагает на нас особую ответственность за продвижение этого дела» – этот лейтмотив, сформулированный в рамках одного из крупных проектов СМСС, призван вдохновлять и жителей, и правительства стран Северной Европы [18].

Примечательно, что любой документ, касающийся устойчивого развития, открывается не только обозначением принципиальной важности этой тематики для всего региона, но и обширным экскурсом в описание так называемых северных ценностей, большая часть которых – демократия, прозрачность, инклюзивность, разно-

образии и равенство – абсолютно совпадают с ЦУР и обеспечивают региону первенство в соответствующих рейтингах.

Ответственное потребление как проблема

Совет министров северных стран в последние два года особое внимание уделяет озеленению сельскохозяйственных систем региона (ЦУР 2), снижению высокого уровня выбросов CO₂ на душу населения (ЦУР 7 и 13) и улучшению сохранения экосистем (ЦУР 14 и 15), то есть тем ЦУР, по которым скандинавам есть куда расти (см. табл. 1). Но в качестве доминантного приоритета выбрана ЦУР 12 («обеспечить рациональные модели потребления и производства»): именно она признана самым большим вызовом, с которым столкнулись североευропейские страны в связи с реализацией Целей устойчивого развития.

Одна из инициатив в этом направлении – рассчитанный на три года проект «Sustainordic» (2018–2020 гг.) по сбору и распространению передового опыта и примеров устойчивого производства и потребления на национальном уровне, а также по стимулированию разработки национальной политики в этой области. «Sustainordic» – результат сотрудничества шести североευропейских дизайнерских и архитектурных учреждений, итоги которого ежегодно публикуются в виде докладов.

Доклад 2018 года по реализации «Sustainordic» содержит резюме 60-ти инновационных примеров ответственного потребления и производства в соответствии с глобальной целью 12 повестки дня ООН на период до 2030 года. Доклад открывает интервью Якоба Тролльбека, основателя компании «New Division», участника разработки одобренных ООН в 2015 году логотипов и названий каждой из 17 целей.

Концепция устойчивости в анализируемых текстах плотно привязана к идее брендинга и популяризации всего того, что может быть идентифицировано как nordic: северная модель, северные ценности, северные традиции. И сам концепт устойчивости преподносится как одна из неотъемлемых составляющих северного образа жизни, как давно и прочно вошедшая в жизнь северных европейцев реальность, которой они считают необходимым для планеты поделиться и обучить других. Так, Совет северных фермеров (NBC) учредил премию Nordic Food Awards под

названием «Embla», «цель которой – прославить тех, кто распространяет знания о радости еды. Embla воспитывает чувство общности и контакта со своими нордическими корнями» [18, с. 19].

Другой пример – описание шведско-норвежской научно-исследовательской платформы EAT, «которая посвящена глобальной работе по созданию справедливой и устойчивой продовольственной системы», содержит следующий пассаж: «Среди 40 стран – членов EAT есть явное северное лидерство: одним из примеров является Копенгаген, закупки продовольствия которого уже на 90% состоят из органических продуктов, и переход этот удалось осуществить без увеличения бюджета» [18, с. 21].

В Копенгагене базируется также SPACE10 – финансируемая ИКЕА «лаборатория будущей жизни» (Future Sustainable Living Lab), которая работает над выявлением новых тенденций и проектных решений будущего. Группа из 25 специалистов и творческих работников со всего мира, включая биоинженеров, художников, ученых-системщиков, дизайнеров и архитекторов, открыто делится с общественностью своими представлениями о быте завтрашнего дня, «исследуя всё: от быстрой урбанизации и дефицита природных ресурсов до одиночества в городах, продовольственной безопасности и отсутствия доступного жилья, а также как технологические прорывы, такие как смешанная реальность, искусственный интеллект и цифровые инструменты производства, могут дать людям совершенно новые возможности» [18, с. 23]. При этом во всех материалах содержится указание и на специфическую методологическую подоплеку.

В 2017 году СМСС запустил проект «Generation 2030», призванный привлечь к проблематике устойчивого развития то поколение, которое к 2030 году станет ведущей силой в принятии решений. Проект предусматривает форматы, понятные для современных молодых людей. Так, через ресурсы СМСС в социальных сетях распространяются 1,5–2-минутные ролики, героями которых становятся те обычные шведы или норвежцы, кто может объяснить, почему они считают важным дарить «устойчивые» подарки в виде собственноручно посаженных растений в горшках, штопать носки или одеваться в секонд-хенде [12].

Опыт демонстрации таких сюжетов на целевую возрастную аудиторию этой кампании выявляет принципиальное различие

в отношении к перспективе подобных изменений в повседневной жизни. Так, студенты из развивающихся стран выражают недоумение, однозначное неприятие и уверенность в утопичности амбиций по их внедрению; молодежь из европейских государств внимает с любопытством, но не видит вариантов перехода на такой тип потребления лично для себя.

Для промоутинга устойчивости используются также иные каналы: запущенный в 2018 году интернет-журнал «Green Growth the Nordic Way», размещающий отчеты с климатическими и энергетическими решениями не только для Северной Европы, Арктики или Балтики, но и для, к примеру, Кении и Эфиопии [17].

Такие массированные и разнонаправленные кампании в конечном итоге не могут не дать если не желаемый эффект, то, по крайней мере, сдвиг в общественном сознании, что вкупе с усилиями по разработке общепризнанных индикаторов, несомненно, не только приведет к укреплению позиций скандинавских стран и Финляндии в рейтингах ЦУР, но и добавит очков к имиджу активно брендируемого макрорегиона «norden» как устойчивого и инновационного.

«Зеленая» трансформация экономики

В рамках программы «Sustainordic» в 2019 году был выпущен второй отчет, где помимо фото Греты Тунберг (видимо, как очередного примера «успешных практик») содержался анонс северной инновационной программы «Устойчивая трансформация бизнеса в северных странах» [19].

Однако основы самого значимого из достижений североευропейцев на пути к устойчивому развитию – Скандинавской экологической финансовой корпорации (НЕФКО) (Nordic Environment Finance Corporation, NEFCO) – были заложены еще на четверть века раньше ЦУР, в 1990 году. Опыт «зеленого» финансирования НЕФКО был в сконцентрированном виде представлен на G20 в Шанхае в 2016 году [13].

Являясь совместным финансовым институтом пяти стран, НЕФКО плотно сотрудничает с Северным инвестиционным банком (Nordic Investment Bank, NIB), основанным всё теми же государственными участниками, но четырьмя годами ранее – в 1986 году. В целом руководители СМСС, представляя доклад, обозначили

период, за который удалось достичь существенных результатов в «озеленении» экономики, горизонтом в четыре десятка лет. Начиная с 2011 года NIB выпускает не только обычные, но и «зеленые» облигации, общая сумма которых на конец 2016 года уже составляла около 2 млрд евро (профинансировано 36 проектов на сумму 1,6 млрд евро) [11].

НЕФКО позиционируется как маломасштабное (small-scale) международное финансовое учреждение. Основным источником средств – Инвестиционный фонд, учрежденный правительствами стран северной пятерки. Годовой портфель оценивается в 100 млн евро и покрывает порядка 150 проектов (от единой северобалтийской электросети до экомаркировки Nordic Swan), реализуемых на территориях 50 стран. Однако фокусировка проектов ориентирована на север и центр Европы, Арктику, бассейны Баренцева и Балтийского морей.

Идея создания НЕФКО и аффилированных с ней банков и учреждений заключается в выявлении, отборе, экспертизе, корректировке, финансировании и сопровождении ноу-хау, не противоречащих идеологии устойчивого развития. В большинстве своем инициативы основаны на внедрении прорывных технологий, позволяющих не просто минимизировать ущерб, наносимый окружающей среде, но и получить так называемые экологические профиты. При этом субсидирование и поддержка «зеленых» проектов продолжаются до тех пор, пока «рыночные силы возьмут верх по мере развития стабильной и предсказуемой нормативной базы» [11].

«Зеленая трансформация не только морально правильна и социально желательна, но и экономически разумна. Наша цель – направить четкие политические сигналы в финансовый сектор. Мы хотим осуществить реальный сдвиг парадигмы в сторону устойчивого будущего», – так сформулировал генеральный секретарь Совета министров северных стран Дагфинн Хейбротен основной посыл совместной работы регуляторов и финансовых структур северных государств, опыт и результаты которой северяне предлагают применить на всех уровнях вплоть до глобального [11].

Задумка начать с финансового сектора в целом не нова: большинство инвестиционных фондов при рассмотрении кредитных заявок безоговорочно отдадут предпочтение тем, в которых обо-

значена экологическая составляющая. Идея СМСС заключалась в том, чтобы на наднациональном уровне начать с отбора прорывных с точки зрения устойчивого развития технологических стартапов и посредством глубочайших экологических и рыночных экспертиз, политических мер, разработки моделей финансирования и корректировок попробовать вывести их на уровень самоокупаемости и получения прибыли. На нынешнем этапе речь идет уже о банке в несколько сотен «зеленых» проектов для малого и среднего бизнеса, как реализованных, так и ожидающих инвесторов, с гарантированной рентабельностью. Выстраивание этой линейки потребовало привлечения и национальных регуляторов, и муниципалитетов. Задача второго десятилетия XXI века – «зеленая» трансформация всех финансовых рынков: чтобы они стали движущими силами для низкоуглеродных и ресурсоэффективных инвестиций.

Заключение

Таким образом, самое широкое партнерство государственных и негосударственных участников общественной жизни, начиная от идей и инициатив каждого конкретного гражданина, общественных организаций, бизнеса, муниципалитетов, национальных органов власти (то, что и предусмотрено ЦУР 17), в ситуации с Северной Европой усилено еще и основанной на долгосрочном планировании многоаспектной деятельности органов, имеющих наднациональный характер. Несмотря на то что обязательства по реализации Целей устойчивого развития в 2015 году взяли на себя государства, страны Скандинавии и Финляндия реализуют их, исходя из стратегий и практик, вырабатываемых по инициативе, при участии и под эгидой Совета министров северных стран и Северного совета.

Тематика устойчивости прочно увязывается с продвижением и брендингом так называемой нордической модели, основанной на мировоззренческом и цивилизационном единстве Европейского Севера, локомотивом продвижения которой являются всё те же наднациональные структуры. При этом устойчивость рассматривается как глубоко укоренная ценность, лежащая в основе «северного образа жизни».

Проекты «зеленой экономики», прошедшие апробацию на локальном и региональном уровнях, позиционируются как ре-

шения, которые могут быть масштабированы в краткосрочной и долгосрочной перспективах с точки зрения их применимости на международных рынках. Северное сотрудничество, представляя собой одну из самых обширных (по охвату сфер жизнедеятельности) и глубоко укорененных (по времени, менталитету, идентичности участников) форм регионального сотрудничества в мире, основанное на ценностях, практически стопроцентно совпадающих с идеологией устойчивого развития, обладает потенциалом для создания синергетического эффекта продвижения обоих концептов.

Литература

1. Взгляд за кулисы североευропейской модели // Состояние региона Северных стран 2018 // Официальный сайт Северного сотрудничества. – URL: <https://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:1191016/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 12.02.2020).
2. Воронков Л.С. Интеграционные процессы на Севере Европы // Европейская интеграция / под ред. О.В. Буториной, Н.Ю. Кавешникова. – М.: АСПЕКТ-ПРЕСС, 2016. – 720 с.
3. Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 стран: Доклад-2012 к обсуждению. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Междунар. акад. исследований будущего, Ин-т экономических стратегий, 2012. – 108 с. – URL: <http://www.inesnet.ru/wp-content/uploads/2013/04/Rating100ru.pdf> (дата обращения: 12.02.2020).
4. Градобитова Л.Д., Пискулов Ю.В. Экономика и политика Скандинавии. – М.: Международные отношения, 1986. – 190 с.
5. Данные по показателям достижения ЦУР // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/m-sotrudn/CUR/r12.htm (дата обращения: 12.02.2020).
6. Комиссаров Ю.Д. Безопасность и сотрудничество: опыт европейского Севера. – М.: Международные отношения, 1989. – 128 с.
7. Котляр В.С. Северный совет: структура, деятельность. – М.: Международные отношения, 1973. – 144 с.
8. Статус разработки показателей целей устойчивого развития // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/m-sotrudn/CUR/cur_STATUS.htm (дата обращения: 12.02.2020).
9. GDP Index score and rankings 2019 // TableauPublic. – URL: <https://public.tableau.com/en-us/gallery/2019-sdg-gender-index> (accessed: 12.02.2020).
10. Global indicator framework for the Sustainable Development Goals and targets of the 2030 Agenda for Sustainable Development // Официальный сайт ООН. – URL: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%202020%20review_Eng.pdf (accessed: 12.02.2020).
11. Green Financing – The Nordic Way // Официальный сайт Совета министров северных стран и Северного совета. – URL: <http://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:955115/FULLTEXT02.pdf> (accessed: 12.02.2020).
12. Meet Tess Waltenburg (26, Sweden) Living more sustainably can be fun and inspiring, she says. She tries to think sustainably in her everyday life by for example replacing single-use products // Официальная страница The Nordic Council of Ministers and The Nordic Council. – URL: www.facebook.com/watch/?v=1551232041679482 (accessed: 12.03.2020).
13. Nordic Region presents its experiences of green financing to the G20 06.09.2016 // Официальный сайт Совета министров северных стран и Северного совета. – URL:

- <https://www.norden.org/en/news/nordic-region-presents-its-experiences-green-financing-g20> (accessed: 01.02.2019).
14. State of the Nordic Region 2018: Immigration and integration edition // Официальный сайт проекта «Nordic Welfare». – URL: <https://nordicwelfare.org/en/publikationer/state-of-the-nordic-region-2018-immigration-and-integration-edition/> (accessed: 19.05.2019).
 15. Sustainable Development Report Dashboards 2016. New York Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solution Networks (SDSN) / Amazon Simple Storage Service. – URL: https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2016/2016_sdg_index_and_dashboards_report.pdf (accessed: 24.02.2020).
 16. Sustainable Development Report Dashboards 2019. Transformations to Achieve the Sustainable Development Goals. New York Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solution Networks (SDSN) // Sustainable Development Report. – URL: <https://dashboards.sdgindex.org> (accessed: 24.02.2020).
 17. Technical report: Nordic Green to Scale for countries. Unlocking the potential of climate solutions in Kenya and Ethiopia // Официальный сайт Совета министров северных стран и Северного совета. – URL: <https://www.norden.org/en/publication/technical-report-nordic-green-scale-countries> (accessed: 12.02.2020).
 18. The Nordic Report 01 // Официальный сайт проекта «Sustainordic». – URL: www.sustainordic.com/the-nordic-report/ (accessed: 10.03.2020).
 19. The Nordic Report 02 // Официальный сайт проекта «Sustainordic». – URL: www.sustainordic.com/wp-content/uploads/2020/02/The-Nordic-Report-02_Digital_low.pdf (accessed: 10.03.2020).
 20. Welcome to Nordic Co-operation // Официальный сайт Совета министров северных стран и Северного совета. – URL: <https://www.norden.org/en> (accessed: 23.01.2020).

Жилина Людмила Николаевна,

заместитель декана факультета повышения квалификации,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.

E-mail: autumn620@gmail.com

Lyudmila N. Zhilina,

Deputy Dean of the Faculty of Advanced Professional Courses,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.

E-mail: autumn620@gmail.com

**РОССИЙСКАЯ ДИАСПОРА В СТРАНАХ БАЛТИИ
И ЕЕ РОЛЬ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ****RUSSIAN DIASPORA IN THE BALTIC STATES AND ITS
ROLE IN RUSSIA'S FOREIGN POLICY**

Аннотация: защита российских соотечественников за рубежом является одним из приоритетных направлений внешней политики Российской Федерации. В статье рассматривается положение русской / русскоязычной диаспоры в странах Балтии, дается характеристика ее особенностям, исследуется роль диаспоры во взаимоотношениях России с государствами постсоветской Прибалтики и странами НАТО. Особое внимание уделяется социальной функции бизнеса в формировании диаспоры российских соотечественников в Латвии, Литве и Эстонии, оцениваются ее перспективы и возможности трансформации.

Ключевые слова: соотечественники, диаспора, дискриминация, НАТО, неграждане, бизнес, права, «мягкая сила», мигранты.

Abstract: the Protection of Russian compatriots abroad is one of the priorities of the Russian foreign policy. The article reviews the situation of the Russian / Russian-speaking Diaspora in the Baltic States, describes its features, and examines the role of the Diaspora in Russia's relations with the post-Soviet Baltic States and NATO countries. Special attention is paid to the social role of business in the formation of the Russian Diaspora in Latvia, Lithuania and Estonia, and its prospects and opportunities for transformation are evaluated.

Key words: compatriots, Diaspora, discrimination, NATO, non-citizens, business, rights, "soft power", migrants.

Страны Балтии – зона особых интересов России, как экономических, так и геополитических. Отношения с этим регионом, некогда бывшем частью Российского государства, будь то Российская Империя или Советский Союз, на протяжении последних двух десятков лет представляют собой комплекс трудноразрешимых проблем.

С распадом СССР и провозглашением независимости Латвийской, Литовской и Эстонской республик Россия оказалась отодвинутой в глубь Евразии. Существенно затруднился доступ к важнейшим портам Балтийского моря, что поставило ведение бизнеса со странами Европы в зависимость от политической конъюнктуры во взаимоотношениях Российской Федерации со странами Балтии [14].

Близость Организации Североатлантического договора, в которую три Балтийских государства интегрировались в 2004 году, заставляет Россию корректировать политику в области защиты национальных интересов, территориальной целостности, российских граждан и соотечественников за рубежом. В современном политически и экономически глобализирующемся мире возрастает влияние национальных диаспор на отношения государств, и в данном контексте российские соотечественники в станах Балтии становятся объектом пристального внимания.

Поддержка российских соотечественников за рубежом, защита их прав и интересов провозглашены одним из приоритетных направлений внешней политики Российской Федерации – для решения этой задачи существует обширная законодательная база, включающая в себя Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом с предоставлением им гражданства, возможностей для обустройства и рабочих мест [2].

Напомним, что под соотечественниками понимаются все те, кто считает Россию своим Отечеством, независимо от места рождения и проживания. Российские соотечественники в странах Балтии – это преимущественно русское или русскоговорящее население разных национальностей: люди, проживавшие в советской Прибалтике, и их потомки. Число русского и русскоязычного населения в странах Балтии с годами снижается. В Эстонии, по данным на 2019 год, доля этнических русских составляет 25% [28], тогда как, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года, их было 30% [26]. Примерно столько же назвавших себя русскими сейчас проживают в Латвии: это, по данным на 2019 год, 25,6% [25] (в 1989 г. – 34%) [26]. В Литве этот показатель только с 1989 по 2011 год уменьшился почти

вдвое – с 9,4 до 5,4% [15]. Наряду с общими негативными демографическими тенденциями уменьшение числа российских соотечественников в странах Балтии напрямую связано с несоблюдением их гражданских прав и свобод, в частности такого основополагающего права, как право на образование, с отсутствием социальных гарантий для неграждан, с их ограниченным участием в экономике и политике стран проживания – с дискриминацией русскоязычных в Латвии, Литве и Эстонии в целом.

В отличие от Литвы, где вопрос о гражданстве был решен еще до распада Союза – статус граждан получили все, кто проживал в Литовской ССР, – в Латвии и Эстонии провозгласили институт «неграждан», к которым относятся российские соотечественники. Правовая пропасть между гражданами и негражданами в Латвии и Эстонии сейчас не такая, как в начале 1990-х годов, когда у русских вообще не было паспортов, но проблема с повестки дня не снимается: в Латвии счет различий доходит до нескольких десятков. В частности, не принятые после распада Союза в гражданство русскоязычные не имели права участвовать в приватизации имущества, предприятий, то есть быть вовлеченными в экономику, которую они создавали, вкладывая свой труд. Законодательства Латвийской и Эстонской республик выдвигают жесткие требования при приеме в гражданство представителям нетитульных наций – экзамены на глубокое знание языков стран проживания и истории, взгляды на которую у титульных и нетитульных претендентов разнятся. Более того, неграждане поражены в политических правах. В Латвии они не имеют права избирать и быть избранными на каких-либо выборах, голосовать на референдумах, работать в сфере юриспруденции и на госслужбе. В Эстонии неграждане голосуют на муниципальных выборах, но сами не могут избираться во власть и быть членами политических партий [3]. Права владеть недвижимостью лишена Эстонская православная церковь Московского патриархата.

Российские соотечественники в Латвии и Эстонии, составляющие, по меньшей мере, 1/3 населения этих стран, лишены возможности влиять на политику, участвовать в управлении государством – им определены низшие ступени социальной лестницы [5]. С учетом таковых реалий вопрос поддержки российских соотечественников в странах Балтии имеет особую актуальность.

Для любого государства национальные диаспоры – это внешне-политический ресурс, который рассматривается в качестве «мягкой силы» для отстаивания национальных интересов страны вне ее территории. В статье 45 Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента в 2016 году, говорится о том, что Россия намерена продолжать «способствовать консолидации соотечественников, проживающих за рубежом... содействовать сохранению самобытности российской диаспоры и ее связей с исторической Родиной», русский язык и русская культура признаны «неотъемлемой частью мировой культуры и инструментом международного и межнационального общения». В Концепции упомянуты также необходимость развития системы российских образовательных организаций за рубежом и культурных и гуманитарных связей славянских народов [9].

Русская диаспора нового зарубежья традиционно включает в себя следующие основные группы:

- деловые круги;
- интеллектуальные круги, хранители культурного и духовного наследия;
- бывшие военные как носители славы России;
- общественно-политические круги, обеспечивающие правовые условия существования неграждан;
- молодежь.

Нынешние отношения России со странами Балтии имеют негативную окраску – политическая конфронтация, зачастую демонстративная, истощает возможности официальной дипломатии. «Мягкая сила», общественная, или народная, дипломатия остаются чуть ли не единственными способами влияния на развитие двусторонних отношений: гуманитарные фонды, сотрудничество в области науки, культуры, по линии неправительственных организаций, организаций соотечественников в странах Балтии [7], а также в рамках мероприятий и проектов фонда «Русский мир».

Существенное ограничение в правах русских и русскоязычных – невозможность получить образование на родном языке – входит в противоречие с международным законодательством, в частности с основополагающими конвенциями Организации Объединенных Наций, гарантирующими нацменьшинствам право обучать своих детей на родном языке [16].

Латвийский закон о школьной реформе, принятый в 2018 году, предписывает перевести школы нацменьшинств на латышский язык уже к 2020/2021 учебному году. Обучение на русском языке переходит в Интернет: в частности, в соцсети Facebook летом 2019 года появилась группа «Российское дистанционное образование в Латвии». Дело не только в трудностях обучения на чужом языке. Русскоязычные граждане / неграждане Латвии не доверяют системе образования на латышском языке, находя в ней слабые стороны по предметам, начиная со средних классов [22]. Политики в Эстонии пока не следуют латвийскому примеру и не спешат исключить русский язык из детских садов и школ, опасаясь, что закрытие русских школ может привести к массовым выступлениям русской общины. Однако большинство предметов в старших классах гимназий и в государственных вузах уже преподаются на эстонском языке.

Конституции и законодательство в области гражданства всех трех стран Балтии декларируют приверженность международным принципам и стандартам; признается верховенство международных договоров и соглашений. При этом в статье 15 Всеобщей декларации прав человека 1948 года провозглашается свободное волеизъявление при выборе гражданства, и в целом право на гражданство и в Латвии, и в Эстонии не обеспечено в полной мере. Разделение проживающих в стране на граждан и неграждан нарушает также Конвенцию 1961 года о сокращении безгражданства, Декларацию 1985 года о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают, Международный пакт 1966 года о гражданских и политических правах и факультативный протокол к нему, документы Совета Европы в области гражданства [16].

При этом игнорируются рекомендации Верховного комиссара Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе по нацменьшинствам и призывы западных государств, Европейского союза (ЕС), членства в котором бывшая советская Прибалтика добивалась более 10 лет. Общеввропейские документы в области прав человека, подпись под которыми поставили Латвия, Литва и Эстония, являются обязательными к выполнению странами – членами ЕС: Европейская социальная хартия и Конвенция Совета Европы о правах человека, а также Устав Совета

Европы, содержащий обязательства по предоставлению гарантий гражданских прав и основных свобод [16].

В последние годы Латвия и Эстония, возможно, под давлением международного сообщества и Министерства иностранных дел РФ, внесли некоторые изменения в правовое поле. Президент Э. Левитс подписал Закон «О прекращении присвоения статуса неграждан новорожденным детям с 1 января 2020 г.», позволяющий всем новорожденным в Латвии получать гражданство этой балтийской республики автоматически с 1 января 2020 года, если их родители не выберут иную страну для гражданства [1]. В Эстонии аналогичная поправка действует с 2016 года. «Мы оценивали институт неграждан как пример вопиющей дискриминации, недостойной и XXI века, и XX. Поэтому подвижки, которые имеются на этом направлении – на законодательном уровне, на других уровнях, – являются компенсацией отхода от норм соблюдения прав человека, который происходил на протяжении десятилетий», – заявила официальный представитель МИД России М.В. Захарова [6].

Политика построения моноэтнического государства, проводимая руководством Латвии, Эстонии и Литвы, объясняет притеснения русского меньшинства в странах Балтии. Цели таких мер – выдвинуть русскоговорящее население из Прибалтийского региона, способствовать его ассимиляции и тем самым ослабить влияние России в Европе и мире [5]. В контексте этих направлений осуществляется осмысленная подмена истории Великой Отечественной войны как одной из основ Русского мира, очерняется память освободителей Европы от фашизма.

Моральному унижению подвергаются участники Великой Отечественной войны, сражавшиеся в рядах Красной армии против гитлеровской Германии. Страны Балтии превозносят легионеров СС, бывшим «лесным братьям» платят надбавки к пенсии, а над ветеранами, советскими воинами, которые сейчас уже преклонного возраста, устраивают публичные судилища. Согласно исследованию Общественной палаты РФ, в Латвии, Литве и Эстонии уровень жизни ветеранов оказался более низким, чем у большинства обычных пенсионеров в этих странах [24].

На телеэкранах Латвии вместо отмененного в 2020 году из-за коронавируса марша неонацистов-эсэсовцев в марте демон-

стрировали фильм «Латышский легион. Возрождение справедливости» и рекомендовали его в качестве школьного учебного материала [11]. Напомним, решением Международного военного трибунала в Нюрнберге (20 ноября 1945 – 1 октября 1946 гг.) Waffen-SS был объявлен преступной организацией, как и ее члены, вступившие туда добровольно.

Наивысшего накала русофобия достигает из года в год в канун Дня Победы. Для радикальных политиков стран Балтии – новых членов НАТО, проводников американских интересов – 9 Мая давно уже традиционный повод еще раз озвучить тезисы о «российской угрозе», исходящей, в том числе, и от прибалтийской русской диаспоры. Как правило, не обходятся здесь и без информационных вбросов с новыми «историческими фактами» и декларациями о так называемой советской оккупации, за которую страны Балтии не прочь были бы получить от России компенсацию. «Когда Эстония, Литва и Латвия стали членами НАТО, они не только не умилили свои антироссийские высказывания и свою антироссийскую политику, но, по сути дела, стали одними из лидеров русофобов в западном мире», – констатировал глава российского МИД С.В. Лавров [21].

Национальные интересы России в Балтийском регионе входят в противоречие с геополитическими интересами стран НАТО, прежде всего США. Унижение русской диаспоры в Латвии, Литве и Эстонии можно рассматривать не иначе как в качестве инструмента давления на Россию со стороны Североатлантического альянса. Наличие крепкой русскоязычной диаспоры в Прибалтике, связей славянских общин в Восточной Европе могло бы препятствовать созданию новых геополитических схем под эгидой НАТО, например так называемого санитарного кордона стран по западному (и южному – ГУАМ) периметру Российской Федерации, имеющего целью изолировать Россию от Западной и Центральной Европы, что напрямую затрагивает интересы российской национальной безопасности. Сейчас замкнуть Черноморско-Балтийскую дугу стран не дает Белоруссия (и Приднестровье), и Россия прикладывает немало усилий к созданию единого пространства Союзного государства, а также укрепляет находящуюся в Калининградском анклав группировку Вооруженных сил.

В Литве весной 2020 года выискивались потенциальные участники мероприятий в честь 75-летия разгрома гитлеровской Германии, осуществлялись допросы «неблагонадежного контингента», обыски. Сейм принял резолюцию, внесенную литовским МИД, смысл которой в том, что Россия «переписывает историю» Второй мировой войны. Сейм призвал осудить «осуществляемый Российской Федерацией исторический ревизионизм и распространяемую дезинформацию, которая отрицает роль Советского Союза как одного из основных инициаторов Второй мировой войны, с целью навязать ее жертвам агрессии» [8]. Глава МИД Литвы Л. Линкявичюс с уверенностью заявил, что резолюцию поддержит Европарламент, после чего «начнется “историческое наступление”» [8]. Известный российский политолог и журналист Юрий Светов в этой связи напомнил, что «по итогам Второй мировой войны территория Литвы существенно увеличилась – она вернула те земли, которые считала исконно своими. Хотя в Польше по-прежнему есть люди, которые полагают, что эти земли должны быть возвращены Польше. И когда Литва пренебрежительно относится к итогам Второй мировой войны, стоит задуматься, какие последствия это для нее повлечет» [13].

Власти Эстонии, чтобы размыть у молодого поколения память о Великой Отечественной войне, планировали организовать 9 Мая, который в 2020 году приходится на субботу, вступительные экзамены в гимназиях. Объясняется это мерами по предотвращению вспышки коронавируса, хотя от вспышек вируса русофобии в этот день эстонские власти, судя по всему, страховать не намерены. Эстония, вероятно, не примет участие в торжествах в честь окончания Второй мировой войны в Москве: не ехать в столицу Российской Федерации публично отговаривал Президента Эстонии глава МИД страны. От официального приглашения Таллина Москва воздерживается.

«Россия не приемлет понятия “советская оккупация”, компенсацию за ущерб от которой потребовал МИД Эстонии, а также отвергает юридические претензии к РФ на основе этого», – отреагировала на претензии официальный представитель МИД России М.В. Захарова. По ее словам, подобные заявления имеют сезонный характер, а Москва рассматривает их как личную инициативу отдельных политиков [20]. «Претензии Эстонии к Рос-

сии юридически ничтожны и аморальны, Советский Союз вносил весомый вклад в экономическое развитие балтийских республик», – напомнил в интервью информагентству «РИА Новости» член Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности Ф.А. Клинецвич [19].

В настоящее время экономически активное русскоязычное население стран Балтии испытывает ощутимые сложности в реализации права на труд, вызванные, прежде всего, политическими причинами. Незнание латышского, литовского или эстонского языков становится препятствием в приеме неграждан на работу или сказывается на уровне заработной платы. В конце 2019 года, по данным статистического агентства «Eurostat», уровень безработицы в Эстонии составлял 3,9%, в Латвии – 6,3%, в Литве – 6,5% [12]. Явная и скрытая безработица, вызванная, в том числе, дискриминацией неграждан, вынуждает российских соотечественников искать работу за рубежом, преимущественно в Европе, в то время как свободные вакансии активно замещаются мигрантами из Белоруссии и Украины.

Таким образом, страны Балтии, не давая гарантий соблюдения прав русского и русскоязычного населения, сами поставили под сомнение возможность полноценного конструктивного российско-балтийского экономического сотрудничества. Москва, неоднократно заявлявшая протест в связи с положением неграждан в странах Балтии, одновременно принимала ряд экономических мер. Последние пять лет идет переориентация грузопотока из России в Европу и обратно на российские морские порты в Усть-Луге, Петербурге, Высоцке – развивается их инфраструктура, увеличивается пропускная способность терминалов. Введение Западом в 2014 году антироссийских торговых санкций, поддержанных прибалтийскими государствами, ускорило этот процесс. В отношении российских компаний, медлящих с переходом на новые транзитные пути, задействуется административный ресурс. Москва убеждает производителей угля, удобрений, нефти, металлов в том, чтобы контракты заключались именно с российскими портами и терминалами. Директор латвийской Государственной железнодорожной администрации Ю. Иесалниекс заявил в интервью телепрограмме «Nekā personīga» («Ничего личного»), что по имеющейся у него информации Прави-

тельство России заключило соглашение с предпринимателями, задействованными в транзитном бизнесе, о конкретном графике перевода своих грузов из портов Латвии в российские порты, добавив, что последствия этого уже ощутимы [27]. Действительно, грузооборот в морских портах Латвии, Литвы и Эстонии неуклонно падает; сносно чувствует себя только Клайпедский порт, принимающий транзит из Белоруссии.

В феврале 2020 года Москва приостановила работу своих торгово-экономических представительств в странах Балтии. Эксперт Института международных исследований МГИМО(У) МИД России Л.Ю. Гусев связывает это решение с обострением в целом отношений Москвы с тремя прибалтийскими столицами. В интервью российскому информационному агентству «REGNUM» эксперт напомнил о высказывании министра иностранных дел России С.В. Лаврова, заявившего на октябрьской 2019 года сессии Генеральной Ассамблеи ООН о росте как антироссийских, так и общих дискриминационных тенденций в Балтийских государствах [18].

Возможности малого и среднего балтийского бизнеса для поддержки русскоязычных соотечественников обсуждал в феврале 2020 года фонд «Русский мир». В Москве презентовалось научное исследование «Социальная роль русского бизнеса в Прибалтике (на примере Латвийской Республики)», подготовленное Центром политических технологий при грантовой поддержке фонда [17]. Исследование проводилось посредством экспертных интервью с русскоязычными предпринимателями, представителями общественных организаций и церкви в Риге, Юрмале, Даугавпилсе. Выяснялись роль русского бизнеса в прибалтийской экономике и роль русской общины в развитии бизнеса, а также выявлялись мотивация предпринимателей к участию в культурных проектах и причины их неучастия [23]. В ходе дискуссии на презентации речь шла о сохранении русской культуры, русского присутствия в регионе, поскольку социальная деятельность бизнеса способна в этом в опросе сыграть определяющую роль. Годы притеснения неграждан в странах Балтии принесли свои плоды: идеи интеграции русских, смотрящих в сторону России, у бывших граждан СССР и, особенно, у их потомков всё больше сменяются мультикультурными европейскими ценно-

стями. Здесь, безусловно, не обходится без влияния тенденций глобализации, но факт остается фактом: русскоязычная среда в Латвии в частности и Прибалтике в целом разобщена, и общественные организации ее не консолидируют. Говорящие на русском языке представители разных национальностей составляют в Прибалтике большинство занятых в малом и среднем бизнесе. По данным фонда «Русский мир», «русскоязычный» бизнес в Латвии в условиях жесткой государственной политики по отношению к негражданам готов продолжать поддерживать культурные и образовательные мероприятия, социальные проекты, спонсировать программы помощи малоимущим, ветеранам войны [23]. Вместе с тем бизнес, ориентированный в своей деятельности и ее результатах в равной степени как на Россию, так и на Европу, не склонен участвовать в политически окрашенных программах, поскольку объективно желает свести к минимуму политические риски. Исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов считает, что русской диаспоре в странах Балтии нужно брать пример с русского сообщества в Австралии – небольшого, но активно отстаивающего свои интересы во властных структурах [17].

Российская диаспора дальнего зарубежья как часть Русского мира, сохраняющая русскую идентичность в инонациональной среде, готова оказывать содействие русскоязычной диаспоре в Прибалтике. 29 октября 2019 года в Москве состоялось 34-е заседание Всемирного координационного совета российских соотечественников. Его участниками стали представители страновых координационных советов организаций соотечественников, проживающих за рубежом, представители МИД России и российских ведомств. Кроме того, в октябре 2019 года в Приозерском районе Ленинградской области прошел 9-й Балтийский форум соотечественников, собравший представителей диаспор Латвии, Литвы, Эстонии, Беларуси, Финляндии и Бельгии. Говоря о «мягкой силе», участники этих двух собраний отмечали, что в законодательстве РФ в области защиты соотечественников нет системно-прогностического подхода, работающего механизма принятия и реализации решений в русле национальных интересов России; есть только действия постфактум, как правило, негативных внутривластных событий [4].

Тем временем в Литве и Латвии созревают предпосылки для возможного появления новой русскоязычной общины. Наплыв трудовых мигрантов из Белоруссии и Украины способен серьезно изменить этнический баланс в этих республиках, поскольку образованная литовская и латышская молодежь в поисках перспектив уезжает на Запад. Директор белорусского Центра по проблемам европейской интеграции политолог Юрий Шевцов прогнозирует этнокультурный сдвиг в Литве из-за приезда, как минимум, 300 тыс. славян. Не пройдет и 10 лет, как доля литовцев вместо нынешних 85% упадет до 70–75%, считает эксперт [10]. Похожее положение дел складывается в Эстонии. По данным на конец 2019 года, число только украинцев, работающих легально, доходило в Республике до 22 тыс., не считая въехавших по туристическим визам. Это втрое больше, чем в 2017 году [30]. С учетом того, что малый и средний бизнес в странах Балтии – в основном сфера русскоязычная, значение русского языка повсеместно возрастает. У властей, закрывающих русские школы, появятся новые проблемы вплоть до необходимости повышать квалификацию мигрантов на русском языке.

Заключение

Можно сделать вывод о том, что создание инструментов для реализации российских интересов в странах Балтии на основе общественной дипломатии возможно при выполнении следующих условий:

- при взаимодействии русскоязычного бизнеса с социально адаптированной частью диаспоры (люди, вписавшиеся в новые реалии, сохраняющие культурные и духовные связи с Отчеством, заинтересованные в экономическом сотрудничестве с ним);
- налаживании связей между русскоязычными предпринимателями, консолидации бизнес-сообщества, отстаивании его интересов во властных структурах;
- повышении социальной роли бизнеса, его участия в проектах поддержки соотечественников, в том числе образовательных проектах на русском языке;
- достижении стабильности в малом и среднем бизнесе Латвии, Литвы и Эстонии, увеличении притока российских инвестиций;

- сплочении русской диаспоры стран Балтии при содействии диаспор, общин и организаций соотечественников дальнего зарубежья;
- включении малого и среднего бизнеса стран Балтии в новые гуманитарные проекты, учитывающие интересы русскоговорящих мигрантов с Украины и из Белоруссии;
- усилении роли русской культуры в восстановлении исторических традиций общежития и добрососедства людей разных национальностей и религий в Прибалтийском регионе.

Литература

1. В Латвии вступил в силу закон об автоматическом гражданстве детям неграждан // Sputnik Латвия. – 05.11.2019. – URL: <https://lv.sputniknews.ru/politics/20191105/12709460/Prezident-Latvii-provozglasil-zakon-ob-avtomaticheskom-grazhdanstve-detyam-negrazhdan.html> (дата обращения: 24.03.2020).
2. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (утв. Указом Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637) // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135348/9cf95e1cef34d74eca9a5792671e8c9e40db0c88/ (дата обращения: 29.03.2020).
3. Гусев А. Проблема неграждан в Прибалтике будет решена, но не скоро // Rubaltic.ru. – 09.10.2017. – URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/20171009-problema-negrazhdan-v-pribaltike-budet-reshena-no-ne-skoro/> (дата обращения: 24.03.2020).
4. Дадаев О.К. Положение соотечественников за рубежом как фактор внешней политики // Научная библиотека «Порталус». – 10.10.2010. – URL: https://portalus.ru/modules/variou/s/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1286719493&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 24.03.2020).
5. Дискриминация русских в странах Балтии: причины, формы, возможности преодоления: сб. ст. / Ю. Александрова и др.; Центр содействия защите прав человека, Московское бюро по правам человека. – М.: Моск. бюро по правам человека; Рига, 2012. – 235 с.
6. Захарова: негражданство в Латвии – пример вопиющей дискриминации // BALTNEWS. – 17.10.2019. – URL: https://lv.baltnews.com/Russia_West/20191017/1023444509/Zakharova-negrazhdanstvo-v-Latvii--primer-vopiyuschey-diskriminatsii.html (дата обращения: 24.03.2020).
7. Иванова Н.А. Возможности и ограничения использования Россией «мягкой силы» в отношении стран Прибалтики: дис. ... канд. полит. наук / [Моск. гос. ин-т междунар. отношений МИД РФ]. – М., 2018. – 239 с.
8. Иванченко П. Вильнюс готовит репрессии на 75 лет Победы // Сегодня.ру. – 11.03.2020. – URL: <http://www.segodnia.ru/content/225369> (дата обращения: 24.03.2020).
9. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // МИД России. – 01.12.2016. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6B6Z29/content/id/2542248 (дата обращения: 24.03.2020).
10. Коренное население заменяют украинцы. Прибалтику накрыла волна миграционно-го кризиса // Евразия.Эксперт. – 20.09.2018. – URL: <https://eurasia.expert/pribaltiku-nakryla-volna-migratsionnogo-krizisa/> (дата обращения: 24.03.2020).
11. Линдерман В. Фильм, прославляющий эсэсовцев, покажут в школах Латвии? // Sputnik Латвия. – 24.03.2020. – URL: <https://lv.sputniknews.ru/>

- columnists/20200324/13442728/Legioner---detyam-primer-film-proslavlyayuschiy-
esesovtsev-pokazhut-v-shkolakh-Latvii.html (дата обращения: 25.03.2020).
12. Литва стала антилидером Балтии по росту безработицы // Sputnik Литва. – 02.11.2019. – URL: <https://lt.sputniknews.ru/society/20191102/10572544/Litva-stala-antiliderom-Baltii-po-rostu-bezrobotitsy.html> (дата обращения: 14.03.2020).
 13. Москве доказывать странам Балтии нечего: журналист ответил Литве про парад Победы // Радио «Sputnik Латвия». – 06.03.2020. – URL: <https://lv.sputniknews.ru/radio/20200306/13330831/Moskve-nechego-dokazyvat-stranam-Baltii-zhurnalist-otvetil-Litve-pro-Parad-Pobedy.html> (дата обращения: 25.03.2020).
 14. *Мяло К.Г.* Россия и последние войны XX века. – М.: Вече, 2002. – С. 155.
 15. Национальный состав населения Литвы в 1989, 2001 и 2011 гг. – URL: <https://scicenter.online/russkiy-yazyik-scicenter/litovskaya-respublika-70032.html> (дата обращения: 14.03.2020).
 16. Основные международные акты о правах человека // Гарант. – URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/> (дата обращения: 27.03.2020).
 17. Презентация исследования о роли российского бизнеса в Прибалтике // Сайт фонда «Русский мир». – URL: <https://russkiymir.ru/fund/press/80362/>.
 18. Прибалтийские страны считали, что от России им не нужно даже нефти и газа // ИА «REGNUM». – 27.02.2020. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/2870031.html> (дата обращения: 24.03.2020).
 19. Российский посол возложил цветы к «Бронзовому солдату» в Таллине // РИА Новости. – 22.09.2019. – URL: <https://ria.ru/20190922/1558973760.html> (дата обращения: 14.03.2020).
 20. Россия не приемлет понятие «советская оккупация», заявили в МИД // РИА Новости. – 22.09.2019. – URL: <https://ria.ru/20190920/1558883518.html> (дата обращения: 25.03.2020).
 21. Русофобии неубавилось. Как НАТО испортило Эстонию, Латвию и Литву // BALTNEWS. – 20.03.2019. – URL: https://baltnews.ee/tallinn_news/20190320/1017511937/nato-ribaltika-rusofobiya.html (дата обращения: 25.03.2020).
 22. *Солопенко А.* Учеба на латышском языке стала шоком и стрессом для русских школьников // Rubaltic.ru. – 02.09.2019. – URL: https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/02092019-ucheba-na-latyshskom-stala-shokom-i-stressom-dlya-russkikh-shkolnikov/?fbclid=IwAR17C6rzPAHo4spXyBAamp_OoH-5j7krS4__vGQWL3mmiZTDvIBrTRUsLuw (дата обращения: 24.03.2020).
 23. Социальная роль русского бизнеса в Прибалтике // Сайт фонда «Русский мир». – URL: <https://russkiymir.ru/fund/press/80445/> (дата обращения: 25.03.2020).
 24. Страны Прибалтики признаны худшими по уровню жизни ветеранов ВОВ // Sputnik Латвия. – 15.03.2019. – URL: <https://lv.sputniknews.ru/Baltics/20190515/11565750/Strany-Pribaltiki-priznany-khudshimi-po-urovnyu-zhizni-veteranov-VOV.html> (дата обращения: 24.03.2020).
 25. Текущая статистика // Управление по делам гражданства и миграции Латвийской Республики (Pilsonības un migrācijas lietu pārvalde). – URL: <https://www.pilsonibasunmigracijaslietu.pavalde.lv/lv/spracs-nacionalasastava-unvalstiskaspiederibas> (дата обращения: 24.03.2020).
 26. *Фурман Д.Е., Задорожнюк Э.Г.* Притяжение Балтии (балтийские русские и балтийские культуры) // Мир России. – Т. XIII. – 2004. – № 3. – С. 98–130.
 27. Чиновник: Правительство России выводит грузы из Латвии в свои порты // Eurasia Daily. – 02.12.2019. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/12/02/chinovnik-pravitelstvo-rossii-vyvodit-gruzy-iz-latvii-v-svoi-porty> (дата обращения: 23.03.2020).
 28. Численность населения Эстонии // ESTONIA.RU. – URL: <https://estonia.ru/strana/chislennost-naseleniya-estonii> (дата обращения: 23.03.2020).
 29. *Юферова-Скуратовски М.* Postimees (Эстония): украинские мигранты – проблема или возможность для нашей страны // Иносми.ру. – 24.09.2019. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20190924/245876479.html> (дата обращения: 27.03.2020).

Шематинова Екатерина Андреевна,

атташе Посольства России в Пакистане,
соискатель, Дипломатическая академия МИД России,
Москва.

E-mail: katshe@mail.ru

Ekaterina A. Shematinova,

Attaché of the Embassy of the Russian Federation in Pakistan,
PhD Candidate,
Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry,
Moscow.

E-mail: katshe@mail.ru

ВЫШЕГРАДСКАЯ ЧЕТВЕРКА: ТРАНСФОРМАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ VISHEGRAD FOUR: TRANSFORMATIONS AND PERSPECTIVES

Аннотация: в статье рассматриваются развитие Вышеградской четверки как субрегиональной группы Европейского союза, трансформация ее внутренних процессов и задач, а также новая роль на современном этапе. Проанализированы ключевые показатели стран региона, их политические и экономические перспективы в ЕС. Особое внимание уделено позиции «четверки» по дальнейшему развитию европейской интеграции. Анализируется также политика Вышеграда в контексте современных европейских кризисов (экономический, миграционный и др.). Особое внимание уделяется противодействию четырех Вышеградских стран попыткам Германии и Брюсселя реализовать свои инициативы, в частности проект «Европа разных скоростей».

Ключевые слова: Вышеградская группа, субрегиональная группа, Европейский союз, интеграция, миграционный кризис.

Abstract: the article is devoted to the role of Vishegrad group being a sub-regional group in the European Union, transformation of its internal processes and goals as well as new role at the present stage. Core activities and indicators of politics and economy are analyzed in the article. Special attention is paid to the position of the Four on further integration of EU. The article also focuses on Vishegrad policy towards European crises (economic, migration etc.). Particular attention is paid to counteraction of Vishegrad group to German and Bruxelles attempts to implement their initiatives, particularity "multi-speed Europe".

Keywords: Vishegrad group, sub-regional group, European Union, integration, migration crisis.

У истоков Вышеграда

Развитие и трансформацию разных субрегиональных объединений Европы невозможно оценивать вне политического и экономического международного контекста. Способность региональной группы встраивать свою политику в общие мировые процессы

формирует ее индивидуальные особенности, изменяет цели и задачи, создает новые перспективы. Ярким примером служит Вышеградская группа (В4). Изначально она создавалась как «подпорка» для Венгрии, Польши, Словакии и Чехии, вступавших в Европейский союз, с целью выровнять уровни развития стран региона и упростить задачу евроинтеграции. После вхождения в ЕС страны Вышеградской четверки не только сохранили институт субрегиональной группы, но и переформатировали ее, превратив в инструмент для выдвижения и реализации собственных инициатив, создания и активного продвижения Вышеградской повестки. Странам В4 приходится решать новые задачи, вызванные «дихотомией наднационального и национального» [2, с. 183]. Показательными стали кризисные процессы, протекающие в Европейском союзе, в частности миграционный кризис, выявивший стремление стран В4 прежде всего соблюдать собственные интересы и заставлять ЕС прислушиваться и считаться с ее интересами.

Несмотря на частные различия, у стран Вышеградской группы схожая историческая и политическая ситуация. По словам известного венгерского политического деятеля А. Генца, «в эпоху социализма общая судьба (стран Вышеградской группы. – *Е.Ш.*) была связана с тем, что под властью Советского Союза образ врага стал коллективным. Не случайно, уже после смены режима в 1989 г. эти страны, которые боролись за свою свободу, по существу снова столкнулись с теми же проблемами» [12, с. 48–49]. В преддверии новой эпохи лидеры центральноевропейских стран В4 понимали, что будет непросто осуществить на практике популярный тогда политический призыв – «возвращение в Европу».

Страны Центральной Европы располагаются на своеобразном геополитическом «перепутье»: они исторически подпадали сразу под две сферы влияния – западную (со стороны Австрии, Германии, западного христианства/католических стран) и восточную (Советский Союз). Несмотря на свое культурное богатство, в самостоятельном политическом плане они были достаточно слабы. Начиная с борьбы за национальную независимость, их государственность была менее выражена и стабильна, чем в соседних западных демократиях.

В 1991 году главами Польши, Чехословакии и Венгрии была подписана совместная декларация [9] о стремлении к интегра-

ции в европейские структуры. После прекращения действия Совета экономической взаимопомощи и Организации Варшавского договора, а также с распадом СССР странам Центральной Европы необходимо было выбрать вектор будущего развития. Сознательное решение «держаться вместе» и создать субрегиональную группу для поиска общего европейского пути позволило сформировать региональную интеграционную подсистему внутри ЕС в ее современных границах. В первые годы своего существования «четверка» направляла все свои усилия на европейскую интеграцию: происходили серьезные политические и идеологические сдвиги. От значимых политических процессов были полностью отстранены местные коммунистические партии, шаги по либерализации экономик четко согласовывались с Брюсселем, шла перестройка экономических институтов на западные рельсы, менялась система ценностей.

Адаптировавшись к жизни в Евросоюзе, страны Вышеградской группы осознали свой политический и экономический потенциал и превратили В4 в политический инструмент, способный, в том числе, выступать в противовес решениям Брюсселя, не устраивающим одну из стран «четверки» либо весь регион.

Субрегион стран «четверки» является значительной силой в Европейском союзе. По статистическим показателям, если бы В4 представляла собой единое государство, то была бы пятой экономикой Европы и двенадцатой мировой экономикой с населением свыше 64 млн человек (4-е место в Европе и 22-е в мире) [14]. Самая большая численность населения среди этих стран у Польши (38 млн человек), на втором месте – Чехия (11 млн), затем – Венгрия (10 млн) и Словакия (5,5 млн).

Таблица 1

Вышеградская группа в цифрах

Страна	Площадь (в % от В4)	Население	
		(в % от В4)	млн чел.
Чехия	14,8	16,6	10,58
Венгрия	17,5	15,4	9,80
Польша	58,5	59,5	37,97
Словакия	9,2	8,5	5,44
Вышеград	100	100	63,78

Источник: На основе данных Hungarian Central Statistical Office за 2019 год [14].

Польский ВВП составляет 586 млрд долл. США [8] (на 2019 г.). Причем он постоянно растет, в среднем на 4,2% в год (с 1992 по 2019 г.) [8]. Польский рынок является одним из наиболее привлекательных в Европе для иностранных инвесторов. Сохраняется высокая покупательская способность, а внутренний потребительский рынок составляет 61% ВВП, превышая средние данные по ЕС. В целом это делает Польшу более самостоятельной по отношению как к Брюсселю, так и к Германии, тем не менее зависимость от них сохраняется. Польша получает крупные инвестиции на строительство инфраструктуры (с 2014 по 2020 г. страна получила 106 млрд евро) [8].

Словакия также является крупной экономикой своего региона и была признана Организацией экономического сотрудничества и развития самой быстрорастущей развитой экономикой мира. Постепенно снижается уровень безработицы (с 6,5% в 2018 г. до менее 4% в 2019 г.). Наблюдается рост ВВП – 3,8% в 2019 году и, по прогнозам, не менее 3,4% в 2020 году [17]. Словакия имеет развитое автомобильное производство и является одной из передовых стран по переходу на электромобили [7, с. 111].

Венгрия занимает 5-е место в ЕС по темпам роста ВВП в Европе (3,7% в 2019 г.). К 2019 году уровень безработицы снизился и стабилизировался на отметке 3,5%. Несмотря на некоторые проблемы в экономике, в том числе, высокий для ЕС уровень инфляции (3,2%) [14], а также на быстрый рост цен (2-е место по росту цен в Евросоюзе), Венгрия остается привлекательной экономикой для бизнеса и инвесторов.

Чехия на этом фоне выглядит наименее благополучной с ростом ВВП в 2,6% в 2019 году. Причем в 2020 году ожидается снижение темпов до 2,4%. Кроме того, чешская экономика, еще не полностью оправившаяся от долгового кризиса, зависит от автомобильной промышленности и экспорта машинной продукции в другие страны еврозоны. Тем не менее Чехии постепенно удастся выходить из кризиса, и в стране самый низкий уровень безработицы в Евросоюзе (2,2%) [8].

Современной особенностью Вышеградской группы является отсутствие институционализации. Региональная политика В4 выстраивается в ходе саммитов глав государств и правительств, политических, экономических, экспертных консультаций. Един-

Таблица 2

Экономика Вышеграда (2020 г.)

Показатель	Польша	Венгрия	Чехия	Словакия
ВВП	586 млрд долл.	156 млрд долл.	244 млрд долл.	106 млрд долл.
ВВП на душу населения	16 640 долл.	16 504 долл.	23 344 долл.	20 670 долл.
Годовой темп роста ВВП	3,9%	5%	2,5%	1,3%
Государственный долг	249,13 млрд долл.	97,39 млрд долл.	75,98 млрд долл.	47,71 млрд долл.
Минимальная заработная плата	576,66 долл./мес.	511,6 долл./мес.	572,25 долл./мес.	573,31 долл./мес.
Уровень безработицы	5,1%	3,5%	2,2%	4,92%
Уровень экономической активности	56,2%	63,11%	60,3%	94,1%
Уровень инфляции за год	3,4%	3,2%	3,2%	3%
Экспорт	22,31 млрд долл.	10,34 млрд долл.	17,93 млрд долл.	8,06 млрд долл.
Импорт	21,4 млрд долл.	9,79 млрд долл.	15,79 млрд долл.	7,89 млрд долл.
Военные расходы	10,75 млрд долл.	1,57 млрд долл.	2,45 млрд долл.	1,19 млрд долл.

Источник: На основе данных за 2019 год Eurostat [8] и Hungarian Central Statistical Office [14].

ственной организацией, функционально относящейся к В4, можно считать Вышеградский фонд, работающий с 2000 года и помогающий реализовывать проекты в области науки, культуры, образования и туризма. Он играет роль «мягкой силы», обеспечивая финансирование региональных и субрегиональных проектов.

В 2019 году Фондом В4 было одобрено 77 различных проектов на предстоящий 2020 год [6]. Двадцать из них – для Чехии: Научный лагерь – 2020, Восьмой ежегодный Вышеградский (спортивный) кубок, Международный фестиваль театральных школ, Университетские курсы по ядерной безопасности и др. Девятнадцать проектов – для Венгрии: Трансграничный туризм, Вышеградское кафе, Фестиваль искусств и дизайна, Вышеградская конференция по энергетической безопасности, Летний курс по сохранению музыкального наследия в странах Вышеградской группы и Балканского региона и др. Шестнадцать проектов были предназначены для Польши: «Варшава 2020» – 93-я международная сессия молодежного Европарламента, В4+Академия для молодых женщин-предпринимателей и др. Семнадцать проектов – для Словакии: Модель ЕС в Братиславе, Вышеградский ки-

нофорум 2020, 10-й Международный фестиваль гитаристов (Дни классической гитары) и др. Были предложены также пять проектов для стран, не входящих в В4 (включая Албанию, Армению и Грузию). За годы своего существования на формирование «вышеградской философии» посредством развития и продвижения культурных, образовательных, научных связей между странами региона Фонд потратил свыше 60 млн евро [5, с. 103]. Большая часть проектов направлена на развитие межрегиональных связей среди творческой молодежи стран Вышеградской группы.

Вышеградская развилка

Отсутствие институционализированного аппарата, штаб-квартиры и других формальных организационных структур во многом тормозит развитие субрегиональной группы. Подобное состояние отражает наличие внутренних противоречий, непрекращающейся борьбы за лидерство (в первую очередь со стороны Польши), а также сохранение разных взглядов на ряд региональных, европейских и международных вопросов. Протекающая в регионе евроинтеграция не может полностью отменить окрашенного конфликтами и взаимными обидами исторического прошлого стран «четверки». Тем не менее для достижения «соответствия ЕС» страны постепенно перенимают ключевые европейские нормы и ценности, а также вынуждены пересматривать свои оценки исторических событий, политические и культурные традиции. Постепенно переосмысливается взгляд на политику Советского Союза, особенно в отношении последних лет его существования.

В этом контексте странами В4 по-разному воспринимается сотрудничество с Россией. Наиболее жесткие оценки со стороны «четверки» вызвала ситуация на Украине в 2014 году. Страны В4 солидаризировались с «коллективным Западом» [2, с. 182], однако общей стратегии поведения в отношении России в регионе до сих пор не было выработано. Страны Вышеградской группы, с одной стороны, заинтересованы в продолжении диалога и развитии торговых и экономических отношений с Российской Федерацией, с другой – не спешат активно выступать против антироссийской риторики, характерной для Евросоюза.

В этом контексте неоднозначным видится так называемое Славковское сотрудничество, расколовшее Вышеградскую груп-

пу. В январе 2015 года Чехия и Словакия подписали в г. Славков (бывший Аустерлиц, Чехия) новое соглашение о трехстороннем сотрудничестве с участием Австрии. В рамках нового формата предполагается развитие политических и экономических связей, интенсификация экономики, повышение уровня занятости, а также ведение совместных проектов и информационная координация по политике Евросоюза [4, с. 37]. С одной стороны, это можно воспринимать как попытку расширить саму Вышеградскую группу и сферу ее влияние, с другой – чешско-австрийское (в первую очередь) сближение уравнивает в некоторой степени расклад сил внутри В4 и не позволяет Польше единолично принимать решения по ведению политики в восточноевропейском регионе.

Подобные расколы (как в случае со Славковским сотрудничеством) вызывают опасения по поводу дальнейшей судьбы Вышеградской группы. До настоящего времени «четверке» удавалось координировать свои усилия, прежде всего по наиболее «болезненным» для всего региона вопросам. Однако практика показывает, что созданный неинституционализированный «политический клуб» позволяет странам лучше сохранять независимость и суверенную политику. Очевидно, что без совместных действий В4 Брюссель и Берлин в меньшей степени считались бы с интересами государств Вышеградского региона. По словам известного немецкого журналиста и политолога Б. Калноки [15], эти страны вступили в Евросоюз уже более 15 лет назад и теперь знают изнутри, как он функционирует и как защищать свои интересы.

В отличие от других европейских субрегиональных групп (например, Северного измерения или Северо-Балтийской группы) Вышеградская группа представляет собой по большей части политическое объединение. На современном этапе ключевой целью В4 является сохранение «блока» государств-единомышленников, способных отстаивать свои ценности и корректировать общую повестку ЕС с тем, чтобы учитывался их голос, политические и экономические интересы. В структуре В4 отсутствуют многочисленные четко оформленные институты, «нагромождение» бюрократического аппарата. Тем не менее странам группы удается успешно сотрудничать по ряду совершенно разных на-

правлений, в том числе, при необходимости проводить совместную политику и направлять развитие региональной экономики.

Таким образом, страны Вышеграда занимают противоречивую позицию. Они последовательно выступают за сохранение Евросоюза, укрепление его целостности (особенно в контексте Брекзита), продвижение интеграции. В то же время они защищают суверенитет отдельных стран, национальные парламенты, борются за недопущение возможного ущемления прав отдельных национальных государств.

Негативный резонанс среди стран группы вызвало предложение франко-немецкого блока о запуске процесса разноскоростной интеграции ЕС. Проект «Европа разных скоростей» был выдвинут А. Меркель в феврале 2017 года фактически в ответ на решение Великобритании выйти из ЕС. Согласно официальному глоссарию ЕС [13] разноскоростная Европа (Multi-speed Europe) – метод дифференцированной интеграции, цели и задачи которой определяет группа стран, имеющая желание и возможность их выполнить, тогда как остальные последуют за ними позднее. Похожей концепцией является «Европа “à la carte”» [13], предлагающая неунифицированный метод евроинтеграции, когда отдельные государства ЕС могут выбирать из предложенного «меню» наиболее предпочтительный политический курс (при сохранении минимального набора обязательных общих целей и ценностей). Предложенная немецким канцлером концепция предоставляет большую свободу странам выбирать формы и степень своего участия или неучастия в тех или иных интеграционных процессах в зависимости от их экономических возможностей и приоритетов. По сути, присоединение к проектам евроинтеграции – явление добровольное. Более того, до сих пор не все страны Евросоюза вступили в еврозону и зону Шенгенского соглашения. Тем не менее оформление этой политической линии в полноценную осознанную стратегию пугает страны Вышеградской четверки (и прежде всего Польшу), которые справедливо опасаются разделения Европы на ядро и периферию. В таком случае крупнейшие политические и экономические гиганты ЕС (Германия, Франция) официально возьмут на себя управление внутриевропейскими процессами, возглавят ход интеграции на условиях, которые

могут быть не выгодны остальным, менее развитым странам Европейского союза.

Для стран В4 предлагаемые концепции являются неприемлемыми. Фактически сразу после выступлений А. Меркель, уже в июне 2017 года, на саммите Вышеградской группы была подписана так называемая Бельведерская декларация, призывающая к равенству и партнерству внутри ЕС и резко осуждающая концепцию «Европы разных скоростей» как ведущую к дезинтеграции.

Вышеградская группа против кризисов

Миграционный кризис Евросоюза стал для Вышеградской группы серьезным испытанием на прочность и в то же время показал ее самостоятельность и готовность противостоять Брюсселю, ставящему страны региона В4 в невыгодные условия. Одним из наиболее серьезных вызовов стал миграционный кризис, который «грозил странам Евросоюза обострением политических, экономических, финансовых, социальных, религиозных проблем» [1, с. 59], а кроме того, ставил под удар региональные и национальные системы безопасности.

В сентябре 2015 года на саммите в Праге страны «четверки» подписали совместное заявление о защите права на добровольное принятие мер в рамках ЕС. Прежде всего, оно было направлено против принудительных мер по принятию мигрантов и содержало положение о неприемлемости любых обязательных квот по приему беженцев / мигрантов. Польские политики, в частности премьер-министр Е. Копак, неоднократно заявляли, что поиск решений по миграционному кризису должен оставаться в ведомстве суверенных государств. На саммите В4 в сентябре 2016 года (когда число мигрантов, прибывших в ЕС, превысило 443 тыс. человек, а нелегалов – 498,6 тыс. [8]) страны Вышеградской группы заявили о готовности предоставить экспертную и техническую поддержку, а также финансовую помощь государствам, страдающим от наплыва беженцев. Лидеры Венгрии и Словакии осудили принимаемые на тот момент Германией и Брюсселем меры, которые, по их мнению, способствовали распространению террористических угроз в ЕС.

Противостояние Вышеграда и Брюсселя по миграционному вопросу показало значительный политический потенциал су-

брегиональной группы. После прохождения пика миграционного кризиса к середине 2017 года, по официальным данным, Словакия приняла 16 мигрантов, Чехия – 16, а Польша и Венгрия ни одного (из «полагавшихся» им 6182 и 1294 соответственно) [13].

Миграционный кризис укрепил неинституционализированную Вышеградскую четверку. Своей победой В4 считают решение 2018 года, принятое на саммите ЕС, об отказе от обязательных квот и переходе на добровольное распределение мигрантов по территории стран Евросоюза. Успешная реализация общей политики противодействия навязыванию Брюсселем квот и обязательному распределению мигрантов вдохновили участников «четверки» на продолжение усиленного взаимодействия, несмотря на ряд внутренних разногласий.

Страны Вышеграда осознали, что поодиночке добиться какого-либо результата в ЕС было бы крайне проблематично. В условиях непрекращающихся общеевропейских кризисов субрегиональная группа прошла несколько этапов трансформации, осознала собственные возможности и на современном этапе представляет собой подсистемный центр влияния на ЕС. Созданная с целью менее «болезненно» интегрироваться в Евросоюз, Вышеградская группа получила «собственный голос» в Европе, без учета которого Брюссель уже не может проводить жесткую бескомпромиссную политику. Более того, «четверка» ищет пути для экспансии своего влияния на более широкий регион, включая «балтийскую тройку» (Латвию, Литву, Эстонию), восточных соседей, балканских партнеров, страны Центральной Европы.

Начиная с 2004 года, когда цель вступления в ЕС была достигнута всеми странами Вышеградской четверки, необходимо было определить дальнейшую судьбу внутрирегионального сотрудничества. Несмотря на формальное включение В4 в систему ЕС, существовало еще множество нерешенных задач для успешной политической и экономической интеграции стран в Евросоюз. На современном этапе региональной интеграции одной из ключевых задач В4 является достижение «равного положения» в системе Евросоюза. Совместное лоббирование интересов малых стран для Вышеградской группы становится не просто приоритетом, но и принципиальной позицией, демонстрирующей неоднородность европейского интеграционного процесса. По-

мимо явного противодействия со стороны Вышеградских стран таким инициативам, как «Европа двух скоростей», существуют и внутрирегиональные амбиции стран Центральной и Восточной Европы, также не способствующие успешному ходу интеграции.

Так, региональные и субрегиональные амбиции стран Вышеградской группы (прежде всего, Польши) направлены на включение в орбиту собственного влияния схожих стран – участниц «Восточного партнерства», Западных Балкан и стран Балтийского региона. Вышеградские страны проводят собственную совместную внешнюю политику в формате «В4+» [9], где в качестве внешних партнеров могут быть любые страны как внутри Европейского союза, так и за его пределами (например, 2015 г.: Республика Корея, Турция, Германия; 2017 г.: Израиль, Австрия, Хорватия, Словения Египет).

Наиболее ярким примером внешнеполитических усилий В4 в рамках ЕС может служить инициатива «Восточного партнерства», которая изначально была нацелена на стимулирование демократического транзита в странах с советским прошлым. Политика Европейского союза в отношении стран «Восточного партнерства» (Украина, Молдавия, Азербайджан, Армения, Грузия, Белоруссия) имеет нормативный и мягкий характер.

Основываясь на категории базовых принципов и норм, в частности прав человека и верховенства права, ЕС в целом может сознательно менять, пересматривать и подстраивать свои взгляды и стратегии под условия внешней среды. К основным нормам относятся мир, свобода, демократия, права человека и верховенство права, поэтому в условиях, когда возникает угроза, например, миру и демократии, лидеры Европейского союза вынуждены пересматривать собственные стратегии. В 2011 году после событий «арабской весны» Европейская политика соседства (одним из направлений которой является «Восточное партнерство») требовала изменений в связи с геополитической нестабильностью у границ ЕС. Однако поскольку к желаемым результатам подобная корректировка стратегии не привела, 18 ноября 2015 года вышло коммюнике Европейской комиссии и Высокого представителя Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности о новом пересмотре политики соседства [10]. Обновленная стратегия направлена на более дифферен-

цированный подход. Поскольку практика показала, что использование универсального подхода к международным отношениям в условиях, когда общая или схожая идентичность еще не сформирована, не эффективно, ЕС в настоящее время делает акцент именно на вовлечение стран-партнеров в свою зону влияния.

С 2014 года был изменен механизм финансирования стран – членов Европейской политики соседства: он нацелен на частный, инклюзивный и двусторонний диалог со странами – участницами Европейской политики соседства. Европейский инструмент соседства [11], распространяемый, в том числе, на страны «Восточного партнерства», рассчитанный до 2020 года (включительно), располагает 15 млрд евро. Он является достаточно гибким инструментом, который в различной степени может поощрять страны-партнеры, в зависимости от их приверженности и степени вовлеченности в сотрудничество и процесс достижения общих целей.

Принципы сотрудничества В4 и ЕС

В течение предыдущих 26 лет Вышеградская группа представляла региональные интересы, (начиная с 2004 г. уже в рамках Европейского союза), участвуя в субрегиональных и общеевропейских интеграционных проектах, налаживая сотрудничество как с Западной Европой, так и с Востоком и Балканским регионом. «Дорожная карта», которой следует субрегиональная группа, представляет собой политику по четырем основным направлениям: европейский, региональный, цифровой и глобальный Вышеград.

В рамках европейского направления развития Вышеградского сотрудничества необходимо отметить, что страны В4 уже более 15 лет являются членами Европейского союза и каждая уже становилась (в порядке ротации) страной – председателем Совета ЕС. Для Вышеградских стран, активно участвующих в европейской интеграции, важно сохранять и укреплять свою роль в процессах принятия решений, тем самым не только доказывая собственную легитимность и политическую состоятельность, но и демонстрируя некорректность деления Европы на ядро и периферию.

25 марта 2017 года в рамках саммита в Риме была подписана Декларация, в которой Вышеградские страны заявили о важ-

ности продолжения дискуссии о будущей архитектуре ЕС. Про-европейски настроенная В4, во многом прагматично подходя к данной проблематике, определила основные принципы сотрудничества со странами – членами Европейского союза: субсидиарность, кооперация, конкурентоспособность и экономическая конвергенция, безопасность и предсказуемость (табл. 3).

Таблица 3

Принципы сотрудничества В4 и Евросоюза¹

Принцип	Содержание
Субсидиарность	В4 настаивает на том, чтобы решения принимались с максимальной вовлеченностью гражданского населения, а наднациональные власти учитывали локальное и региональное измерения в области принятия политических и экономических решений
Кооперация	Для обеспечения европейского политического единства необходимо, чтобы каждое государство-член стремилось следовать общим принципам и целям. В вопросах, определяющих будущее ЕС, необходим консенсус на уровне глав государств и правительств
Конкурентоспособность и экономическая конвергенция	Один из фундаментальных принципов ЕС всегда состоял в развитии конкурентной среды и общего конвергентного рынка. Экономический рост зависит, прежде всего, от укрепления связей в рамках внутреннего рынка, развития промышленности, предприятий, проведения исследований и разработок в сфере инноваций с переходом к цифровизации. Экономическая конвергенция между государствами-членами и регионами способствует более сбалансированному функционированию внутреннего рынка и конкурентоспособности всего ЕС, постепенно уменьшая различия в уровнях развития
Безопасность	Вышеградские страны с начала миграционного кризиса были активными сторонниками защиты внешних границ. В рамках диалога о европейской безопасности В4 стремится к евроатлантической интеграции стран Западных Балкан, а также к углублению экономической интеграции и политической ассоциации со странами «Восточного партнерства», поскольку, по заявлению представителей Вышеграда, это способствует безопасности и стабильности в Европе
Предсказуемость	Основываясь на принципах и нормах, закрепленных в Лиссабонском договоре, Вышеградские страны призывают проводить продуманную и последовательную внешнюю политику, оставаясь предсказуемым, а значит, надежным политическим игроком. Европейский союз должен быть одновременно конструктивным партнером во внешнем измерении и исполнять обязательства, данные своим собственным гражданам

На современном этапе развития европейской интеграции страны Центральной и Восточной Европы и, в частности, Вышеградская группа пытаются занять свою нишу. Благодаря тесным социальным и культурным связям, единому пути исторического развития В4 постепенно становится всё более интегрированной структурой. За последнее десятилетие значительно укрепились политические и экономические связи, что позволяет странам «четверки» согласованно выступать по вопросам повестки

¹ Составлена автором.

ЕС. Страны региона проводят встречи на высшем уровне, предвещающие все основные европейские или трансатлантические саммиты, заранее определяя позиции и координируя действия общей внешней политики. Несмотря на имеющиеся разногласия по некоторым вопросам, в большинстве случаев Вышеградские страны достигают консенсуса.

Вышеградская группа внутри ЕС сумела реализовать свое изначальное предназначение – «подпорки» для стран В4 при решении вопросов их политической и экономической интеграции в Евросоюз. Со временем ее функции расширились, произошел «перелив» (spill-over) установочных задач: из объединения, которое стремилось подстроиться под политику Брюсселя, Вышеградская группа постепенно превращается в субрегиональную силу, которая намерена участвовать в формировании общей повестки ЕС. Вышеградская группа, опираясь на свои положительные экономические показатели и успехи согласованного политического курса, претендует на роль самостоятельной субрегиональной группы, заставляющей считаться с собой крупных европейских игроков (Германию, Францию) и Брюссель. В условиях ряда еврокризисов (экономических, финансовых, миграционных и др.) группа продолжает развиваться, трансформироваться и адаптироваться к быстро меняющейся международной среде.

Литература

1. *Зверева Т.В.* Миграционный кризис ЕС: пути преодоления // Европа в эпоху перемен: коллективная монография. – М.: Дипломатическая академия, 2017. – 483 с.
2. *Зверева Т.В.* Эволюция субрегиональных объединений внутри ЕС (на примере Вышеградской группы) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – Т. 12. – 2019. – № 2. – С. 181–196.
3. *Потемкина О.Ю., Грачева М.Л.* Европейский союз: миграционный кризис прошел – миграционные проблемы остались // Европейский союз: факты и комментарии. – 2018. – № 90. – С. 32–35.
4. *Русокова М.* Славковское сотрудничество // Научно-аналитический Вестник ИЕ РАН. – 2018. – № 6. – С. 36–42.
5. *Шишелина Л.Н.* Вышеградская группа: четверть века по пути реформ // Мировая экономика и международные отношения. – Т. 61. – 2017. – № 4. – С. 100–104.
6. Advancing ideas for sustainable regional cooperation in Central Europe // Visegrad Fund. – URL: <https://www.visegradfund.org/> (accessed: 29.01.2020).
7. *Bauerova H.* Migration Policy of the V4 in the Context of Migration Crisis // Politics in Central Europe. – Vol. 14. – 2018. – No. 2. – P. 99–114.
8. Database 2019 // Eurostat. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/national-accounts/data/database> (accessed: 08.01.2020).
9. Dynamic Visegrad for Europe // Visegrad Group. – URL: file:///C:/Users/admin/Downloads/Common_position_V44.pdf (accessed: 20.01.2020).

10. European Commission. High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and The Committee of the Regions / European Commission // Review of the European Neighborhood Policy. – 2015. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/neighbourhood/pdf/key-documents/151118_joint-communication_review-of-the-enp_en.pdf (accessed: 29.01.2020).
11. Evaluation of the European Neighbourhood Instrument / European Commission. – URL: <http://ec.europa.eu/> (accessed: 23.01.2020).
12. *G ncz A.* Visegrad Three, Visegrad Four // The Visegrad Group. – 2019. – URL: <http://www.visegradgroup.eu/the-visegrad-book/goncz-arpad-visegrad> (accessed: 29.01.2020).
13. Report from the Commission to the European Parliament, the European Council and the Council. Tenth report on relocation and resettlement. Annex 3. Brussels. March 2, 2017 / European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/20170302_tenth_report_on_relocation_and_resettlement_annex_3_en.pdf (accessed: 20.01.2020).
14. Summary tables (STADAT) / Hungarian Central Statistical Office. – URL: https://www.ksh.hu/extrastat_eng (accessed: 08.01.2020).
15. Visegrad Group: A new economic heart of Europe? // Deutsche Welle. – 2019. – URL: <https://www.dw.com/en/visegrad-group-a-new-economic-heart-of-europe/a-49483505> (accessed: 01.02.2020).
16. Visegrad Declarations // Visegrad Group. – URL: <http://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations> (accessed: 20.01.2020).
17. Zahraničný obchod / Statistical Office of the Slovak Republic. – URL: <https://slovak.statistics.sk/wps/portal/ext/themes/macroeconomic/trade/indicators> (accessed: 21.01.2020).

Рожков Илья Станиславич,

Второй секретарь, Посольство Российской Федерации
в Федеративной Республике Германия,
Берлин.
E-mail: ilja_roschkow@mail.ru

Ilya S. Rozhkov,

Second Secretary, Embassy of the Russian Federation
in the Federal Republic of Germany,
Berlin.
E-mail: ilja_roschkow@mail.ru

КАСПИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

THE CASPIAN DIMENSION OF RUSSIAN FOREIGN POLICY AT THE PRESENT STAGE

Аннотация: в статье осуществлен комплексный анализ каспийского направления внешней политики России на современном этапе на разных отраслевых треках. Автор исследует сформированные прикаспийскими государствами диалоговые площадки в сферах экономики, транспорта, обеспечения военной и невоенной безопасности, рыболовства, гидрометеорологии, предотвращения чрезвычайных ситуаций и приходит к выводу, что дальнейшее углубление взаимодействия между прибрежными странами позволит сделать субрегиональную систему отношений более устойчивой к внешним и внутренним рискам.

Ключевые слова: Каспийское море, прикаспийские государства, Конвенция, каспийский саммит, кооперационные механизмы, правовой статус, «Каспийская пятерка».

Abstract: the article provides a complex analysis of the Caspian dimension of Russian foreign policy at the present stage in various branches of cooperation. The author examines multilateral cooperation mechanisms in the fields of economics, transport, military and non-military security challenges, fishery, hydrometeorology, emergencies prevention and comes to the conclusion, that Caspian Littoral States should further enhance their cooperation to make the regional sub-system more resistant to external and internal challenges and threats.

Key words: Caspian Sea, Caspian Littoral States, Convention, Caspian Summit, cooperation mechanisms, legal status, «Caspian Five».

Вот уже более четырех с половиной веков выстраивание от-
вечающих российским глобальным интересам, но одновремен-
но гармоничных и устремленных в будущее отношений с на-
родами и государствами, берега которых омывает Каспийское
море, входит в число приоритетных направлений отечественной
внешней политики [см., например: **12**; **13**; **26**]. С течением вре-

мени количественный состав, формы правления и политические режимы акторов, образующих региональную кооперационную матрицу, претерпевали значительные изменения, что находило живое отражение в характере существующих взаимосвязей. Тем не менее каспийский вектор российской дипломатии, стремившейся в турбулентные периоды сохранить для своего Отечества наиболее благоприятный статус-кво и не допустить реализации здесь чуждых интересов внешних игроков, то выдвигался в авангард, то смещался на периферию внешнеполитической повестки. Однако каспийский вектор неизменно оставался в ее «активе». Подобная стратегическая установка сохраняет свое действие и на современном этапе.

Незнакомый с эволюцией региональной подсистемы отношений исследователь может ошибочно предположить, что происходящие в геополитическом пространстве Прикаспия процессы не представляют существенного интереса для современной науки, поскольку не обладают ярко выраженной событийной динамикой, а также лишены конфликтной компоненты. Решительно опровергнем подобную умозрительную гипотезу. Тот факт, что каспийскую тематику нечасто сопровождает широкий медийный резонанс, отнюдь не свидетельствует о стагнации на данном направлении. Наоборот, это лишний раз доказывает гармоничный, сбалансированный и бесконфликтный характер установившейся в регионе кооперационной парадигмы.

Однако так было далеко не всегда. Справедливости ради, необходимо отметить, что за минувшее столетие Каспий не раз изрядно «штормило»: разыгравшиеся здесь геополитические «бури», вызванные распадом государств и отголосками Второй мировой войны, коренным образом переформатировали систему региональных отношений, существовавшую к началу XX века. Последним «цунами» уходящей эпохи, символизировавшим начало очередного витка бурных перемен для на тот момент тихого советско-иранского пограничья, стала дезинтеграция СССР. Вызванные этим событием глобального масштаба локальные геополитические метаморфозы – увеличение количества прикаспийских государств с двух до пяти (к России и Ирану добавились Азербайджан, Казахстан и Туркменистан), открытие доступа международным энергетическим компаниям к углеводородным

ресурсам Каспийского бассейна, необходимость коллективного противодействия новым вызовам и угрозам (терроризму, экстремизму, распространению наркотиков, активизировавшемуся нелегальному вылову биоресурсов и т.д.), резко возросший интерес к Каспию со стороны внерегиональных акторов вследствие нарушенного баланса сил на мировой арене – обозначили необходимость обновления более не отвечающего духу времени юридического фундамента пятистороннего взаимодействия. На тот момент оно регламентировалось советско-иранскими договорами 1921 и 1940 годов, которые хотя и содержали опорные принципы международно-правового статуса водоема (свобода мореплавания в акватории для советских и иранских кораблей, свобода рыболовства за исключением прибрежного пояса шириной в 10 морских миль, запрет на нахождение в водоеме судов иностранных государств, развитие торгово-экономических отношений), однако никак не регулировали другие сферы сотрудничества: разграничение и порядок освоения морских нефтегазоносных месторождений, развитие транспортной кооперации, защиту уязвимой природной среды Каспия и т.д. Для заполнения открывшихся правовых лакун актуальным субстантивным содержанием, учитывавшим суверенные интересы всех региональных акторов, а также для полноформатной интеграции «молодых каспийцев» в пятистороннее кооперационное поле было принято решение инициировать разработку нового базового документа – Конвенции о правовом статусе Каспийского моря (далее – Конвенция), а также форсировать создание многосторонних механизмов в приоритетных областях сотрудничества.

Можно с уверенностью констатировать, что дальновидный расчет дипломатов на то, что переговоры по обновлению международно-правового статуса водоема «перезагрузят» отношения внутри «пятерки» и станут триггером консолидации регионального потенциала, полностью оправдался. Для определения компромиссных подходов сторон по целому комплексу вопросов, в том числе весьма «чувствительных» (параметры установления государственных границ в акватории, осуществление ресурсной делимитации, порядок судоходства и рыболовства, допустимые пределы развития военно-морского потенциала, условия создания транзитной энергетической инфраструктуры и т.д.), была

сформирована устойчивая трехкомпонентная структура из диалоговых площадок на экспертном (Специальная рабочая группа по разработке Конвенции на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств (далее – СРГ)), высшем (Совещание министров иностранных дел прикаспийских государств) и высшем (каспийские саммиты) уровнях. С ее помощью удалось добиться максимального сближения переговорных позиций и в ходе кропотливого обсуждения выйти на взаимоприемлемые формулировки.

Работа над согласованием Конвенции заняла более 20 лет – срок немалый. Однако, если принять в расчет количество участвовавших в ее подготовке сторон, а также масштабность данного всеобъемлющего документа, закладывающего основы бесконфликтной региональной модели и определяющего вектор развития взаимоотношений соседей на десятилетия (возможно, и столетия) вперед, становится очевидно, что трудились в оперативном режиме. С самого начала Россия – главный апологет и координатор каспийского интеграционного процесса – последовательно выступала за отказ от силовых методов давления и делала ставку на эволюционное развитие переговорного процесса, равноуважительный и доверительный диалог, гибкий подход к преодолению возникавших разногласий. Остальные стороны приняли и старались не нарушать установившиеся «правила игры». Как показало время, именно подобный подход стал залогом успеха в достижении поставленных целей, поскольку позволил избежать возникновения конфликтных ситуаций, в полной мере учесть суверенные интересы сторон и тем самым открыть дорогу к их полноформатной кооперации в разных отраслевых областях.

Стоит отметить, что наиболее результативным форматом взаимодействия «пятерки» стали каспийские саммиты (далее – КС). Специалисты обоснованно указывают, что именно встречи на высшем уровне «сыграли детерминирующую роль в создании устойчивых механизмов взаимодействия прибрежных стран, поступательном развитии многостороннего диалога и формировании нового международно-правового статуса водоема. В их рамках были подписаны ключевые политические документы, заложившие векторы сотрудничества государств в регионе и определив-

шие парадигму их доверительных отношений на основе уважения взаимных интересов, а также мирный характер решения возникающих проблем» [15, с. 218]. Так, в ходе II КС в Тегеране (16 октября 2007 г.) была принята Декларация [5], установившая базовые принципы взаимодействия, которым партнеры обязались беспрекословно следовать до окончательного урегулирования модальностей международно-правового статуса водоема. На III КС в Баку (18 октября 2010 г.) содержащиеся в Декларации политические принципы получили логическое развитие в Совместном заявлении президентов прибрежных государств [17]. Последовательная эволюция переговорного процесса прослеживается и в программном Заявлении лидеров прикаспийских стран [6], зафиксировавшем «прорывные» итоги IV КС в Астрахани (29 сентября 2014 г.), которые стали несущим юридическим «каркасом» для будущей Конвенции и устранили последние препятствия для ее скорейшего утверждения. Каспийский переговорный «марафон» успешно завершился на V КС в казахстанском городе Актау (12 августа 2018 г.) торжественным подписанием главами «пятерки» Конвенции о правовом статусе Каспийского моря [11], по достоинству оцененной Генеральным секретарем ООН А. Гутерришем в качестве «исторического документа... являющегося знаменательным достижением регионального сотрудничества и принципа многосторонних отношений» [4].

Поскольку анализ содержащихся в Конвенции юридических норм, а также оценка ее роли в создании устойчивой и неконфронтационной модели развития Прикаспия являлись предметом недавних научных публикаций [см., например: 1; 8; 9], целесообразной задачей представляется рассмотрение другого опорного документа, который пока еще слабо изучен исследователями, однако имеет принципиальное значение в контексте темы настоящей статьи. Речь идет о принятом на V КС Коммюнике [10], в котором постулируются ориентиры взаимодействия сторон на различных отраслевых треках на ближайшую и среднесрочную перспективы.

Важное значение с политической точки зрения имеет фиксация в данном документе преобладающего характера всего комплекса переговорных процессов по оформлению международно-правового статуса водоема. Особо выделяется консенсусная

природа положений Конвенции, которая создает «новый, отвечающий современным требованиям и нацеленный на дальнейшую интенсификацию всестороннего взаимодействия прибрежных стран правовой режим Каспийского моря» [10, с. 532].

В Коммюнике V КС впервые обрисовываются контуры будущего механизма регулярных пятисторонних консультаций на уровне заместителей министров иностранных дел или полномочных представителей стран «пятерки», к компетенции которого будут относиться мониторинг выполнения сторонами положений Конвенции, а также обзор деятельности на других (отраслевых) кооперационных треках. Новая структура, получившая название Рабочей группы высокого уровня (далее – РГВУ), была создана по организационным лекалам СРГ (эксперты характеризуют последнюю в качестве «мобильной, гибкой, небюрократической, отвечающей современным требованиям динамично развивающихся отношений» [7, с. 40]), которая сложила свой мандат после завершения работы над Конвенцией. К настоящему времени состоялись два заседания РГВУ (Баку, 19–20 февраля 2019 г., и Нур-Султан, 16–17 апреля 2019 г.), очередная встреча готовится к проведению в Москве.

Одним из ключевых направлений деятельности экспертов в рамках данной диалоговой площадки является разработка проекта пятистороннего соглашения, касающегося методики установления прямых исходных линий (далее – ПИЛ) в каспийской акватории. Их конкретное начертание необходимо для дальнейшего отсчета ширины морских зон под национальной юрисдикцией и установления их внешних пределов, поэтому относится к категории «чувствительных» вопросов, требующих от сторон принятия политических решений. Напомним, что в соответствии с Конвенцией на Каспии устанавливаются три вида водных пространств: 1) территориальные воды, отмеряемые от ПИЛ, шириной 15 морских миль; 2) примыкающие к ним рыболовные зоны шириной 10 морских миль; 3) общее водное пространство. Планируется, что в разрабатываемом на основе закрепленных в Конвенции базовых принципов (статьи 1, 5–7, 9) документе будут отражены фактические координаты прохождения ПИЛ, де-факто формирующих границу между внутренними и территориальными водами каждой из стран «пятерки».

Важно понимать, что такое разграничение не оказывает никакого влияния на параметры ресурсной делимитации, проводимой сторонами в целях реализации своих суверенных прав на недропользование и осуществление иной правомерной хозяйственно-экономической деятельности, связанной с освоением ресурсов дна и недр, в дву- и трехстороннем порядке с учетом общепризнанных принципов и норм международного права (статья 8). Подобная методика определения границ участков (секторов) дна Каспийского моря с использованием модифицированной срединной линии, проводимой по договоренности между сопредельными и противолежащими прибрежными государствами, впервые была применена в российско-казахстанском Соглашении о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 г. [20] и впоследствии также задействовалась в дву- и трехсторонних договорах между Москвой, Баку, Астаной и Ашхабадом. Необходимо отметить, что с ее помощью к настоящему времени полностью оформлены донные секторы России и Казахстана. Переговоры о разграничении участков дна между Азербайджаном и Туркменистаном находятся в активной фазе. Вполне вероятно, что вскоре к соседям может присоединиться Иран – единственная страна, которая до подписания Конвенции выступала против применения «северной формулы» для решения ресурсно-делимитационных проблем. Достижение взаимоприемлемых договоренностей по расположению границ донных секторов позволит снять напряженность в вопросе о принадлежности спорных трансграничных месторождений «Кяпаз» (аз.) / «Сердар» (туркм.), «Азери» (аз.) / «Омар» (туркм.), «Чираг» (аз.) / «Осман» (туркм.), «Алов – Араз – Шарг» (аз.) / «Альборз» (перс.), а также структуры «Сардар Джангал» (перс.), расположенных в Южном Каспии, и приступить к их хозяйственному освоению.

В данном контексте важно упомянуть о том, что на основе Конвенции произведено окончательное урегулирование вопроса о порядке сооружения транзитной энергетической инфраструктуры на дне моря (статья 14), долгое время выступавшего в роли одного из главных раздражителей в отношениях соседей. Ключевым условием достижения компромисса на данном направлении стало солидарное одобрение сторонами принципа

жесткого соответствия всех реализуемых в водоеме крупных инфраструктурных проектов, в том числе магистральных трубопроводов, экологическим требованиям и стандартам, закрепленным в международных соглашениях, участниками которых они являются. Среди прочего это предоставляет партнерам возможность спрогнозировать потенциальные трансграничные риски и в превентивном порядке купировать эвентуальный ущерб уязвимой биосфере водоема посредством проведения сложной процедуры оценки воздействия осуществляемых проектов на окружающую среду, которая закреплена в соответствующем протоколе [14] к Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря от 4 ноября 2003 г. (вступила в силу в 2006 г.).

В настоящее время вопрос о вступлении Конвенции в силу остается по-прежнему открытым, поскольку процедуры имплементации зафиксированных в ней юридических норм в национальные законодательства сторон на данный момент завершены только в четырех прибрежных государствах: Азербайджане (Закон Азербайджанской Республики от 12 февраля 2019 г. № 1488-VQ), Казахстане (Закон Республики Казахстан от 8 февраля 2019 г. № 222-VI ЗРК), России (Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 329-ФЗ) и Туркменистане (Постановление Меджлиса Туркменистана от 1 декабря 2018 г. № 108-VI). В Меджлисе Ирана вокруг ратификации конвенционных норм развернулись нешуточные внутривнутриполитические баталии, однако руководство страны по-прежнему открыто демонстрирует приверженность достигнутым в пятистороннем формате договоренностям. Руководитель российской делегации на многосторонних переговорах по Каспийскому морю, посол по особым поручениям МИД России И.Б. Братчиков предсказывал, что ратификация Конвенции Тегераном возможна не ранее 2020 года, после определения нового состава иранского парламента [16].

Поступательное развитие по итогам V КС получили две приоритетных области пятистороннего взаимодействия – экономика и транспорт. Несмотря на то что перспективная во всех отношениях идея о создании Организации каспийского экономического сотрудничества, выдвинутая Россией, не получила должного развития, в актив «пятерки» на данном направлении можно занести подписанное в ходе последней встречи в верхах

Соглашение между правительствами прикаспийских государств о торгово-экономическом сотрудничестве [19], которое де-юре институционализировало две новые диалоговые площадки – Каспийский экономический форум (далее – КЭФ), а также встречи профильных министров прибрежных стран. Данные структуры уже успели на практике продемонстрировать результативность своей работы: к примеру, в рамках состоявшегося 11–12 августа 2019 года в Туркменбаши I КЭФ прошло субстантивное обсуждение перспектив углубления торгово-экономической интеграции в регионе, включая привлечение иностранных и внутренних инвестиций и способов минимизации экономических рисков в условиях повышенного санкционного давления на Россию и Иран со стороны западных стран. Условлено, что хозяйкой следующей пятисторонней встречи в подобном формате станет Астрахань – главная торговая метрополия всего Прикаспия.

Необходимо подчеркнуть, что одним из наиболее перспективных треков пятисторонней кооперации в экономической сфере является раскрытие колоссального туристическо-рекреационного потенциала региона, который способен ежегодно привлекать до 1 млн гостей, обеспечивая тем самым высокие финансовые вливания в госбюджеты прибрежных государств. Для активизации деятельности на данном направлении сторонами начата работа по согласованию проекта пятистороннего соглашения о сотрудничестве в сфере туризма на Каспийском море. Первые экспертные консультации по данному вопросу состоялись 27–28 августа 2019 года в Актау [3].

По итогам пятой встречи президентов прикаспийских государств положительный импульс для дальнейшего развития получило взаимодействие в области транспорта, которое в настоящее время выступает мощным драйвером роста национальных экономик стран «пятерки». Благодаря выгодному расположению Прикаспия на перекрестке логистических цепочек из Европы и Азии здесь активно реализуется большое количество транзитно-транспортных проектов: поддерживаемый европейцами транспортный коридор «Европа – Кавказ – Азия» (ТРАСЕКА), китайская глобальная инициатива экономического взаимодействия «Один пояс – один путь», Транскаспийский международный транспортный маршрут, международный транспортный коридор

(далее – МТК) «Юг – Запад», интермодальный маршрут «Ляпис-лазурь» и др. Ориентированные по меридианному или широтному принципу, все они являются по отношению друг к другу не только конкурентами, но и комплементарными альтернативами. Тем не менее существует один многообещающий проект, способный гармонизировать в своих рамках разнонаправленные грузопотоки и тем самым приумножить коллективную выгоду его участников, используя в этих целях синергетический эффект от сопряжения различных частей конкурирующих маршрутов. Речь идет о мультимодальном МТК «Север – Юг», правовой основой которого выступает трехстороннее межправительственное соглашение между Россией, Индией и Ираном от 12 сентября 2000 года. Его неоспоримым преимуществом перед конкурентами является значительный выигрыш по расстоянию и времени доставки грузов из Азии в Европу и обратно при потенциальной возможности комбинирования разных грузопотоков в рамках единой логистической системы. Для развития транспортного потенциала данного МТК Правительством РФ 14 февраля 2020 года был утвержден комплекс специальных мер, направленных на устранение существующих недостатков данного проекта.

Для уплотнения ткани взаимодействия на транспортном треке в ходе V КС было подписано пятистороннее Соглашение между правительствами прикаспийских государств о сотрудничестве в области транспорта [18], действие которого направлено на последовательное превращение региона в крупный логистический хаб. Помимо этого документ легализует в правовом поле работу проверенной временем диалоговой площадки – встреч профильных министров «пятерки», в рамках которой уже не первый год ведется предметное обсуждение направленных на гармонизацию национальных законодательств в области транспорта и снятие различного рода налогово-административных барьеров инициатив в целях привлечения в регион дополнительных объемов транзитных грузов. Кроме того, с положительной стороны зарекомендовали себя регулярные экспертные консультации по линии представителей администраций портов прикаспийских государств. Для активизации данного направления пятистороннего взаимодействия в Коммюнике V КС зафиксировано поручение приступить к разработке проекта соглашения о сотрудниче-

стве в сфере морского транспорта, которое внесет свою лепту в интенсификацию транспортного диалога на Каспии.

В силу близости Прикаспия к очагам региональной нестабильности (Афганистан, Нагорный Карабах, Ирак) решающее значение для укрепления коллективной безопасности «пятерки» имеет дальнейшее совершенствование многосторонней парадигмы противодействия новым видам вызовов и угроз, к которым относятся терроризм, организованная преступность, контрабанда, распространение наркотиков и их прекурсоров, браконьерство, нелегальная торговля оружием и т.д. Взаимодействие партнеров на данном треке осуществляется на основе подписанного на III КС рамочного Соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море [23] (вступило в силу 27 сентября 2014 г.). Первые международные правовые протоколы, наполняющие этот документ конкретным субстантивным содержанием (о сотрудничестве в области борьбы с терроризмом, организованной преступностью, а также на пограничном направлении), были приняты на V КС в присутствии лидеров прикаспийских государств. Новые перспективные сферы кооперации зафиксированы в Коммюнике Актауского саммита: президентами дано поручение доработать к следующей встрече в верхах проекты международных правовых протоколов по противодействию незаконному промыслу биологических ресурсов (браконьерству), распространению наркотиков, а также о сотрудничестве в области обеспечения безопасности мореплавания. По итогам нескольких переговорных раундов проекты соответствующих документов находятся в высокой степени готовности.

Продолжается всестороннее укрепление взаимодействия на военном треке. Долгое время эта важная составляющая кооперационной парадигмы находилась за скобками переговорного процесса в силу своей «чувствительности» для некоторых из стран «пятерки». Начало эффективному сотрудничеству в данной области в духе предсказуемости и транспарентности было положено после подписания на V КС Соглашения о предотвращении инцидентов на Каспийском море [21], проект которого был разработан российской стороной по личной инициативе Президента РФ В.В. Путина. Этот документ постулирует компромиссные правила бесконфликтного нахождения военных кораблей

и воздушных судов сторон в каспийской акватории и в воздушном пространстве над ней. Готовность соседей к дальнейшему развитию кооперации на данном направлении обусловила появление в Коммюнике V КС поручения запустить процесс по согласованию взаимоприемлемых мер доверия в области военной деятельности на Каспии и закрепить их в отдельном пятистороннем соглашении. Для реализации поставленных целей в апреле 2019 года в Астрахани состоялись первые консультации представителей оборонных ведомств прикаспийских стран. Помимо этого актуальной задачей остается формирование отвечающей интересам сторон совещательной структуры на уровне командующих военно-морскими силами «пятерки».

Совершенствуются формы взаимодействия на рыбоохранном треке. После вступления в силу в мае 2016 года подписанного на IV КС Соглашения о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов Каспийского моря [25] произошло повышение статуса ответственной за охрану каспийской ихтиофауны Комиссии по водным биоресурсам водоема с межведомственного до межправительственного. Это позволяет придать ее решениям обязательный для исполнения характер. Напомним, что в сферу ответственности данного пятистороннего механизма среди прочего входят распределение общего допустимого улова водных биоресурсов, находящихся в совместном пользовании (осетровые, кильки, каспийские тюлени), на национальные квоты на основе научно обоснованной методики, а также установление и ежегодная пролонгация общекаспийского моратория на вылов осетровых, являющегося одной из наиболее действенных форм сохранения резко сократившейся популяции данного вида рыб.

Последовательно укрепляется пятисторонняя кооперация в сфере проведения морских научных исследований. После вступления в силу в 2016 году Соглашения о сотрудничестве в области гидрометеорологии Каспийского моря [22], активизировавшего изучение сезонных циклических флуктуаций водоема, а также обмен гидрометеорологической информацией в целях обеспечения безопасности мореплавания судов, вектор сотрудничества сторон направлен на разработку отдельного соглашения о сотрудничестве в сфере морских научных исследований

на Каспийском море, принятие которого позволит унифицировать правила их проведения в акватории и тем самым придать изысканиям комплексный и системный характер.

Не прекращается работа по совершенствованию взаимодействия в рамках «пятерки» в области устранения в регионе последствий природных и техногенных катастроф. Правовой основой такой деятельности является вступившее в силу в 2017 году Соглашение о сотрудничестве в сфере предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций на Каспийском море от 29 сентября 2014 г. [24]. Предполагается, что его логическим продолжением станет разрабатываемое в соответствии с зафиксированным в Коммюнике V КС поручением соглашение о поиске и спасании на Каспии.

Нельзя не упомянуть об активизации сотрудничества сторон и на других, преимущественно гуманитарных треках: культуры, науки и образования, спорта, молодежной кооперации, медийной коммуникации и т.д. Так, поступательное развитие приобретает научно-образовательное взаимодействие. В странах «каспийской пятерки» регулярно проводятся научные конференции, форумы, семинары и презентации по актуальным вопросам региональной кооперации, представляющим взаимный интерес. В их рамках представители бизнеса, науки и государственной власти имеют возможность обсудить внедрение передовых практик в таких актуальных для региона областях, как энергетика, транспорт, судостроение, рыболовство и аквакультура, биотехнологии, сельское хозяйство, в реальный сектор экономики. Укреплению связей между высшими учебными заведениями и исследовательскими учреждениями региона способствует деятельность Ассоциации университетов Прикаспийских государств, созданной в 1996 году по инициативе Астраханского государственного технического университета и Горганского университета сельскохозяйственных наук и природных ресурсов. Организация позиционирует себя в качестве открытой площадки, способствующей объединению научно-образовательного потенциала Каспийского региона. В настоящее время ее членами являются 55 университетов и исследовательских институтов: 16 – из России, 25 – из Ирана, 6 – из Казахстана, 7 – из Азербайджана и 1 – из Туркменистана [1].

Ключевым направлением взаимодействия прикаспийских государств в XXI веке становится сотрудничество в медийно-информационной сфере. Главными задачами на данном треке являются формирование положительного имиджа региона в политико-экономических интересах прибрежных стран, а также предоставление достоверной, неискаженной информации о процессах, происходящих на Каспии и в образующих его субъектах. В этом смысле перспективными проектами являются Каспийский экспертный клуб, информационно-аналитический портал «Каспийский вестник», а также Каспийский медиафорум, проводимый на ежегодной основе в Астрахани.

В завершение необходимо отметить, что подписанная в 2018 году Конвенция, а также другие пятисторонние отраслевые документы создают бесконфликтную парадигму региональной подсистемы отношений, основанную на отказе от силового давления и уважении суверенных интересов соседей, обеспечивают надежную защиту от внутренних и внешних рисков. В условиях нарастающей глобальной нестабильности «каспийская пятерка» уверенно демонстрирует настрой на дальнейшее углубление взаимодействия на различных треках и совершенствование соответствующей международно-правовой базы. Это является ключевым залогом сохранения Прикаспия в качестве пространства дружбы, доверия и мира, а также обеспечения гармоничного развития пятисторонней интеграционной модели.

Литература

1. Ассоциация государственных университетов Прикаспийских стран // Официальный веб-сайт Астраханского государственного технического университета. – 2017. – URL: <http://www.astu.org/Content/Page/3508> (дата обращения: 13.03.2020).
2. Батырь В.А. Сбалансированный современный особый международно-правовой статус Каспийского моря // Lex russica (Русский закон). – 2019. – № 1 (9). – С. 51–62.
3. В казахстанском Актау состоялся Форум по развитию каспийского туризма // Каспийский вестник. – 2019. – 3 сент. – URL: <http://casp-geo.ru/v-kazahstanskom-aktau-sostoyalsya-forum-po-razvitiyu-kaspijskogo-turizma> (дата обращения: 12.03.2020).
4. Генсек ООН назвал Конвенцию о статусе Каспия историческим документом // Коммерсантъ. – 2019. – 14 авг. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3713360> (дата обращения: 13.03.2020).
5. Декларация Азербайджанской Республики, Исламской Республики Иран, Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана по итогам II Каспийского саммита от 17 октября 2007 г. // Каспий. Международно-правовые документы / сост. Жильцов С.С., Зонн И.С. и др. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 279–283.
6. Заявление президентов Азербайджанской Республики, Исламской Республики Иран, Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана по итогам IV Каспийского саммита от 29 сентября 2014 г. // Каспий. Международно-правовые

- документы / сост. Жильцов С.С., Зонн И.С. и др. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 288–290.
7. Качалова А.В. Об особенностях переговорного процесса по Конвенции о правовом статусе Каспийского моря // *Международная жизнь*. – 2019. – № 7. – С. 32–43.
 8. Качалова А.В. Основные этапы переговоров по Конвенции о правовом статусе Каспийского моря // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. – 2019. – № 2. – С. 134–144.
 9. Кисловский В.П. Каспийская конвенция // *Морские вести России*. – 2018. – Август. – URL: <http://www.morvesti.ru/analytics/detail.php?ID=74540> (дата обращения: 14.03.2020).
 10. Коммюнике V Каспийского саммита от 12 августа 2018 г. // *Каспий. Международно-правовые документы / сост. Жильцов С.С., Зонн И.С. и др. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 532–534.*
 11. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря от 12 августа 2018 г. // *Каспий. Международно-правовые документы / сост. Жильцов С.С., Зонн И.С. и др. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 517–531.*
 12. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640-ФЗ // *Официальный веб-сайт Президента РФ*. – 30.11.2016. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1> (дата обращения: 12.03.2020).
 13. Основы государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года: утв. Указом Президента РФ от 20 июля 2017 г. № 327-ФЗ // *Официальный веб-сайт Президента РФ*. – 20.07.2017. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42117> (дата обращения: 14.03.2020).
 14. Протокол по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте к Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря от 20 июля 2018 г. // *Каспий. Международно-правовые документы / сост. Жильцов С.С., Зонн И.С. и др. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 499–514.*
 15. Рожков И.С. Ретроспектива каспийских саммитов: от стабильности к прогрессу // *Проблемы постсоветского пространства*. – Т. 4. – 2017. – № 3. – С. 210–220.
 16. Россия рассчитывает, что Иран ратифицирует Каспийскую конвенцию в 2020 году // *РИА «Новости»*. – 19.09.2019. – URL: <https://ria.ru/20190919/1558853558.html> (дата обращения: 13.03.2020).
 17. Совместное заявление президентов Азербайджанской Республики, Исламской Республики Иран, Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана по итогам III Каспийского саммита от 18 ноября 2010 г. // *Каспий. Международно-правовые документы / сост. Жильцов С.С., Зонн И.С. и др. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 284–287.*
 18. Соглашение между правительствами прикаспийских государств о сотрудничестве в области транспорта от 12 августа 2018 г. // *Каспий. Международно-правовые документы / сост. Жильцов С.С., Зонн И.С. и др. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 547–550.*
 19. Соглашение между правительствами прикаспийских государств о торгово-экономическом сотрудничестве от 12 августа 2018 г. // *Каспий. Международно-правовые документы / сост. Жильцов С.С., Зонн И.С. и др. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 543–546.*
 20. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 г. // *Каспий. Международно-правовые документы / сост. Жильцов С.С., Зонн И.С. и др. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 333–336.*
 21. Соглашение о предотвращении инцидентов на Каспийском море от 12 августа 2018 г. // *Каспий. Международно-правовые документы / сост. Жильцов С.С., Зонн И.С. и др. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 535–542.*
 22. Соглашение о сотрудничестве в области гидрометеорологии Каспийского моря от 29 сентября 2014 г. // *Каспий. Международно-правовые документы / сост. Жильцов С.С., Зонн И.С. и др. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 300–304.*

23. Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море от 18 ноября 2010 г. // Каспий. Международно-правовые документы / сост. Жильцов С.С., Зонн И.С. и др. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 294–299.
24. Соглашение о сотрудничестве в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Каспийском море от 29 сентября 2014 г. // Каспий. Международно-правовые документы / сост. Жильцов С.С., Зонн И.С. и др. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 305–314.
25. Соглашение о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов Каспийского моря от 29 сентября 2014 г. // Каспий. Международно-правовые документы / сост. Жильцов С.С., Зонн И.С. и др. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 315–321.
26. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537-ФЗ // Официальный веб-сайт Президента РФ. – 13.05.2009. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 12.03.2020).

Колосова Ирина Валерьевна,

кандидат исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России,
Российский православный университет святого Иоанна Богослова,
Москва.

E-mail: tenagadalam@yandex.ru

Irina V. Kolosova,

Ph.D. (History),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Russian Orthodox University of Saint John the Divine,
Moscow.

E-mail: tenagadalam@yandex.ru

**ДИАЛОГ РЕЛИГИЙ
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
(НА ПРИМЕРЕ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)**

**DIALOGUE OF RELIGIONS
IN THE INTERNATIONAL RELATIONS
(ON THE EXAMPLE OF CENTRAL ASIAN STATES)**

Аннотация: статья посвящена теоретическим и практическим аспектам межрелигиозного диалога на примере стран Центральной Азии. Дается авторское определение понятия «диалог религий в международных отношениях», рассматриваются ключевые международные площадки диалога традиционных религий в рамках ООН, такие как ЮНЕСКО и «Альянс цивилизаций», исследуется вклад стран Центральной Азии в развитие межрелигиозного диалога, как на региональном, так и на глобальном уровнях. Рассматривается деятельность Съезда лидеров мировых и традиционных религий в Казахстане, выделяются основные принципы эффективного межрелигиозного взаимодействия, необходимого для формирования культуры мира и противодействия религиозно мотивированному экстремизму и терроризму.

Ключевые слова: диалог религий, ЮНЕСКО, «Альянс цивилизаций», Великий шелковый путь, Съезд лидеров мировых и традиционных религий.

Abstract: the article covers theoretical and practical aspects of the interfaith dialogue on the example of the Central Asian states. The author formulates the definition of the “dialogue of religions in the international relations”, names key international platforms for dialogue of traditional religions within the UN, such as UNESCO and “Alliance of Civilizations”, explores the contribution of the Central Asian states to the development of the interfaith dialogue on the regional level as well as on the global scale. The article considers the activities of the Congress of the Leaders of World and Traditional Religions in Kazakhstan, outlines main principles of the effective interreligious cooperation, necessary for the development of the culture of peace and for the counteraction to religiously motivated extremism and terrorism.

Key words: Interfaith dialogue, UNESCO, "Alliance of Civilizations", Great Silk Route, Congress of the Leaders of World and Traditional Religions.

В последние десятилетия религиозная сфера становится зоной повышенного внимания мирового сообщества. Религиозный фактор выступает как совокупность процессов, в основе которых лежит сама религия и ее разнообразные формы, ее ценности и нормы, определяющие ментальность и поведение людей, деятельность религиозных организаций, их взаимоотношения с государством и между собой. Одновременно с повсеместно наблюдаемым религиозным ренессансом активизируются процессы политизации религии, которая ведет к возникновению религиозно мотивированного экстремизма и терроризма [1, с. 47–58]. Диффузия политики и религии становится мощным инструментом, обладающим огромной разрушительной силой, искажающей образ традиционных религий в глазах общественности [1]. Для формирования культуры мира, стабильности и безопасности во взаимозависимом мире требуется достижение межрелигиозного согласия. Перед лицом глобальных угроз, стоящих перед человечеством, активный практический диалог мировых и традиционных религий является своевременным и необходимым.

Диалог религий в международных отношениях представляет собой неконфликтное взаимодействие представителей традиционных религиозных институтов и общин, направленное на решение общественно значимых проблем и выражающееся в совместных действиях участников диалога, как в масштабах страны, региона, так и на глобальном уровне. Диалог может быть направлен на выстраивание конструктивного взаимодействия со светским обществом и государством по широкому кругу актуальных проблем.

Центрально-Азиатский регион занимает важное место в формировании диалогового пространства между культурами и цивилизациями. Находясь в самом сердце Евразии, на стыке транспортных коридоров, Центральная Азия представляет собой перекресток цивилизаций, место встречи культурно-религиозных традиций Востока и Запада. Центрально-Азиатский регион пересекали десятки торговых маршрутов, на пути которых возводились крупные торговые города, ставшие центрами межкультурного обмена. Здесь происходило активное взаимодействие

и взаимопроникновение культур и религий. Цивилизации Востока и Запада, сближаясь посредством Великого шелкового пути, получили возможность самореализации и взаимообогащения, развивая свое самосознание и индивидуальные традиции в тесном взаимодействии [2]. Народам Центрально-Азиатского региона принадлежит выдающаяся роль в распространении многих культурных достижений. В значительной степени регион способствовал становлению и развитию мировых религий [2]. Исторический опыт стран Великого шелкового пути уникален, его культурные ресурсы огромны и позволяют создавать пространство диалога, в основе которого лежат мирное сосуществование и взаимоуважение между культурно-религиозными традициями. В продолжение преемственности традиций страны региона принимают активное участие в межкультурном и межрелигиозном диалоге, осуществляемом на разных региональных и глобальных диалоговых площадках.

Ключевая роль в осуществлении межкультурного диалога и его межрелигиозного измерения возлагается на структуры ООН, которая является универсальным механизмом гармонизации интересов участников международных отношений. Универсальная природа ООН диктует необходимость учитывать духовные традиции и разнообразие мировых культур и религий. Среди организаций ООН главным катализатором коллективных усилий по реализации политики, направленной на укрепление диалога религий и сохранение Всемирного культурного наследия, является ЮНЕСКО. Организация уделяет пристальное внимание анализу сложной динамики духовно-этических и ценностных изменений в сфере сознания человека в условиях глобализации. Диалог культур и религий, проводимый ЮНЕСКО, призван снимать напряженность, создавать обстановку доверия и взаимного уважения, содействуя пониманию и уважению межкультурных различий. В Центрально-Азиатском регионе Бюро ЮНЕСКО открылось в Алматы в 1994 году и действует в четырех странах: Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане.

Важным подспорьем в разработке теоретико-методологических принципов межрелигиозного диалога является сеть кафедр ЮНЕСКО по изучению духовного наследия, созданная в профильных вузах по всему миру. В частности, в Казахстане в 2004 году

была основана Кафедра ЮНЕСКО по науке и духовности при Институте востоковедения в Алматы, а в 2013 году – Кафедра по вопросам этнической и религиозной толерантности при Евразийском национальном университете имени Льва Гумилева. В Киргизии с 1999 года действует Кафедра ЮНЕСКО по изучению культуры и религии на базе Кыргызско-Российского Славянского Университета в Бишкеке. В Таджикистане в 2004 году основана Кафедра ЮНЕСКО «Межкультурный диалог в современном мире» в Российско-Таджикском (Славянском) Университете в Душанбе. В Узбекистане с 1999 года действует Кафедра ЮНЕСКО по сравнительному изучению мировых религий при Ташкентском исламском университете [3].

В программе сектора культурных политик и межкультурного диалога ЮНЕСКО отмечается, что главная цель межрелигиозного диалога состоит «в развитии диалога между отдельными представителями и лидерами различных религий, вер и убеждений, приводящем, прежде всего, к накоплению знаний о духовных традициях друг друга, а также о положенных в их основу ценностях, а в дальнейшей перспективе – и к установлению прочного взаимопонимания между более широкими культурными сообществами» [4, с.156–159].

Особое внимание ЮНЕСКО уделяет тематике духовных традиций, сохраняющих и тождественно воспроизводящих духовную практику [5, с. 161–170]. Особенность феномена духовных традиций состоит в том, что каждая из них призвана строго сохранять свою идентичность от вторжения стороннего и чуждого, в связи с чем нередко сама возможность глубокого контакта между носителями духовных традиций оказывается под сомнением, уступая место так называемой модели общения протоколов – безличных формализуемых контактов, стремящихся к минимуму непосредственного общения [4].

Однако для эффективной реализации межрелигиозного диалога предпочтителен иной – не «протокольный», а личный, практический путь создания диалогового пространства, который возможен только в атмосфере доверия и уважения к целостному и уникальному духовному опыту всех участников [4].

Важной площадкой межкультурного обмена выступает созданный при участии ЮНЕСКО Государственный музей «Междуна-

родный центр сближения культур» в Алматы, занимающийся вопросами возрождения духовного и культурного пояса Шелкового пути, усовершенствования программы образования по межкультурному и межрелигиозному диалогу, повышения осведомленности о важности сохранения культурного и социального капитала, развития процесса социальной трансформации и сотрудничества в целях укрепления мира. Центр занимается выявлением, хранением, изучением и пропагандой историко-культурного наследия, проводит научно-просветительскую деятельность и прикладные, проектные, поисковые и научные исследования, направленные на сохранение и использование национального наследия Казахстана, а также на сохранение и продвижение культурного разнообразия и межрелигиозного диалога в странах Центральной Азии на основе передового опыта, гуманитарных аспектов и принципов устойчивого культурного развития, выработанных ЮНЕСКО в рамках Международного десятилетия сближения культур (2013–2022 гг.) [6].

Центр регулярно проводит конференции, посвященные межкультурному взаимодействию и этнорелигиозной истории Казахстана и Центральной Азии. В 2017 году заметным научным событием стала международная конференция «Религии Казахстана и Центральной Азии на Шелковом пути». В частности, 12–15 июня 2018 года под эгидой ЮНЕСКО Центр провел международную научно-практическую конференцию «Центральная Азия на Великом шелковом пути: диалог культур и конфессий от древности до современности» [7, с. 129–134]. Целью данных мероприятий является привлечение внимания ведущих мировых ученых к уникальному культурно-религиозному наследию Центральной Азии, исследованию межкультурного и межконфессионального взаимодействия в странах региона в истории и на современном этапе.

Другим событием, способствующим развитию диалога религий в Центральной Азии, стал международный круглый стол «Межрелигиозный диалог и его роль в сохранении мира и согласия в Центрально-Азиатском регионе», состоявшийся 25 июля 2017 года в Фергане. Основным организатором мероприятия выступил фонд социально-экономического развития «Евразийское содружество». В работе круглого стола приняли участие представители православного и мусульманского духовенства

Узбекистана, историки, политологи, а также представители общественных организаций России и Узбекистана.

Участники круглого стола выявили пути укрепления межконфессионального согласия и возможности религии в укреплении гражданского общества в регионе. Отдельное внимание было уделено важности межрелигиозного диалога как средства профилактики экстремизма, особенно в среде молодежи, а также перспективным формам взаимодействия в сфере гармонизации межэтнических отношений.

Представитель Духовного управления мусульман России, эксперт ЮНЕСКО по вопросам восстановления и сохранения религиозных архитектурных мусульманских сооружений Рамзиль Карипов и представитель Духовного управления мусульман Узбекистана, помощник имама Центральной городской мечети Ферганы Мухаммад Закриёхон подчеркнули, что на сегодняшний день в Узбекистане и России есть все условия для межрелигиозного сотрудничества – создаются новые каналы коммуникации, углубляются контакты в рамках региональных организаций. «Проживание в течение длительного времени на одной территории народов, принадлежащих к различным языковым группам, исповедующим разные религии, способствовало выработке специфической культуры межэтнической коммуникации, которую характеризуют высокий уровень толерантности, уважительное отношение к чужим обычаям и религии», – отметил Рамзиль Карипов [8].

Служитель ферганского Храма Преподобного Сергия Радонежского Глеб Токарев подчеркнул, что между православным и мусульманским духовенством налажены дружественные, конструктивные отношения. Православная Церковь, Духовное управление мусульман и представители других традиционных религий решают во многом общие проблемы – воспитания нравственности, человечности и доброты, семейных ценностей. «Важно осознать, что наша сила в единстве. Единство дает возможность побороть зло и укрепиться в добре. Будучи едиными, мы всегда будем иметь условия для доброго сосуществования друг с другом», – отметил Г. Токарев [8].

На сегодняшний день в рамках ООН сформировано несколько постоянно действующих площадок для проведения диалога,

которые являются важным подспорьем в деятельности ЮНЕСКО. Среди них особое место занимает «Альянс цивилизаций» [9, с. 34–44]. Задачи организации – консолидировать усилия государств и гражданского общества для преодоления разделения и отчужденности культур, разрабатывать пилотные проекты по налаживанию межнационального, межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, оказывать практическую помощь в борьбе с религиозно мотивированным экстремизмом и терроризмом.

Заметное участие в работе Альянса принимает Киргизия. В мае 2019 года экс-президент Киргизии академик А.А. Акаев был избран членом «Глобального взгляда» «Альянса цивилизаций». В группу друзей Альянса входит Казахстан, выступивший одним из инициаторов провозглашения Генеральной Ассамблеей ООН 2010 года Международным годом сближения культур. Представители Альянса подчеркивают важную роль Казахстана в продвижении межкультурного и межрелигиозного диалога на глобальном уровне, укреплении толерантности и взаимопонимания.

Помимо универсальных организаций и форумов ООН ключевую роль в развитии диалога религий играет Съезд лидеров мировых и традиционных религий в Астане, важной задачей которого является сближение позиций основных религиозных организаций и усиление их взаимодействия в решении глобальных проблем [10].

Выдвинутая Н. Назарбаевым инициатива проведения форума была широко поддержана мировой общественностью. Диалог религий как концептуальная идея I Съезда, прошедшего 23–24 сентября 2003 года, и как средство разрешения споров был противопоставлен методам насилия и террора в межконфессиональных и межнациональных отношениях. Не случайно именно Астана стала местом встречи и диалоговой площадкой религиозных лидеров мирового сообщества. В Казахстане создана собственная уникальная модель общества межэтнического и межконфессионального согласия, известная как «казахстанский путь». На фоне возникающих в мире межэтнических и межконфессиональных конфликтов казахстанский опыт оказался востребованным не только на региональном, но и на глобальном уровне [11, с. 88–95].

12–13 сентября 2006 года состоялся II Съезд. Он был проведен в новом уникальном архитектурном сооружении – Дворце мира и согласия, возведенном в форме пирамиды известным британским архитектором Норманом Фостером специально для межрелигиозных саммитов в Астане. Зал «Колыбель», в котором расположились делегаты Съезда, находится на верхнем этаже пирамиды под стеклянным куполом, где изображены 130 голубей, символизирующих братские народы Республики Казахстан. Торжественное открытие Дворца мира и согласия сопровождалось выступлением звезды мировой оперы Монсеррат Кабалье на сцене концертно-оперного зала.

Центральными темами для обсуждения II Съезда стали религия, общество и международная безопасность. Основным документ, принятый Съездом – «Принципы межрелигиозного диалога», – представляет собой руководство для религиозных деятелей по созданию успешного диалогового пространства.

Тематика III Съезда лидеров мировых и традиционных религий, прошедшего 1–2 июля 2009 года, – «Роли религиозных лидеров в построении мира, основанного на толерантности, взаимном уважении и сотрудничестве».

IV Съезд был проведен 30–31 мая 2012 года. Его главная тема – «Мир и согласие как выбор человечества». В рамках Съезда состоялось знаменательное историческое событие – первое заседание Совета религиозных лидеров, созданного по предложению Президента Казахстана и единодушно поддержанного лидерами мировых и традиционных религий. В состав Совета вошли 15 видных религиозных лидеров мира. Создание Совета религиозных лидеров ознаменовало собой новую веху в истории Астанинского саммита религиозных лидеров как весомого международного института. Целью деятельности Совета религиозных лидеров является определение приоритетов и механизмов обеспечения диалога и сотрудничества с другими форумами и международными организациями, работа которых направлена на диалог культур и экономическое взаимодействие. Был отмечен вклад духовных наставников разных религий в разрешение мировых экономических и социальных проблем на национальном и международном уровнях [11, с. 88–95].

Отдельное внимание Съезда уделялось тематическому блоку «Религия и женщина: духовные ценности и современные вызовы», где были затронуты вопросы укрепления духовно-нравственной основы общества и возрождения традиционных семейных ценностей, так как эти ценности являются неременным условием устойчивого развития. В блоке «Религия и молодежь» обсуждались вопросы ценностных ориентиров и потребностей современной молодежи, ее социальных предпочтений [10].

10–11 июня 2015 года состоялся V Съезд, тематика которого – «Диалог религиозных лидеров и политических деятелей во имя мира и развития». В рамках форума под председательством Н.А. Назарбаева прошло второе заседание Совета религиозных лидеров. По итогам Съезда была подписана Декларация, в которой, в частности, отмечается необходимость остановить практику использования средств массовой информации, включая Интернет, для разжигания межконфессиональной розни между людьми. Текст Декларации зачитал президент Папского совета по межрелигиозному диалогу Святого Престола кардинал Жан-Луи Торан [10].

10–11 октября 2018 года состоялся VI Съезд, посвященный теме «Религиозные лидеры за безопасный мир». В работе международного форума приняли участие более 80 делегаций из 46 стран мира – представители христианства, ислама, иудаизма, буддизма, даосизма, синтоизма, индуизма, зороастризма, а также государственные и общественные деятели, ученые и эксперты. В рамках Съезда состоялись открытие Музея мира и согласия, а также церемония гашения специальной марки, выпущенной к 15-летию Съезда лидеров мировых и традиционных религий. Следующий Съезд традиционных и мировых религий запланирован на 2021 год.

Можно констатировать, что в настоящее время определены основные принципы достижения межрелигиозного согласия.

Во-первых, это открытость диалогу и взаимодействию, отказ от его протокольной имитации. Важен искренний практический диалог при уважении незыблемости основ религиозных традиций, которые не подлежат синкретическим смешениям в духе суперэкуменизма, ведущего к искажению учений и феноменам ложного духовного опыта.

Во-вторых, это обсуждение проблемных узлов в межрелигиозном диалоге, в частности территориальных проблем, возникающих в связи с прозелитической активностью одних религиозных конфессий на традиционных территориях других. Каждая из сторон должна четко озвучивать свои позиции, делая их предметом обсуждения, донести до партнеров по диалогу свою обеспокоенность, чтобы создать пространство для поиска взаимоприемлемых решений.

В-третьих, это формирование практической повестки дня диалога, которая включает в себя цели воспитания духовно здоровых людей на принципах добра, любви и сострадания, цели глобальной безопасности и устойчивого развития в условиях единого, взаимозависимого и постоянно меняющегося мира.

В-четвертых, это необходимость понимания негативной роли «культурных очков» и стереотипов в отношении тех или иных религий и культур. Являясь упрощенными ментальными репрезентациями особенностей того или иного народа, культуры или религии, стереотипы всегда имеют оценочный характер, эмоционально окрашены и, как правило, далеки от реальности. В связи с этим важно повышение осведомленности в ценностных ориентирах участников диалога и рост межкультурной и межрелигиозной компетентности.

Практическая реализация принципов межрелигиозного диалога представляется действенной мерой противостояния фанатизму, насилию, религиозно мотивированному экстремизму и терроризму.

Объединение усилий религиозных лидеров, государственных структур и общественности способно обеспечить эффективный диалог для укрепления всеобщего мира, стабильности и безопасности как в поликонфессиональном Центрально-Азиатском регионе, так и на глобальном уровне. Лидеры мировых и традиционных религий сегодня однозначно высказываются за безальтернативность диалога в качестве стратегического ориентира дальнейшего развития человечества.

Литература

1. Хансен В. Великий шелковый путь. – М., 2014. – 477 с.
2. Косиченко А.Г. Глобализация и религия // Век глобализации. – 2013. – № 1. – С. 47–58.

3. ЮНИТВИН. Кафедры ЮНЕСКО в Центральной Азии / ЮНЕСКО. – URL: <http://ru.unesco.kz/unitwin-unesco-chairs-in-central-asia> (дата обращения: 01.04.2020).
4. *Альбернас Ф.* Сохранение разнообразия: преданность ЮНЕСКО принципам свободы и уважения // Христианство и ислам в контексте современной культуры. Межрелигиозный диалог в России и на Ближнем Востоке. – СПб.; Бейрут, 2009.
5. *Хоружий С.С.* Диалог религий: исторический опыт и принципиальные основания // Христианство и ислам в контексте современной культуры. Межрелигиозный диалог в России и на Ближнем Востоке. – СПб.; Бейрут, 2009. – 287 с.
6. О центре // Официальная страница Международного центра сближения культур (МЦСК). – URL: <http://icrc.kz/site/mandat> (дата обращения: 01.04.2020).
7. *Байпаков К.М., Дашковский П.К.* Международная научно-практическая конференция «Центральная Азия на Великом шелковом пути: диалог культур и конфессий от древности до современности» // Народы и религии Евразии. – 2019. – № 1 (18). – С. 129–134.
8. *Арсланов А.* В Фергане обсудили роль межрелигиозного диалога в сохранении мира и согласия на Евразийском пространстве // Южноуральская панорама. – 28.07.2017. – URL: <https://up74.ru/articles/news/96224/> (дата обращения: 01.04.2020).
9. *Колосова И.В.* Основные принципы и международные площадки межрелигиозного диалога // Диалог религий в современном мире: проблемы и перспективы: матер. круглого стола / отв. ред. И.В. Колосова. – М.: ДА МИД России, 2017. – 244 с.
10. Съезд лидеров мировых и традиционных религий // Официальная страница Съезда лидеров мировых и традиционных религий. – URL: <http://www.religions-congress.org/> (дата обращения: 01.04.2020).
11. *Абуов А.* Казахская модель межрелигиозного диалога // Россия и мусульманский мир. – 2013. – № 12. – С. 88–95.

Мамедова Нина Михайловна,

кандидат экономических наук,
Институт Востоковедения РАН,
Москва.
E-mail: mamedovan@mail.ru

Nina M. Mamedova,

Ph.D. (Economy)
Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences,
Moscow.
E-mail: mamedovan@mail.ru

СИТУАЦИЯ В ИРАНЕ В СВЕТЕ НОВЫХ САНКЦИЙ

THE SITUATION IN IRAN IN THE CONTEXT OF RENEWED SANCTIONS

Аннотация: санкционный режим является со дня образования Исламской Республики Иран почти постоянным фактором развития. В данной статье автор анализирует те изменения, которые произошли в стране в 2018–2020 годах. После заключения в 2015 году Венского соглашения Иран стал быстро восстанавливать свой экономический потенциал, укреплять свое политическое влияние в регионе. Несмотря на то что правительство Хасана Роухани взяло курс на расширение связей с Западом, постепенное ограничение влияния Корпуса стражей Исламской революции внутри и за пределами страны, администрация Д. Трампа с 2018 года стала вновь проводить политику жесткого санкционного давления на Иран. С 2018 года динамика экономического развития Ирана стала отрицательной, упал жизненный уровень населения, из страны вышли крупные европейские инвесторы. В статье приводятся макроэкономический анализ состояния экономики, прогнозы международных организаций на краткосрочную перспективу. Автор рассматривает характеристику санкций, которые затронули практически все отрасли иранской экономики, наиболее эффективно работавшие компании страны, а также военных, политических и религиозных лидеров. Санкции США направлены не только против иранских компаний, но и против компаний других стран, поддерживающих экономические связи с Ираном. Показано, что наиболее негативное влияние на иранскую экономику и возможности социальной поддержки населения оказали американские санкции на закупки иранской нефти. Созданный европейскими странами финансовый механизм для торговли с Ираном оказался неэффективным.

Наглядным отражением кризисной ситуации, сложившейся к концу 2019 – началу 2020 года, стали трудности с формированием бюджетного плана на 2020/2021 год, который вызывает критику со стороны различных политических сил. Не менее ярким отражением тяжелого социально-экономического положения являются периодически проходящие демонстрации. Одним из вариантов решения возникших проблем являются переговоры с США, однако согласие на их проведение зависит от позиции лидера страны – Али Хаменеи.

Ключевые слова: Иран, санкции, ВВП, импорт нефти, иностранные инвестиции, бюджет.

Abstract: the international sanctions have accompanied the background of the Iran's development almost on a constant basis since the formation of the Islamic Republic. The article below provides the author's analysis of important shifts occurred in the country over 2018–2020.

After the Vienna Agreement sign off back in 2015, Iran aimed at rapid economic potential recovery, cementing its political influence in the region. Despite the Hassan Rouhani administration efforts to expand ties with the West and to gradually limit the internal and external power of the Islamic Revolutionary Guards Corps, in 2018 the Trump office resumed the policy of severe sanction pressure on Iran. Ever since, the Iranian economy has posted successive decline in GDP growth negative, the standards of living has dropped, large European investors abandoned the country. The research surveys the macroeconomic aspects of the economy current state as well as the international organizations' respective short-term forecasts. The author further evaluates the sanctions impact hit nearly all national economic spheres, including the most efficient domestic companies, and imposed against the country's political and religious leaders. The US sanctions affect both the Iranian companies, and foreign corporations maintaining the economic liaisons with Iran. The author points out that the American sanctions against the Iranian crude purchases have had the knockdown effect on the Iranian economy and heavily limited the room for the social support of the population. The EU–Iran financial trading mechanism (worked out by European countries) turned to be ineffective.

The crisis of the late 2019 – early 2020 triggered many hurdles for the government 2020/21 budget draft forming, bluntly criticized by various political forces. The regular demonstrations further highlight the tense domestic socio-economic situation. The US-IRI dialogue initiative could potentially result in finding a way out, but its launch largely depends on the stance of the state leader, Ali Khamenei.

Key words: Iran, sanctions, GDP, oil imports, foreign investment, budget.

Санкционный режим для Ирана стал постоянным фактором развития со времени создания Исламской Республики Иран (ИРИ). Населению страны его введение объяснялось стремлением Запада и Израиля уничтожить исламский режим и служило фактором, объединяющим иранское общество с властью. После 2007 года санкционный режим приобрел международный характер, что было связано с развитием Ираном ядерной программы. Главное острие санкций – и американских, и международных – было направлено против компаний, связанных с добычей и транспортировкой иранских энергоресурсов на мировой и на региональные рынки.

В ответ на санкции по инициативе лидера страны – рахбара Али Хаменеи при правительстве Махмуда Ахмадинежада была разработана концепция «экономики сопротивления». Ее целью было снизить зависимость экономики страны от экспорта сырой нефти и от импорта компонентов, необходимых для работы промышленных предприятий Ирана. Именно импорт полуфабрикатов составлял во втором десятилетии XXI века подавляющую часть иранского импорта. «Экономика сопротивления», как сказал 11 февраля 2019 года Али Хаменеи, должна была снизить «экономическую зависимость от нефти», повысить уровень безработицы среди молодежи, повысить уровень доходов низших слоев общества и т.п. [23]. Однако ожидаемого результата эта программа не принесла.

Макроэкономическая характеристика экономики ИРИ

После 2012–2013 годов, когда ВВП упал на 7,7%, экономика Ирана вступила в этап стагфляции, а падение цен на нефть на мировом рынке еще более усилило негативный эффект от санкций. Стала расти «теневая экономика»: если в 2011 году она составила 14,93% ВВП, то уже в 2015–2016 годах увеличилась до 18,38% [17, с. 72].

Быстро ухудшающаяся экономическая ситуация стала угрожать не только экономическому развитию, но и исламскому режиму. В результате прагматические интересы правящего духовенства перевесили идеологические соображения – и так же, как имам Хомейни в свое время согласился на завершение войны с Ираком, поставившей иранскую экономику на грань коллапса, рахбар Али Хаменеи был вынужден пойти на переговоры о сокращении ядерной программы. Религиозное руководство поддержало приход команды прагматика Хасана Роухани, близкого реформаторскому крылу политических сил, результатом чего стало подписание с «шестеркой» стран (члены Совета Безопасности ООН плюс Германия) 15 июля 2015 года в Вене Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД). В январе 2016 года парламенты всех стран, участвовавших в подписании этого договора, подтвердили свое с ним согласие, что означало начало официальной отмены санкций. Это смогло вновь сделать динамику ВВП Ирана положительной (табл. 1).

Таблица 1

Темпы роста ВВП Ирана в 2000–2017 гг.

Год	В % к предыдущему году
Средний темп за 2001–2010 гг.	4,7
2011	3,1
2012	-7,7
2013*	-0,3
2014*	3,2
2015*	-1,6
2016	12,5
2017	3,7
2018	-4,8

Примечание: * в 2013 году цены на нефть начали повышаться, что приостановило падение ВВП Ирана, но уже в 2015 году они упали более чем в 2 раза (до 41,8 долл. за баррель) [9].

Конечно, следует отметить, что рост ВВП в 2016–2017 годах шел, главным образом, за счет восстановления и роста добычи нефти. В 2016–2017 годах рост нефтяной отрасли (в постоянных ценах) составил 61,6% [22, с. 47]. В экспорте Ирана доля нефти даже в самые сложные для Ирана годы составляла более 60% и являлась основным источником валютных поступлений. Так, в 2013–2014 годах доля нефти составляла в экспорте 69,5%, в 2014–2015 годах – 62,7% и только в 2015–2016 годах она почти сравнялась с ненефтяным экспортом (50,6%) [22, с. 74].

В результате улучшения экономического положения укрепились позиции либерального крыла политических сил, разделявших взгляды команды Х. Роухани на необходимость расширения связей с Западом, снизилось влияние Корпуса стражей Исламской революции (КСИР) – и внутри Ирана, и вовне, – усилились тенденции секуляризма, периодически достаточно наглядно проявляющиеся в Иране.

Ситуация стала радикально меняться после прихода к власти в США Д. Трампа и, особенно, после выхода США из СВПД. Д. Трамп заявил 8 мая 2018 года, что в течение следующих 90–180 дней против Ирана будет установлен «наивысший уровень» санкций, которым подвергнутся все банки и компании, работающие во всех без исключения секторах экономики Ирана. Эта программа Д. Трампа в отношении Ирана стала неуклонно проводиться в жизнь. Санкции, которые налагали США на Иран, касались как товаров, так и компаний и даже отдельных лиц. Но главным для страны был запрет на закупки иранской нефти, главного источника валютных поступлений.

Рост ВВП вновь упал до отрицательных показателей. В 2018 году ВВП, по данным Международного валютного фонда (МВФ), сократился на 4,8%. В октябре 2019 года МВФ пересмотрел свои апрельские прогнозы на 2019 год в сторону ухудшения ситуации в Иране. Падение ВВП в 2019 году вместо -6,0% прогнозировалось уже до -9,5%, а на 2020 год – до нулевого уровня [9].

Всемирный банк дал более «благоприятный» для Ирана прогноз на 2019 год, считая, что падение ВВП составит 8,7% [24]. В Иране эти прогнозы не оспаривались и публиковались в официальной прессе.

Сразу же после выхода США из СВПД в стране упал курс национальной валюты, начались аресты трейдеров на «черном» валютном рынке, аресты обвиненных в коррупции. В конце сентября 2019 года по обвинению в коррупции был осужден на пять лет младший брат президента Хоссейн Ферейдун, который был арестован еще в 2017 году. На переговорах в Вене по поводу заключения СВПД он был в ранге специального посланника, занимал пост советника президента [1].

Неблагоприятными были прогнозы МВФ и Всемирного банка по инфляции. В 2018 году она (по потребительским ценам) составила 30,5%, а по прогнозам на 2019 год – до 35,7% с возможным снижением в 2020 году до 31% [9].

Всё более болезненными проблемами являются безработица, отрицательные показатели роста в промышленности и строительстве. Особенно велика безработица среди молодежи, оцениваемая в 25%. Наиболее высок уровень безработицы в национальных и наиболее социально неспокойных провинциях. Проведенное в июне–сентябре 2019 года исследование показало, что при уровне в целом по стране (среди населения от 15 лет и выше) безработицы в 10,5% в Систане и Белуджистане она составляла 15,2%, в Лурестане – 14,7%, в Хузестане – 14,6%, в Керманшахе – 14,2%, в провинциях Чехармехаль и Кохгилуйе – 13,9%, в Курдистане – 12,2% [21, с. 7–8]. Соответственно, в тех провинциях, в которых особенно массовыми были антиправительственные выступления в 2019 году. И это несмотря на то, что именно на национальные окраины из бюджета выделялись средства на инвестиционные проекты.

Естественно, стало расти расслоение общества. Если соотношение между верхней и нижней децилями последние годы составляло 5,2 раза, то в 2018 году оно превысило 6 раз, что увеличивает уровень социальной нестабильности.

Роль санкций

Санкции, которые США ввели против Ирана, как говорилось выше, самые разные. США стали вводить их с осени 2018 года. Первый пакет санкций затронул более 700 физических лиц, разных компаний, в частности 50 иранских банков. Среди банков, в отношении которых были введены санкции, – контролируе-

мый КСИРом «Ansar Bank», а также его биржевое подразделение «Ansar Exchange». Они помогали обменивать через сеть посреднических организаций иранские риалы на доллары и евро. Санкциями были затронуты базирующиеся в ОАЭ компании «Sakan General Trading», «Lebra Moon General Trading», «Naria General Trading» и иранская «Hital Exchange», которые перевели около 800 млн долл. в «Ansar Exchange», а также турецкая компания «Atlas Doviz», связанная с «Ansar Exchange» [6].

В 2018 году был введен запрет США на продажу Ирану наличных долларов, золота и других драгоценных металлов, на сделки в иранских риалах и т.п., что могло бы облегчить проведение финансовых операций. Впоследствии санкционные списки постоянно дополнялись. К 2020 году не осталось ни одной отрасли, ни одной более или менее крупной компании, против которых не были бы введены санкции. США постоянно усиливали санкционный режим даже в отношении тех объектов и субъектов, которые находились под санкциями раньше. Например, в мае 2019 года США ввели санкции, которые были направлены как против иранских металлургических производственных компаний, так и против импортеров иранских металлов. Эта мера негативного воздействия на иранскую экономику весьма действенная, так как в нефтяном экспорте металлы занимают довольно значительное место – 9–10% его объема [14, с. 451–453]. Уже 10 января 2020 года были введены новые санкции против металлургических компаний Ирана, в основном против компаний, занимающихся производством стали на условиях прямого восстановления железа, то есть сталей высокого качества, пользующихся спросом на мировом рынке. Было заявлено о введении 17 особых санкций против иранских крупнейших производителей стали, трех базирующихся на Сейшельских островах организаций и одного судна, связанного с транспортировкой металлов. Санкционные меры коснулись базирующейся в Пекине торговой компании «Pamchel Trading Beijing Co. Ltd.», которая закупала стальные слябы у иранской металлургической компании «Мобарек», являющейся одним из крупнейших на Ближнем Востоке производителей стали. Под санкции попали металлургические компании «Saba Steel», «Hormozgan Steel», «Oxin Steel», «Khorasan Steel», «Kaveh Steel», «Khouzestan Steel», крупнейшие в Иране и в реги-

оне горнодобывающие компании «Гольхар», «Чадормалу» и другие. Под санкции попала и одна из оманских компаний, через которую осуществлялся экспорт сталелитейной продукции Ху-зестанского металлургического комплекса [7]. Кроме предприятий по производству продукции основной металлургии 10 января 2020 года были введены также санкции и против иранских компаний по производству меди и алюминия. В их число попали такие крупные компании, как Иранская алюминиевая компания, недавно введенная в строй компания по выпуску алюминиевой продукции «Аль-Махди» и крупнейшая в регионе иранская компания по производству меди.

Санкции 10 января 2020 года в значительной мере являлись ответом на предпринятые Ираном меры в ответ на убийство 3 января 2020 года главы «Кодс» – подразделения КСИР, действующего за пределами Ирана, Касема Сулеймани. Поскольку они имели в основном политический характер, то затронули и значимые политические фигуры. В их число попал и брат Касема Сулеймани, возглавляющий ополчение «Басидж», Голамреза Сулеймани, секретарь Высшего совета безопасности Али Шамхани, секретарь одного из высших органов власти – Совета по определению целесообразности Мохсен Резайи, а также один из руководителей КСИР Мохаммад Реза Нагди, до 2016 года возглавлявший «Басидж». Против КСИР санкции были введены раньше, так как еще 8 апреля 2019 года Д. Трамп объявил эту структуру террористической организацией. Стремление Хасана Роухани ограничить политическое, военное и экономическое влияние КСИР стало после этого все отчетливее наталкиваться на оценку рахбара Али Хаменеи КСИРа как основной опоры режима. Мохаммад-Али Джаафари, возглавлявший КСИР более 11 лет, был заменен Хоссейном Салами, идеологически более близким Али Хаменеи [3, с. 86–87]. Корпус стал укрепляться молодыми кадрами, сторонниками линии рахбара.

Кроме этого санкции были введены против сотрудника администрации рахбара, отвечающего за вопросы безопасности, и против одного из советников рахбара – Мохсена Куми, отвечающего за международные связи. Практика введения санкций против отдельных лиц широко применялась администрацией Трампа и ранее. Так, например, 4 ноября 2019 года, в годовщину захвата

в 1979 году посольства США в Тегеране, были введены санкций против девяти граждан Ирана, в том числе против сына Али Хаменеи. За несколько дней до их введения под санкции США попал строительный сектор Ирана. Был введен запрет на продажу, поставку или передачу Ирану необработанных или полуобработанных металлов, графита, угля и программного обеспечения для этой отрасли, поставки стальных труб, фольги и т.п., которые могут быть использованы для развития ядерной или ракетной программ.

Наиболее болезненными для Ирана являются санкции на закупки иранской нефти, главного источника валютных поступлений. Большинство соглашений с Ираном зарубежных, в том числе европейских и российских компаний, после подписания СВПД, касались, главным образом, участия этих компаний в нефтяной промышленности Ирана. Негативное влияние оказывал на иранскую экономику также невысокий уровень цен на нефть, которые стали повышаться только в конце 2019 года. США удалось фактически добиться своей цели – экспорт иранской нефти сократился радикально. Если на протяжении ряда лет добыча нефти в Иране превышала 3,5 млн барр./день и экспорт в среднем составлял 2,5–2,7 млн барр./день, то к ноябрю 2019 года, по данным ОПЕК, добыча уменьшилась до 2,1 млн барр./день [19, с. 58], то есть при потребности иранских нефтеперерабатывающих заводов в 1,2–1,5 млн барр./день экспортный потенциал нефти сократился более чем вдвое. По оценкам некоторых экспертов, по состоянию на декабрь 2019 года Иран экспортировал нефти не более 400 тыс. барр./день [20]. В условиях, когда экономика стала быстро впадать в регрессию, Иран готов снижать цены на вывозимую нефть. Поэтому можно говорить о том, что нелегальный рынок нефти продолжает действовать, хотя и в ограниченных размерах. Основными покупателями иранской нефти, по-видимому, остаются Турция, Китай, Индия и другие азиатские страны.

Турция сократила закупки иранской нефти, но она выступает за продолжение импорта, пусть и в сокращенном варианте, тем более что на иранской нефти работает нефтеперерабатывающий завод компании «Тюпраш». Нельзя исключать того, что поставки нефти могут идти через пограничные районы. Президент Турции Р. Эрдоган неоднократно говорил о том, что Турция будет продолжать закупать газ и нефть в Иране.

Сохраняется большая вероятность того, что Китай продолжает закупать нефть и после мая 2019 года. Надо иметь в виду, что введенные США санкции не затрагивают совместные проекты в Иране, а у некоторых китайских компаний есть доля в добыче. Более того, Иран и Китай вновь обратились к Соглашению, которое было подписано еще в 2016 году, но в августе 2019 года в него были внесены уточнения. Было заявлено, что 280 млрд долл. Китай инвестирует только в нефтяную и нефтехимическую промышленность. 120 млрд долл. предназначены для развития инфраструктуры. Пользуясь ситуацией, Китай не только получает допуск к иранской нефти, но одновременно решает задачу реализации своей инициативы «Один пояс – один путь», рассчитывая модернизировать транспортную инфраструктуру для продвижения своих товаров. Так как США периодически обвиняет Китай в том, что он нарушает санкции в отношении закупок иранской нефти, можно говорить о том, что эти поставки продолжают осуществляться.

Вероятно, что Индия также продолжит закупать иранскую нефть. Когда США объявили о введении санкций в отношении закупок иранской нефти, Индия вошла в число восьми стран, которым было разрешено продолжать закупки, но она сразу же заявила о готовности их сокращать. Индия и в период предыдущего раунда санкций США в 2012–2015 годах продолжала покупать нефть в Иране, хотя значительно сократила объем закупок. В начале ноября 2018 года Индия подписала меморандум о взаимопонимании с Ираном, согласно которому при расчетах за поставляемую из этой страны нефть вместо долларов США будут использоваться индийские рупии. По этому соглашению индийские нефтеперерабатывающие компании могут перечислять средства за нефть на счет Национальной иранской нефтяной компании (NIOC) в одном из крупнейших индийских банков – UCO Bank. Половина этих денежных средств предназначена для оплаты Ираном товаров индийского экспорта. Необходимо напомнить, что индийское правительство едва ли не активнее всех прочих стран боролось за временное освобождение от антииранских санкций, поскольку Иран за последние годы был для Индии одним из важнейших поставщиков нефти [4].

Япония и Южная Корея официально приостановили закупки иранской нефти. Но, несмотря на санкции, нефть из Ирана раз-

ными путями, главным образом через компании третьих стран, на рынок поступает.

Многие компании Европы и Азии вновь оказались перед дилеммой: что предпочтительней – иранская нефть или попытки избежать американских санкций. В сложном положении оказался не только Иран, но и остальные участники СВПД. Германия, Великобритания и Франция разработали специальный торгово-финансовый механизм INSTEX. Иран присоединился к нему, хотя лидер страны и назвал его «горькой шуткой». Вряд ли можно было ожидать реального противостояния США от этого финансового канала, но сама позиция Европы важна и означает правовую поддержку СВПД. К тому же до событий начала 2020 годов, связанных с убийством К. Сулеймани и обстрелом американской базы в Ираке, Франция и Германия пытались расширить число участников INSTEX и сохранить СВПД. 29 ноября 2019 года к этой платежной системе присоединились Финляндия, Бельгия, Дания, Нидерланды, Норвегия и Швеция. До сих пор не определены четко принципы работы этого финансового механизма, как они соотносятся с международными торговыми стандартами, невыполнение которых может привести к введению международных санкций в отношении участников сделок. Возможно, что если бы Иран присоединился к международной организации ФАТФ (Financial Action Task Force on Money Laundering, FATF), то есть «Группе разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег», которая тесно взаимодействует с ООН, МФВ и Всемирным банком, то деятельность INSTEX могла быть более успешной. Несмотря на меры, предпринимаемые Х. Роухани по присоединению Ирана к ФАТФ, меджлис пока не дал на это своего согласия. Реально INSTEX до 2020 года не смог оказать противодействия американским санкциям, особенно в связи с серьезным обострением ирано-американских отношений.

Когда в конце 2018 года США дали разрешение восьми странам на временное избежание санкций на полгода в определенных количествах, сохранялись надежды на то, что дальнейшее ужесточение санкционного режима будет приостановлено. Но срок разрешения на импорт закончился в мае 2019 года. Трамп заявил о том, что срок не будет продлен. В ответ Иран объявил о том, что он постепенно будет сокращать свои обязательства по СВПД.

В последние несколько месяцев 2019 года, как сообщало иранское радио, Иран обогащал уран более высокого качества и накапливал запасы, которые могут обеспечить достаточное количество сырья для ядерного оружия [8].

Нельзя исключать того, что это может инициировать в Совете безопасности ООН восстановление международных санкций против Ирана. Всё более осложняющиеся отношения между США и Ираном отражаются на позиции США в отношении Европы и на позиции Ирана в отношении европейских стран, особенно в связи с INSTEX.

Бюджет как отражение экономических проблем

Влияние санкций на состояние иранской экономики отчетливо отразилось на формировании бюджета на 2020/2021 год. Составление бюджета происходило в условиях введения всё новых санкций. Государство в 2019 году не могло рассчитывать на запланированные ранее доходные статьи бюджета и было вынуждено использовать фактически все средства Стабилизационного фонда и Фонда национального развития. Это было связано не только с сокращением экспорта нефти и металлов, но и с ограничением деятельности иранских банков, прекращением деятельности в стране ряда крупных зарубежных компаний. Так, например, из-за санкций прекратили свою деятельность в Иране такие крупные французские компании, как автомобильная «PSA», создавшая в 2016 году совместное предприятие с иранской «Иран ходро» (с распределением долей в пропорции 50:50), а также «Renault», «Total», «Sanofi» и другие. Если в 2016 году, после отмены санкций, предполагалось, что прямые иностранные инвестиции в новые проекты составят 13,5 млрд долл., то уже в 2018 году они снизились до 1,8 млрд долл. Общий приток прямых иностранных инвестиций в иранскую экономику снизился с 5 млрд долл. в 2017 году до 3,48 млрд долл. в 2018 году [24]. Поэтому бюджет лишился доходов от нереализованных совместных проектов. Для привлечения иностранных инвестиций Иран усилил внимание к свободным зонам и Высший совет свободных зон Ирана в настоящее время предпринимает меры для открытия Международной биржи. Предполагается ее открытие на острове Киш, который является свободной экономической зоной, и новая биржа может стать пятым фондовым рынком Ирана

(помимо Тегеранской фондовой биржи, иранской биржи Фара, или внебиржевого рынка Ирана, Иранской товарной биржи и Иранской энергетической биржи).

В представленном меджлису в декабре 2019 года проекте бюджета на 2020/2021 год доходы от экспорта нефти были сокращены более чем вдвое, хотя раньше они составляли основную часть бюджетных доходов и основную часть доходной части платежного баланса страны. Правительство Х. Роухани оказалось перед крайне сложной проблемой. Необходимо было разработать бюджет со значительно более низкими доходами от нефти при сохранении социальных расходов, к которым привыкло население страны, и при сохранении расходов на оборону, которые требует усложнившаяся ситуация в регионе. Представляя бюджет, Хасан Роухани сказал, что он показывает, «что, несмотря на санкции, мы можем управлять страной» [12]. Однако и сторонники Х. Роухани, и его противники из числа консерваторов признают, что представленный бюджет «самый нереальный из когда-либо разработанных», так как было сложно сбалансировать бюджет, исходя из экспорта нефти в объеме 1 млн баррелей. Фактический же экспорт, как показала ситуация ноября–декабря 2019 года, может оказаться еще ниже. Поэтому Хоссейн Рагфар, экономический эксперт и сторонник Х. Роухани, признал, что «этот бюджет сделает некоторые слои общества еще беднее» [15].

Научно-исследовательский центр при иранском парламенте, который объединяет наиболее видных ученых иранских университетов и экономистов-практиков охарактеризовал в своем отчете, опубликованном в декабре 2019 года, представленный правительством меджлису проект бюджета «сбалансированным только на бумаге», призванным успокоить население страны. Исследовательский центр отмечает, в частности, что «правительство составило бюджет на основе экспорта одного миллиона баррелей нефти в день, а в настоящее время экспорт нефти в стране составляет около 300 тысяч барр./день» [18]. Однако доход Ирана от продажи нефти трудно прогнозировать, так как договоренности о продаже держатся из-за санкций в секрете. Бюджет составлен из расчета цены на нефть в 50 долл. за баррель, но даже если цена на мировом рынке будет выше, разница в цене, за счет которой формируется Фонд национального раз-

вития, вряд ли будет высокой, поскольку Иран вынужден продавать свою нефть нелегально и по сниженным ценам.

В Иране в отношении представленного правительством проекта бюджета развернулись дебаты. Высказывались даже предположения, что разработанный правительством бюджет заставляет это правительство склоняться к переговорам с США, так как из-за санкций ширятся протесты и из-за них выживание Исламской Республики находится под угрозой [15].

Для правительства страны важнейшее значение имеет так называемый государственный бюджет, входящий в общий бюджет, который включает в себя также бюджет государственных компаний, бюджеты муниципальных образований. В законопроекте государственный бюджет был определен в 5,63 квадрлн риалов (около 134 млрд долл. США). Доходы от экспорта нефти, газа и газового конденсата оцениваются в 454,9 трлн риалов (около 10,8 млрд долл.), в то время как на 2019/2020 год по этой статье предусматривалось получение 1,37 квадрлн риалов (около 32,6 млрд долл.). Налоговые поступления должны дать 1,95 квадрлн риалов (около 46,4 млрд долл.), а в бюджете на 2019/2020 год они уже были увеличены до малореальных 1,72 квадрлн риалов, или около 41 млрд долл. [10].

Чтобы уменьшить бюджетный дефицит, который фактически можно оценить в 50%, в новом бюджете предполагались заимствования в размере около 11 млрд долл. из Национального фонда развития, в который направляется 20% от нефтяных сверхдоходов (от разницы между реальной ценой нефти и ценой, заложенной в бюджет), а также доходы от продажи государственных облигаций. Проектом бюджета предусматривался выпуск этих облигаций почти до 9 млрд долл. Эти облигации относятся к категории «сукук», то есть так называемых исламских ценных бумаг, обеспеченных реальными активами государственных компаний.

Кроме планируемого выпуска облигаций, нужных для покрытия государственного бюджетного дефицита, бюджетный план предполагал дать разрешение на выпуск облигаций «сукук» муниципалитетам. Они могут продать облигаций почти на 360 млн долл. на расширение городского транспорта, в том числе не менее 50% на нужды метро [18].

При этом правительство вынуждено дополнительно осуществлять выпуск облигаций для покрытия социальных расходов по текущему финансовому году (до 21 марта 2020 г.). Так, 25 января 2020 года Министерство экономики заявило о своих планах на выпуск облигаций «манфаат сукук» на 361 млн долл. со сроком их погашения в течение 3,5 года и годовой ставкой в 17,9%, которые будут выплачиваться каждые полгода [11].

Высока также вероятность того, что Центральный банк будет вынужден пойти на увеличение количества денег в обращении, что неизбежно в условиях отрицательного роста экономики приведет к росту инфляции. Правительство для пополнения доходной части бюджета планирует реформировать налоговую систему, а также продолжить реализацию программы приватизации [15].

Если при принятии бюджета на 2019/2020 финансовый год правительству удалось добиться согласия меджлиса не увеличивать расходы на содержание КСИР, то в нынешней ситуации меджлис вынужден будет увеличить эти расходы. Бюджетный дефицит вынуждает правительство идти на сокращение капитальных проектов, но вряд ли оно сможет радикально изменить систему социальной помощи населению. Меджлису удалось настоять на продолжении субсидирования основных товаров при согласии на постепенное его сокращение. Реформа субсидий стала активно проводиться еще при правительстве Махмуда Ахмадинежада. Снижая уровень субсидирования и повышая цены, государство одновременно выплачивает наиболее бедным слоям населения денежные компенсации за это повышение цен. Размеры и охват населения этими компенсациями целиком зависят от бюджетных доходов. В последние годы государство постепенно сокращало компенсационные выплаты за счет внедрения адресной поддержки бедных слоев населения. Тем не менее доля затрат на субсидирование в общей сумме бюджетных расходов достаточно велика, и в 2017/2018 году превысила 8,0% [13, с. 796].

В 2019 году государству стало сложно поддерживать цены на внутреннем рынке, закупочные цены на продукцию сельского хозяйства, осуществлять благотворительные проекты по жилищному строительству, проводить политику по повышению оплаты труда, дальнейшему повышению уровня здравоохранения и образования. Правительство стало сокращать число получающих

адресную денежную помощь (так называемые йаране), всё чаще задерживать выплату зарплат и пенсий.

Не исключена вероятность усиления налогового давления на исламские фонды, вакфы¹, компании КСИР. Это может, с одной стороны, увеличить бюджетные доходы, в том числе предназначенные для социальных программ, с другой стороны, сократить социальные расходы самих религиозных фондов, которые направляются на помощь больным, бедным, на образование и составляют значительную часть в бюджете как сельского, так, особенно, и городского населения.

Трудности с обеспечением доходной части бюджета привели к нарастанию социальной нестабильности.

Социально-политическая нестабильность

Наиболее наглядным проявлением этой нестабильности стали массовые волнения в конце 2018 – начале 2019 года, а затем в ноябре 2019 года. Снижение субсидий на бензин, которое привело к трехкратному повышению на него цен, введение системы нормирования потребления бензина в конце ноября 2019 года привели к массовым протестам. По оценкам, 200 тыс. протестующих вышли на улицы в более чем 100 городах и поселках. Не обошлось без жертв – ими стали не менее 300 человек. Традиционно на 40-й день в память о погибших проходят траурные демонстрации, которые 40 лет назад смогли расшатать шахский режим. В преддверии возможных манифестаций 25 декабря 2019 года в ряд крупных городов были введены усиленные отряды полиции. Тем не менее траурные шествия в Тегеране, Керманшахе, Ахвазе, Тебризе и Мешхеде вылились в политические протестные демонстрации. В Керманшахе, в котором «бензиновые» протесты были наиболее активными и было много пострадавших от действия внутренних войск, 25 декабря некоторые из демонстрантов несли лозунги «Смерть Хаменеи», «Смерть диктатору» [5]. Убийство 3 января 2020 года Касема Сулеймани кардинально изменило направленность вышедших на улицу демонстрантов. Однако из-за сбитого украинского самолета, что грозит Ирану ужесточением санкционного режима, вновь усилились протестные настроения.

¹ Вакф – вакуф (араб.) в мусульманских странах имущество (преимущественно земля), не облагаемое налогом и неотчуждаемое, предоставленное в виде дара или по завещанию религиозным или благотворительным учреждениям.

Так, в Тегеране 11 января 2020 года перед зданием Технологического университета им. Амира Кабира сотни собравшихся демонстрантов скандировали: «Главкомандующий, уходи», – а главнокомандующим страны является рахбар Али Хаменеи [2].

Ситуация в Иране накануне 41 годовщины Исламской революции, прежде всего из-за внешнего экономического давления США, крайне осложнилась. Тем не менее пока режим, несмотря на экономические трудности, сохраняет свою прочность с точки зрения социальной поддержки населения. Как показывает сорокалетняя история режима, в период обострения внешних вызовов вокруг ИРИ консолидирующий потенциал населения за счет своей религиозно-идеологической гомогенности оказывается сильнее центробежных тенденций.

Кроме того, опыт соседних стран, таких как Сирия, Ирак и Ливия, показывает, что противостояние с законной властью ведет к хаосу, государственной раздробленности и еще большему ухудшению положения самых широких масс населения. Об этом неоднократно говорится и на пятничных молитвах иранских городов.

Одним из вариантов решения возникших проблем являются переговоры с США, но согласие на их проведение зависит от позиции лидера страны – Али Хаменеи. Религиозное руководство страны неоднократно демонстрировало свое умение расставлять приоритеты в целях сохранения исламского режима, расширять пределы его эволюции.

Литература

1. Брата президента Ирана приговорили к пяти годам тюрьмы за коррупцию. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4110872> (дата обращения: 01.10.2019).
2. В Тегеране протестующие потребовали ухода аятоллы Хаменеи. – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-51078772> (дата обращения: 11.01.2020).
3. Дунаева Е.В., Мамедова Н.М., Сажин В.И. Год после выхода США из ядерной сделки (новые риски для Ирана) // Восточная аналитика. – 2019. – № 1. – С. 76–90.
4. Мамедова Н.М. Внешнеэкономические связи Ирана в регионе // Мировое и национальное хозяйство / МГИМО. – 2019. – № 2-3. – URL: <https://www.mirec.ru> (дата обращения: 11.01.2020).
5. Месамед В.И. Иран: протестные акции вновь набирают силу. – URL: <http://www.iimes.ru/?=65040> (дата обращения: 11.01.2020).
6. Минфин США расширил санкции против Ирана. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/03/2019/5c9a36ff9a7947d6102be238> (дата обращения: 26.03.2019).
7. Минфин США конкретизировал новые санкции против Ирана. – URL: <https://www.interfax.ru/world/690783> (дата обращения: 10.01.2020).
8. Europeans Will Not Seek Sanctions If Iran Slows Down Nuclear Activity – WSJ. – URL: <https://en.radiofarda.com/a/europeans-will-not-seek-sanctions-if-iran-slows-down-nuclear-activity---wsj/30394634.html> (accessed: 23.01.2020).

9. International Monetary Fund. World Economic Outlook: Global Manufacturing downturn, Rising Trade Barriers. – October 2019.
10. Iran budget deficit expected to top \$13b next year. – URL: <https://www.tehrantimes.com/news/443514/Iran-budget-deficit-expected-to-top-13b-next-year> (accessed: 29.12.2019).
11. Iran Gov't to Sell \$360m Sukuk Bonds. – URL: <https://financialtribune.com/articles/business-and-markets/101845/iran-gov-t-to-sell-360m-sukuk-bonds> (accessed: 22.01.2020).
12. Iran's Crisis Budget. – URL: <https://iranprimer.usip.org/blog/2019/dec/16/irans-crisis-budget> (accessed: 16.12.2019).
13. Iran Statistical Yearbook 1395.
14. Iran Statistical Yearbook 1394.
15. Iran's 2020–21 Budget Is a Genuine Dilemma. – URL: <https://irannewsupdate.com/36-economy/6735-iran-s-2020-21-budget-is-a-genuine-dilemma.html> (accessed: 30.12.2019).
16. Iran's 2020-21 Budget Bill Allows Municipalities to Issue Sukuk Bonds Worth \$357m. – URL: <https://financialtribune.com/articles/people/101578/irans-2020-21-budget-bill-allows-municipalities-to-issue-sukuk-bonds-worth> (accessed: 06.01.2020).
17. *Medina L. and Schneider F.* Shadow Economies Around the World: What Did We Learn Over the Last 20 Years? // IMF Working Paper, WP 18/17. – L.
18. Next Year's Budget Balanced Only on Paper, Iran Parliamentary Think-Tank Says. – URL: <https://en.radiofarda.com/a/next-year-s-budget-balanced-only-on-paper-iran-parliamentary-think-tank-says/30344493.html> (accessed: 16.12.2019).
19. OPEC Monthly Oil Market Report – December 2019.
20. *Rome H.* Iran's Crisis Budget. – 16.12.2019. – URL: <https://iranprimer.usip.org/blog/2019/dec/16/irans-crisis-budget> (accessed: 16.12.2019).
21. Statistical Centre of Iran. A Selection of Labor Force Survey Results. Summer 1398 (22 June – 22 September 2019).
22. The Central Bank of the Islamic Republic of the Iran // Annual Review 1396 (2017/18). – May 2019.
23. The “Second Phase of the Revolution”. Statement addressed to the Iranian nation. – URL: <https://english.khamenei.ir/news/6415/The-Second-Phase-of-the-Revolution-Statement-addressed-to-the> (accessed: 11.02.2019).
24. World Bank Group. Global Economic Prospects. Slow Growth, Policy Challenges. – January 2020.

Троянский Михаил Григорьевич,

кандидат исторических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.

E-mail: m.troyanskiy@dipacademy.ru

Mikhail G. Troyansky,

Ph.D. (History), Professor,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.

E-mail: m.troyanskiy@dipacademy.ru

Карпович Олег Геннадьевич,

доктор юридических наук, доктор политических наук,
профессор,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.

E-mail: iamp@dipacademy.ru

Oleg G. Karpovich,

Doctor of Law, Doctor of Political Science, Professor,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.

E-mail: iamp@dipacademy.ru

ПОЛИТИКА США В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ДОКТРИНА МОНРО 3.0

US POLICY IN LATIN AMERICA: MONROE DOCTRINE 3.0

Аннотация: в статье рассматриваются возможности и варианты использования США доктрины Монро на современном этапе. Анализируется внешняя политика основных акторов в Латинской Америке и странах Карибского бассейна. Особое внимание уделяется подходам России в обеспечении собственных внешнеполитических интересов в данном регионе.

Ключевые слова: Латинская Америка, доктрина Монро, США, внешнеполитические интересы, Китай, экономика, политика, международные организации.

Abstract: this article discusses the possibilities and options for using the USA the Monroe doctrine at the present stage. The foreign policy of the main actors in Latin America and the Caribbean is analyzed. Special attention is paid to Russia's approaches to ensuring its own foreign policy interests in this region.

Key words: Latin America, the Monroe doctrine, the United States, foreign policy interests, China, economy, politics, international organizations.

В современных условиях политика Соединенных Штатов Америки и Китайской Народной Республики по отношению к латиноамериканским государствам играет чрезвычайно важную роль. Данные государства оказывают на регион существенное влияние, способствуют его торгово-экономическому развитию, что не может не сказываться на положении тех или иных стран Латинской Америки.

В целом, если рассматривать присутствие данных государств на латиноамериканском пространстве, то преимущество исторически здесь явно за США. На определенных территориях экспансия Вашингтона насчитывает уже два столетия. Влияние КНР в данном регионе гораздо менее продолжительно по срокам – всего полтора десятилетия. Однако Китай сегодня развивается беспрецедентно быстрыми темпами, что способствует его лидерству, в том числе и в подавляющем большинстве стран латиноамериканского региона. КНР вступает в острую конкурентную борьбу с США за экономическое и политическое влияние в этом районе мира.

Латиноамериканские государства практически сразу, с момента обретения независимости, стали объектом военно-политической, финансовой и торговой экспансии со стороны США и ряда европейских держав (Великобритания и Франция) [2].

В декабре 1823 года Президент Соединенных Штатов Америки Джеймс Монро в ежегодном Послании американскому Конгрессу впервые сформулировал принципы внешней политики США, которые должны были принять не только США, но и всё мировое сообщество. Главный смысл заключался в лозунге «Америка для американцев». Руководство США заявило, что Латинская Америка является сферой «жизненных интересов» Вашингтона. Государство взяло курс на вытеснение европейских конкурентов и установление собственного доминирования в Латинской Америке. Конечно, Европа не приняла такую жесткую политику, и на протяжении еще многих десятилетий между ведущими государствами мира возникали споры о латиноамериканских территориях.

Сущность политики США, закрепленная в доктрине Монро, сводилась к трем принципам: невмешательство, нейтралитет и неприсоединение. Соединенные Штаты не желали сотрудни-

чества молодых южно- и североамериканских республик с Европой, не допускали присоединения какого-либо государства к проектам Великобритании или Священного союза [8].

Для достижения указанных целей США старались делать всё возможное, чтобы молодые республики не могли сблизиться с Европой. Иногда политика была направлена не просто на сохранение нейтралитета, а на обеспечение враждебных отношений.

Рассмотрим основные положения доктрины Монро подробнее, чтобы понять существовавшую в то время международную политическую обстановку. Как было сказано выше, американский президент выделил три основных постулата внешней политики США [8].

Во-первых, ключевым был принцип неколонизации. Соединенные Штаты Америки провозгласили свободное положение американских континентов, в связи с чем они впредь не могли рассматриваться никакими другими странами в качестве объекта для будущей колонизации. Так, европейским государствам запретили оказывать всякое покровительство молодым территориям. США обязались также пресекать любые попытки осуществления господства над данными территориями. Такие действия Соединенные Штаты Америки рассматривают как враждебные, в том числе по отношению к самому государству.

Во-вторых, США утвердили принцип взаимного невмешательства. Соединенные Штаты Америки не вправе вмешиваться в дела европейских государств. В свою очередь, государство рассчитывает на дружественные отношения с мировым сообществом и надеется на невмешательство в дела американских стран. При этом любая попытка признать колонизацию молодых независимых государств будет восприниматься США как недружественный акт. В случае возникновения такой ситуации руководство Соединенных Штатов Америки будет принимать необходимые меры.

В-третьих, данным документом был закреплен принцип «неперехода». Соединенные Штаты Америки обязались противодействовать любой попытке перехода колониальных владений в Новом Свете в руки другой державы. В первоначальном варианте документа этого принципа нет. Он был озвучен 2 дека-

бря 1823 года, но официально в тексте документа его закрепили только в 1870-м. Тогда данный принцип и стал частью доктрины Монро.

Дальнейшее развитие принципов, провозглашенных в доктрине Монро, можно рассмотреть на примере следующих этапов [3]:

– 1830–1860-е годы – территориальное расширение США к Тихому океану. В это время некоторые республики оказались в прямой (финансовой) зависимости от США. Можно вспомнить инициативу Уильяма Уокера, который воспользовался ситуацией внутреннего конфликта в Никарагуа в 1855 году и стал президентом этой страны, получив помощь со стороны США;

– 1860-е годы – доктрина Монро дала трещину. В период Гражданской войны североамериканцы не пришли на помощь Мексике в ходе франко-британской интервенции;

– 1900-е годы – Теодор Рузвельт взял курс на «политику большой дубинки» («*Big Stick policy*»). Такая политика была ответной реакцией на военное вмешательство европейских кредиторов в Венесуэле (в стране разразился кредитный кризис). Проводимая Рузвельтом политика сочетала в себе жесткие, иной раз прямые военные действия (оккупация Гондураса, Никарагуа, Кубы, Панамы), задачей которых было «наведение порядка и стабильности» в регионе;

– 1930-е годы – Франклин Рузвельт сменил «политику большой дубинки» на политику «доброего соседа» («*Good Neighbor policy*»), перейдя от военных инструментов воздействия к экономическим методам.

В целом же с 1945 года страны Латинской Америки попали в идеологическую и экономическую зависимость от США, став на антикоммунистический путь. Анализируя этот этап, можно говорить, что именно он стал своего рода доктриной Монро 2.0, так как региональными институтами и политикой США фиксировались три «Н» [8]:

1) невмешательство (со стороны СССР – в дела полушария, закрепленные после Карибского кризиса);

2) нейтралитет (вплоть до 1983–1990-х годов, пока не была создана Группа Рио, а затем и МЕРКОСУР, любое объединение латиноамериканских стран не имело особых успехов и даже тормовилось Соединенными Штатами Америки);

3) неприсоединение (карались все попытки латиноамериканских стран сблизиться с Советским Союзом или пойти по другому пути развития).

Все вышеперечисленные меры, как и в версии 1.0, не дали должного результата. Кроме того, в 1982 году во время Мальвинской (Фолклендской) войны США поддержали Великобританию, а не региональную страну, на которую распространялись принципы и инструменты взаимодействия Западного полушария [8].

В 2000-е годы администрация Джорджа Уокера Буша предприняла попытку создания единой зоны свободной торговли (ALCA). Но Венесуэла, Бразилия и Аргентина не согласились на двусторонний договор. Таким образом, план ALCA был реализован Соединенными Штатами Америки лишь частично. Соглашения заключили с Чили, странами всей Центральной Америки, Доминиканской Республикой.

Во время президентства Барака Обамы произошел так называемый левый поворот в странах Латинской Америки, поэтому его политика была сконцентрирована на предотвращении расширения взаимодействия со странами региона, которые придерживаются либеральной повестки дня и укрепления сотрудничества с множеством государств мира [5].

В это время произошло смешение политики «доброго соседа» и «малой дубинки». Более того, инструменты военной «дубинки» стали всё чаще заменяться иным давлением (экономическим, информационным и правовым).

В связи со всем вышесказанным политика Дональда Трампа в отношении Латинской Америки с момента его вступления в должность могла развиваться сразу по нескольким очевидным вариантам [5]:

– политика Трампа, объединяющая экономические, правовые и информационные воздействия с некоторым использованием военного компонента;

– преимущественно политика «доброго соседа», включающая в себя благосклонность США к торговой политике латиноамериканских государств. Страны данного региона, образно говоря, подсаживаются Соединенными Штатами Америки «на крючок» за счет тарифной политики;

– консолидация двух блоков сил: за США и вокруг Х-игрока против США, что приведет к новому номинальному разделу, то есть что-то наподобие доктрины Монро 3.0.

Дональд Трамп уже несколько лет находится на посту Президента США. И точно идентифицировать вид политики в отношении стран Латинской Америки пока сложно. Государство, скорее, действует разнонаправленно.

Во-первых, необходимо выделить антивенесуэльскую политику. Соединенные Штаты Америки активно оказывают давление на Венесуэлу, опосредованно – через другие государства. Тем самым страна пытается переориентировать политику государства в сторону благосклонного и партнерского отношения к США. Здесь стоит отметить также развернутую информационную войну, так как большинство англоязычных изданий в Латинской Америке подает информацию о противоборстве Венесуэлы в абсолютно негативном ключе.

Примером ведущейся информационной войны может служить и Саммит Америк, проведенный 13–14 апреля 2018 года в Перу без приглашения на него Венесуэлы. Страны «Группы Лимы» блокировали ее участие, а Республика Перу отозвала приглашение, хотя итоговая декларация данного саммита затрагивает и политику Венесуэлы.

Во-вторых, можно констатировать изменение векторов внешнеполитического взаимодействия стран региона. Ранее Аргентина и Бразилия шли по пути сотрудничества с ЕС и Китаем. Теперь они постепенно начинают осуществлять разворот в сторону США. Конечно, нельзя сказать, что до этого данные государства проводили антиамериканскую политику, как это делала Венесуэла. Но сближения между странами точно не наблюдалось.

В настоящее время регион раздроблен на двусторонние договоренности с США и теряет объединяющие «скрепы», которые проявились при «левом повороте», что, в свою очередь, наталкивает на мысль о возможном наличии в Западном полушарии одной из «Н» – нейтралитета. Многочисленные эксперты склоняются к совмещению политики «доброго соседа» и мягкой формы «большой дубинки» в виде не столько военной силы, сколько в качестве применения информационных, экономических и правовых рычагов воздействия [2].

В то же время сегодня можно говорить о близкой смене парадигмы, которая вполне способна перерасти в версию доктрины Монро 3.0. Соединенные Штаты Америки всё больше беспокоит роль и вес Китая в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна, что может послужить выдвигению еще двух «Н» – невмешательства и неприсоединения [9].

США может потребовать разграничения сфер влияния с Китаем, так как уже происходит деление мировой системы на поддержку Азии или поддержку США. Что касается политики присоединения, то в современном мире данный принцип может быть видоизменен. Колониальной зависимости в настоящее время уже быть не может, хотя ее рудименты в разных точках планеты всё еще сохраняются, но мировые державы, как правило, продолжают оказывать влияние на менее развитые государства. Можно сказать, что в настоящее время на международной арене отсутствует какой-либо проект, который мог бы на глобальном или региональном уровне привлечь и повести за собой страны Латинской Америки. Однако зависимость латиноамериканских стран от мировых держав более чем возможна [5].

Таким образом, можно предположить, что в действительности доктрины Монро 3.0 сейчас в Западном полушарии нет. Имеются лишь определенные ее элементы.

К сожалению, за многочисленные годы независимого существования страны Латинской Америки так и не смогли преодолеть свою периферийность. «Старший партнер» региона в лице Соединенных Штатов Америки также не смог никак повлиять на экономическую второстепенность территорий.

В целом в Латинской Америке в настоящее время существует три модели отношения к США:

- одни страны отрицают американское доминирование в регионе, стараются наладить интеграцию с внерегиональными игроками (Венесуэла, Куба, Никарагуа, Боливия);
- другие государства имеют дружественные отношения с США, так как более развитое государство обеспечивает их экономическую безопасность (Колумбия, Мексика);
- третьи страны прагматично воспринимают сотрудничество с США, пытаются утвердиться в качестве самостоятельных развитых государств (Бразилия, Аргентина).

Действительно, сегодня некоторые страны региона (Бразилия, Мексика) достигли определенных результатов в развитии. Но, несмотря на все успехи, решить глобальные политические и экономические проблемы они не могут. В государствах остается множество проблемных вопросов, которые требуют первоочередного решения.

Отдельно необходимо выделить кубинский вопрос. В отношении данного государства Соединенные Штаты Америки ведут жесткую политико-экономическую блокаду уже более 50 лет. Эти действия только способствуют созданию дополнительного напряжения в регионе.

Пристального внимания требует история взаимоотношений США и Латинской Америки, наполненная скрытым давлением Соединенных Штатов на внутреннюю и внешнюю политику стран региона. Многие государства (в том числе и Россия) считают, что США в настоящее время пытаются переформатировать политический ландшафт Латинской Америки «под себя», используя технологию гибридной войны.

Иными словами, Соединенные Штаты Америки действуют в отношении Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) изо щренно, избегая прямых лобовых столкновений с оппонентами. Это позволяет США эффективно укреплять арсенал «умной силы» (в виде комбинации «мягкой» и «жесткой» силы), ориентированный на оптимальное обеспечение североамериканских позиций в этом регионе на перспективу [2; 3].

Стоит отметить, что на нынешнем этапе развития США небезуспешно применяют стратегию гибридной войны не только в рассматриваемом регионе. Данный инструмент используется и в других горячих точках – на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке (Афганистан, Ирак, Иран, Ливия, Египет, Тунис). В целом гибридная война является разновидностью наступательных действий против внешнего противника. Данное явление представляет собой симбиоз «мягкой» и «жесткой» силы.

Можно отметить и тот факт, что гибридные войны США в Латинской Америке не приобрели пока столь масштабного и явного характера, как в других регионах мира. Некоторые эксперты считают, что Соединенные Штаты Америки пока только нарабатывают уникальный опыт применения технологий гибридных войн.

В дальнейшем этот опыт Штаты могут использовать и в Латинской Америке, так как Вашингтон издавна считал регион ЛАКБ «своей» территорией. Утратив господство над данной территорией, государство потеряет свою мощь. Регион ЛАКБ необходим Соединенным Штатам Америки [7].

Если говорить о роли Российской Федерации в рассматриваемой ситуации, то можно отметить ее доброжелательное отношение к данному региону. С одной стороны, Москва считает страны Латинской Америки естественными союзниками и перспективными деловыми партнерами. Они богаты природными ресурсами, что открывает возможности для участия российских компаний в разведке и добыче полезных ископаемых, в том числе нефти и газа. С другой стороны, Россия нуждается в расширении экспорта продукции машиностроения для улучшения структуры преимущественно сырьевого вывоза. Рынок вооружений и военной техники Латинской Америки уже стал для нее ключевым [11].

Основой для устойчивого диалога России и Латинской Америки является сходство подходов к главным международным проблемам. Регион оказался надежным партнером Москвы как в решении общемировых проблем, так и в борьбе с новыми вызовами и угрозами. В стенах ООН такие страны, как Куба, Венесуэла и Никарагуа, всегда голосуют за предлагаемые Россией резолюции и выступают против решений, наносящих ей вред.

В целом Москва не приемлет попыток Вашингтона переформатировать Латинскую Америку «под себя» в духе возрождаемой доктрины Монро, подразумевающей, что Северная и Южная Америки должны быть закрыты для стран Европы. На деле это означает провозглашение региона зоной исключительных интересов США. Так что его сближение с Россией вносит свою лепту в затянувшуюся конфронтацию Вашингтона с Москвой.

2019 год был богатым на события в Латинской Америке. Жесточайший политический и экономический кризис в Венесуэле, где оппозиции не удалось свергнуть ориентирующийся на Россию и Китай левый режим президента Николаса Мадуро. Несмотря на то что США и ЕС открыто выступили против Мадуро, признав исполняющим обязанности главы государства его оппонента Хуана Гуайдо, вся полнота исполнительной власти осталась в руках президента, которого поддерживает армия. Другой

левый лидер, боливийский президент Эво Моралес, в отличие от своего венесуэльского коллеги не просто лишился должности президента, но и вынужден был покинуть страну [см. подробнее: **6; 7**].

В Аргентине на последних выборах 2019 года победил «хустиалистский» (умеренно левый) кандидат – Альберто Фернандес. Левый президент удерживается у власти в Мексике, а «кастристская» система правления сохраняется на Кубе. Очевиден раскол Латинской Америки на условно «левые» государства (Мексика, Никарагуа), поддерживающие Мадуро, и «правое» большинство, которое тем не менее не желает допускать открытого доминирования США над южноамериканским континентом.

Венесуэла оказалась практически в патовой ситуации. Усугубляющийся экономический кризис ведет к социальным потрясениям и утрате доверия правительством, что еще более усугубляет негативные экономические тенденции. Без внешних финансовых вливаний страна попросту не смогла бы сейчас существовать. Резкое падение рынка энергоносителей практически полностью «съело» социальную программу в Венесуэле. Главная экономическая база страны – нефтяная отрасль – не может существовать без постоянных инвестиций, на которые у правительства Мадуро сейчас нет денег.

Венесуэльскую нефтяную сферу поддерживает на плаву Китай, который, будучи крупнейшим внешним инвестором в регионе, вкладывает в экономику страны около половины объема всех своих инвестиций в Латинской Америке. Китайские кредиты оцениваются в сумму около 60 млрд долл., объем инвестиций КНР в экономику Венесуэлы составляет около 21 млрд долл. [4]. Для Китая это – вопрос его энергетической безопасности: страна является крупным импортером нефти-сырца, а в Венесуэле – крупнейшие в мире разведанные запасы нефти.

Россия не может на данном этапе предоставить такой объем инвестиций, чтобы иметь возможность конкурировать в Латинской Америке и с Китаем, и с Соединенными Штатами Америки, которых Поднебесная стремится путем наращивания своего экономического присутствия постепенно выдавить из региона. Китай не только инвестирует в нефтяную отрасль Венесуэлы – страна закупает у него оружие, есть совместные проекты и в дру-

гих сферах. Официально Пекин поддерживает режим Мадуро, однако аналитики говорят и о постоянных негласных контактах китайской стороны с представителями оппозиции, поддерживающими спикера парламента – Хуана Гуайдо, признанного главой исполнительной власти Венесуэлы со стороны США и ЕС [11].

Открытая поддержка США оппозиционных сил в Венесуэле удерживает прагматичных китайцев от каких бы то ни было резких шагов в этой стране. Пекин, как обычно, собирается подождать, пока противоборствующие стороны разберутся между собой, чтобы стать главным бенефициаром. Рисковать ради своих вложений в экономику Венесуэлы обострением отношений с Вашингтоном Пекин не будет ни при каких обстоятельствах.

России на руку играет стремление стран Латинской Америки уйти от экономической зависимости от одного игрока, которым продолжительное время были США. Проседание мирового рынка энергоносителей значительно увеличивает зависимость континента от инвестиций Китая, что естественным образом толкает стремящуюся расширить свои экономические связи Латинскую Америку в объятия России. У нее есть шанс основательно закрепиться в регионе, будучи своего рода фактором равновесия между американизацией и китаизацией континента [2].

В условиях всех вышеперечисленных обстоятельств руководству Соединенных Штатов Америки сегодня необходимо понять, можно ли использовать доктрину Монро в первоначальном ее виде или ее следует видоизменить в соответствии с новыми условиями функционирования мирового сообщества.

В XXI веке суть доктрины Монро должна состоять уже не в имперских амбициях и желании доминировать в Западном полушарии, а в ответственности по защите интересов государств данной территории, так как они издавна находились под «покровительством» Соединенных Штатов Америки.

Таким образом, хотя в настоящее время представители американской администрации утверждают, что стратегия президента США Дональда Трампа в Латинской Америке является в своем роде возрождением доктрины Монро, в действительности доктрины Монро 3.0 сейчас в Западном полушарии нет.

В начале 2019 года представитель вашингтонской администрации заявил, что «Доктрина Трампа является возрождением

доктрины Монро в том смысле, что США посылает сигнал внешним игрокам, находящимся вне континента, что именно это государство остается и должно остаться предпочтительным партнером в Западном полушарии. Соединенные Штаты Америки являются частью Латинской Америки, они здесь лидеры» [1].

Как отмечалось нами ранее, в настоящее время очевиден раскол Латинской Америки на условно «левые» государства и «правое» большинство. Несмотря на противоречия, их объединяет нежелание допускать открытого доминирования США над южноамериканским континентом. Китай вступил в острую конкурентную борьбу с США за экономическое и политическое лидерство в этом районе мира [10]. Уровень влияния США постепенно снижается в Латинской Америке.

Внешнеполитическую доктрину, разработкой которой в настоящий момент занимается администрация Д. Трампа, можно коротко охарактеризовать следующим образом: эскалация ради деэскалации. Дональд Трамп хочет пойти на эскалацию в определенных зонах, чтобы инициировать переговоры там, где в противном случае их участники не захотят садиться за стол переговоров [5].

Возникает вопрос: должны ли односторонние действия США в свете доктрины Монро о превентивной самообороне соответствовать определенным правовым принципам и нормам внутригосударственного права США, в частности конституционного права, а также международного права. Другими словами, не входит ли данная доктрина в противоречие с их национальным законодательством и межгосударственными договорными обязательствами как многостороннего, так и двустороннего характера [7].

Если в целом затрагивать вопрос могущества Запада, то стоит отметить, что могущество США продолжается уже достаточно давно. Однако в XXI веке Вашингтон потерял прежнюю мощь и влияние. В мире произошла переоценка ценностей, изменилось мировоззрение и трансформировались подходы к восприятию США как бесспорного мирового лидера. Неуклонно растет влияние России, Китая, Индии, а также таких организаций, как БРИКС, Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества, инициативы «Один пояс – один путь». Ла-

тинская Америка в этом не исключение. Несмотря на неоднородность политических и идеологических установок между рядом стран континента, их непринятие современной редакции доктрины Монро в любой ее форме более чем очевидно.

Литература

1. В США заявили, что их стратегия в Латинской Америке является возрождением «доктрины Монро» // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-razgovora/7695049> (дата обращения: 15.03.2020).
2. *Исэров А.А.* США и борьба Латинской Америки за независимость. – М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2017. – 465 с.
3. *Карпович О.Г., Манойло А.В.* Политика многополярности: новые вызовы и угрозы. – М.: ИАМП, 2020. – 520 с.
4. Латиноамериканское танго втроем: страны региона между США, Россией и Китаем // Inosmi. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20191219/246479013.html> (дата обращения: 15.03.2020).
5. *Трояновская М.О.* Дискуссионные вопросы внешней политики США (1775–1823). – М.: Весь Мир, 2017. – 325 с.
6. *Троянский М.Г., Карпович О.Г.* Концептуальные основы политической модернизации в некоторых государствах Латинской Америки // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2019. № 3 (21). – С. 43–68.
7. *Фархутдинов И.З.* Международное право о принципе неприменения силы или угрозы силой: история и современность // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 11. – С. 1655–1664.
8. *Шишков В.В.* Доктринальные основы имперской политики США // Социум и власть. – 2018. – № 2 (40). – С. 37–52.
9. *Яковлев П.П.* Геополитический разворот стран Латинской Америки // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 7. – С. 163–174.
10. *Яковлев П.П.* Латинская Америка на переломе трендов. Опыт осмысления новых явлений // Латинская Америка. – 2015. – № 7. – С. 211–219.
11. *Яковлев П.П.* Россия и Латинская Америка в новой геополитической реальности // Латинская Америка. – 2014. – № 10. – С. 229–237.

Каблуков Кирилл Сергеевич,

Дипломатическая академия МИД России,
Москва.

E-mail: andone320@gmail.com

Kirill S. Kablukov,

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.

E-mail: andone320@gmail.com

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ И ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ В ИНДОНЕЗИИ

PRESIDENTIAL ELECTION AND DEMOCRATIC ISSUES IN INDONESIA

Аннотация: в статье проанализированы основные результаты выборов в Республике Индонезия, состоявшиеся 17 апреля 2019 года. Рассмотрены политические программы двух главных кандидатов на пост президента Джоко Видодо и Прабово Субианто, а также их взаимодействия в ходе пяти раундов предвыборных дебатов. Кроме того, в статье представлен анализ политической расстановки сил в парламенте после создания правительственной коалиции во главе с Президентом. Особое внимание уделено политической и идеологической направленности наиболее крупных политических партий Индонезии. Другая часть исследования посвящена проблемам осуществления демократической процедуры выборов, а также последующей социальной напряженности, которая была вызвана как внутренними, так и внешними причинами. В заключении автор приходит к выводу, что выборы 2019 года выявили те факторы, которые будут оказывать наибольшее влияние на политические процессы в Индонезии в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова: Индонезия, президентские выборы, проблемы демократии, политические партии, парламент, «фейк ньюз».

Abstract: the article analyzes the main results of the elections in the Republic of Indonesia, which took place on April 17, 2019. The author delves into the political programs of the two main presidential candidates Joko Widodo and Prabowo Subianto, as well as their interaction during five rounds of the election debate. Besides, the article presents an analysis of the political balance of power in parliament after the creation of a government coalition led by the President. Particular attention was paid to the political and ideological orientation of the largest political parties in Indonesia. The other part of the study is devoted to the problems of the implementation of the democratic election procedure, as well as subsequent social tensions, which were caused by both internal and external issues. In conclusion, the author highlights that the 2019 elections have identified those factors that will be most influential on political processes in Indonesia in the short term.

Keywords: Indonesia, presidential election, democratic issues, political parties, Parliament, "fake news".

Введение

Одновременные выборы президента, депутатов парламента, региональных и муниципальных органов власти 17 апреля 2019 года стали решающим моментом в противостоянии действующего президента Джоко Видодо¹ и его оппонента Прабово Субианто. Борьба проходила и за места в парламенте, так как у обоих кандидатов есть свои коалиции. Президентская гонка была насыщена провокациями с обеих сторон, распространением «фейк ньюз» и массовыми беспорядками после оглашения итогов, что, однако, не отличало ее от выборов предыдущих лет. Для Джоко Видодо стояла задача не только сохранить за собой пост президента, но и избежать внутривнутриполитического кризиса, который мог быть спровоцирован результатами всенародного голосования.

Президентские выборы

В соответствии с распоряжением Центральной избирательной комиссии Индонезии всеобщему голосованию на президентских выборах предшествовали пять раундов дебатов, в ходе которых кандидаты должны были представить свою предвыборную программу, а также указать на недостатки своего оппонента.

В ходе первых дебатов, которые прошли в январе 2019 года, кандидаты сразу приступили к взаимным обвинениям, так как они уже хорошо знали друг друга по прошлым президентским выборам 2014 года. В первом же своем выступлении Прабово обвинил Джокови в увеличении случаев внутреннего терроризма, причиной которого стало, во-первых, иностранное вмешательство, а во-вторых, экономическая политика Джокови, которая, по словам Прабово, «экономически маргинализовала индонезийцев» [9], что привело к неравенству и усилению радикального ислама в отдельных регионах.

Отвечал на эти обвинения вице-президент Джокови Амин Маруф, уважаемый 75-летний исламский деятель, который заявил, что причиной роста террористической активности стала не экономическая политика действующего президента, так как правительство может обеспечить рабочие места, а то, что программа по дерадикализации Индонезии 2002 года морально устарела

¹ Президент Индонезии с 2014 года, известный также под именем Джокови.

и должна быть приспособлена под новые реалии. С этим отчасти согласился и Прабово, однако он уточнил, что если он станет президентом, то будет больше инвестировать в образование и здравоохранение, чтобы вернуть этих мусульман на «праведный путь» [9].

Этими высказываниями Прабово хотел заполучить как можно больше голосов мусульман, так как сам он пользуется крайне высокой поддержкой в регионах, в которых население строго придерживается норм ислама, например Ачех, где Прабово набрал на выборах более 85% голосов избирателей региона [20]. В то же время Джокови заменил в ходе предвыборной кампании 2019 года своего вице-президента Юсуфа Каллу на известного в Индонезии мусульманского богослова Амина Мааруфа, чтобы сбалансировать отношение мусульманской общины к обоим кандидатам, так как в самой Индонезии насчитывается около 192 млн мусульман.

В своих выступлениях Джокови затронул темы прав человека, верховенства права и коррупции. Все эти три темы напрямую затрагивают деятельность Прабово, который был замешан в жестком подавлении сепаратистских движений Восточного Тимора. Прабово были предъявлены обвинения в нарушении прав человека, а именно: убийства повстанцев и похищения видных руководителей партии независимости. Кроме того, Прабово не только происходит из древнего аристократического рода Субианто, который занимал высокие посты еще при голландском колониальном правлении, но и является зятем последнего назначаемого президента, генерала Сухарто. Многие в Индонезии считают, что Прабово, как и большинство его родственников, достиг своей власти и своего богатства через карьеру в военной сфере, где у него были родственные связи. Это и послужило основой обвинения Джокови, где он указывал на тот факт, что на Восточном Калимантане у Прабово находится в собственности более 220 тыс. гектаров земли, а в провинции Ачех – еще 120 тыс. гектаров [2].

В то же время в адрес Джокови в СМИ также появляются обвинения в нарушении прав человека. По словам Андреаса Харсно из Human Right Watch, администрация Джокови практически ничего не сделала для защиты прав религиозных меньшинств и ЛГБТ-сообщества [7].

Вторые дебаты прошли в феврале 2019 года и должны были охватить такие темы, как инфраструктура, промышленность, окружающая среда и технологии [25]. Можно отметить, что кандидаты не сформулировали последовательной позиции ни по одному из вышесказанных пунктов, а экологические вопросы были проигнорированы, несмотря на то что Индонезия – это один из самых крупных загрязнителей атмосферы и океана, а также страна, где происходит широкомасштабная вырубка реликтовых лесов [23].

Обсуждение технологического прогресса Индонезии отметились неприятным для Прабово моментом – он не смог ответить на вопросы Джокови, знает ли он, что такое компании «единороги»¹ и почему они важны для экономики Индонезии? Ответом на это послужила популистская речь Прабово о том, что он против онлайн-торговых площадок, так как они губительны для местного производства. Более того, он заявил, что намеревается поощрять кустарное ремесленничество и малые крестьянские хозяйства, так как это позволит самообеспечить Индонезию в еде, воде и энергоресурсах [19].

Речь Джокови о развитии инфраструктуры стала ключевой на вторых дебатах, так как именно при его губернаторстве Джакарты и президентстве были реализованы крупные инфраструктурные проекты, такие как строительство большого количества автомагистралей и эстакад по всей территории Индонезии, открытие нескольких веток метро в Джакарте. Тем не менее вторые дебаты закончились ничьей и только усилили интригу перед следующими дебатами и выборами.

Третьи дебаты прошли 17 марта 2019 года и затронули темы здравоохранения, образования, социальной и культурной сфер. Эти дебаты проходили между кандидатами в вице-президенты Амином Мааруфом и Сандиагой Уно. Есть все основания полагать, что Прабово выбрал Уно в качестве своего напарника, чтобы привлечь на свою сторону голоса «миллениалов»², чье количество от общего списка избирателей составляет около 40% [15]. Сандиага Уно – харизматичный молодой человек, который, действительно, привлекает к себе и к политике в целом больше внимания молодого поколения, чем его оппонент Амин Мааруф, у которого до сих пор не подтвержден аккаунт в социальной сети

¹ Стартапы, чья капитализация смогла превысить 1 млрд долл. США.

² Поколение людей, родившихся в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

Twitter. Сандиага Уно пообещал, что не будет жестко критиковать Мааруфа, так как он уважаемый мусульманский богослов, во многом поэтому третьи дебаты уступали первым двум по своей информативности для избирателя, так как вместо критики избирательной программы каждой стороны была ее декламация.

В своем выступлении Амин Мааруф отметил успехи Джокови в области социального благополучия для бедных семей, а именно увеличение количества продовольственных карт и предоставление стипендий в университеты Индонезии для малоимущих слоев населения. В заключении Мааруф просил общественность не поддаваться на провокации, которые распространяли информацию о том, что Джокови хочет запретить изучение ислама в школах, утренние призывы к молитвам, а также легализовать проституцию.

Сандиага Уно выступил со своей программной речью, где высказал мнение своего предвыборного штаба о будущем образования в Индонезии. Сандиага выступал в образе молодого предпринимателя-мусульманина, который на своем опыте может указать на основные проблемы в системе образования. Уно предлагал отменить государственный экзамен, так как он подвергает большому стрессу учеников, сделать месяц Рамадана каникулами, а обучение в школах и университетах практико-ориентированным. В заключение Сандиага заявил, что политика в области здравоохранения и образования Джокови привела к дефициту бюджета и отсутствию роста заработной платы учителей.

В целом можно отметить, что представители Прабово были убедительнее на данных дебатах, так как они представили более последовательную программу и выступали в той форме, которая больше отвечала запросам как молодого, так и более старшего поколения.

Четвертые дебаты прошли 30 марта 2019 года; на них обсуждались политические вопросы. Основными темами дебатов стали национальная безопасность, идеология и внешняя политика.

В области безопасности Джокови выразил сильные сомнения в том, что стране что-либо угрожает, так как на оборону страны только в 2018 году было выделено 8 млрд долл. США [14]. В то же время Прабово подверг сомнению уверенность Джокови, заявив, что страна раздираема внутренними конфликтами и что если Прабово не выберут президентом, то страна может развалиться к 2030 году.

В области идеологии оба кандидата выразили свою приверженность к принципам Панчасилы (пять основных государственных принципов Индонезии, провозглашенные первым президентом Сукарно и закрепленные в Конституции Индонезии) [16], а также подвергли критике идею Исламского халифата на территории Индонезии. Кроме того, Джокови заявил, что никогда не относился к сторонникам Исламского халифата и не состоял в Коммунистической партии Индонезии, так как это противоречит принципам Панчасилы и запрещено на территории Индонезии.

Заключительной темой для дебатов стала позиция Индонезии по внутреннему конфликту в Мьянме и притеснениям мусульман рохинджа. Джокови заявил, что Индонезия является ключевым посредником в разрешении данного этнического конфликта и требует от мьянмской стороны, чтобы они прекратили дискриминацию мусульманского меньшинства. Прабово, тем не менее, не согласился с такой оценкой событий и раскритиковал действия индонезийских дипломатов, обвинив правительство Индонезии в отсутствии четкой позиции на переговорах с Мьянмой. Более того, Прабово заявил, что планирует сделать Индонезию лидером в международных отношениях как внутри региона, так и во всем мире [22].

Пятые дебаты прошли за четыре дня до выборов, 13 апреля. Их центральной темой стала экономика.

Джокови выступил с речью о процветающем будущем Индонезии, которая должна войти в пятерку самых крупных экономик к 2045 году, а также заявил о своих планах отделить налоговый орган от Министерства финансов, развивать частный сектор, привлекать иностранные инвестиции. В области промышленности он заявил о запуске промышленной революции 4.0, которая станет ключевым фактором успешного развития экономики, а в социальной сфере – о намерении продолжить практику выдачи продовольственных карт малоимущим слоям населения.

Прабово аналогично высказался по данным темам, с тем лишь различием, что он настаивал на самообеспечении продовольствием и основными товарами потребления, а также выступил против продовольственных карт, заявив, что уже через 100 дней после его избрания он сможет снизить цены на продукты и электричество [5].

Выборы 17 апреля 2019 года показали, что, несмотря на финансовые возможности Прабово и его команду, состоявшую из бывших министров и возглавляемую бывшим президентом Индонезии Сусило Бамбанг Юдойоно [3], ему не удалось завоевать доверие избирателей и победить.

Сразу же после объявления результатов выборов Прабово заявил о крупных фальсификациях и призвал не признавать результаты. Волнения длились больше месяца, и ситуация была разрешена лишь после серии переговоров между Джокови и Прабово, на которых последний получил гарантии на назначение на министерский пост в будущем правительстве Индонезии [12].

Парламентские выборы

Результаты выборов в индонезийский парламент – Совет народных представителей сохранили доминирующее положение Джокови в законодательных органах Индонезии. Победу одержала Демократическая партия Борьбы Индонезии, которая получила 128 голосов в парламенте, а на втором месте также оказалась партия из коалиции Джокови – партия Голкар [6].

Если рассматривать партии Индонезии с точки зрения их политической ориентации, то, по данным исследования австралийского ученого Эдварда Эспинала, все индонезийские партии в той или иной степени центристские [8]. С точки зрения идеологической направленности Демократическая партия Борьбы Индонезии больше остальных соответствует принципам Панчасилы, в то время как исламская риторика свойственна Партии единства и развитию, так как это традиционно исламская партия.

Опасной тенденцией парламентских выборов стало «заигрывание» всех политических партий с исламской риторикой и привлечение тем самым мусульман в свои ряды. Негативный эффект от такого метода ведения предвыборной кампании заключается в нарастании идеологического противостояния в обществе, так как общество начинает делиться на тех, кто считает, что Индонезия должна оставаться светским государством, как это заложено в принципах Панчасилы, и тех, кто считает, что ислам должен играть большую роль в формировании общества и политики страны [8].

Тем не менее, несмотря на сохранение статуса-кво в индонезийской политике, парламентские выборы ознаменовались

крупной перестановкой сил. Прабово, главный политический оппонент Джокови, предложил создать коалицию из двух главных сил – Демократической партии Борьбы Индонезии Джокови и Движения за Великую Индонезию Прабово – с тем условием, что Прабово и несколько его соратников получат министерские кресла в новом правительстве Джокови. После ряда консультаций Джокови и Прабово последний получил портфель министра обороны, а шесть ближайших его соратников получили ключевые места в индонезийском правительстве. Таким образом, Прабово оставил оппозиционный лагерь, а также своего давнего партнера по политической борьбе, бывшего президента Индонезии Сусило Бамбанг Юдойоно, и его Демократическую партию.

Проблемы обеспечения демократии на выборах

В докладе Австралийского национального университета «Избирательная система Индонезии. Почему она нуждается в реформах» [13] авторы сфокусировали свое внимание на пяти основных проблемах обеспечения демократических выборов в Индонезии.

1. Непрозрачная система финансирования. Начиная с 1960-х годов партии перестали получать крупные субсидии от государства и должны были сами себя обеспечивать. Результатом данной политики стало явление, когда более 90% источников доходов партий не задокументированы. Например, Демократическая партия Борьбы Индонезии отчиталась лишь о 30 млрд рупий в качестве пожертвований, что является 8% от общего бюджета предвыборной кампании этой партии [13].

2. Открытая партийная система. Эта система предполагает, что любой кандидат по собственному желанию может участвовать в выборной гонке и соревноваться даже со своими однопартийцами. Это превратило региональные выборы в конкурсы, где богатые кандидаты сами финансируют свою предвыборную кампанию и побеждают не по партийным спискам. Негативный эффект заключается в том, что разрушается целостность партии как политического института, а самым простым способом для победы кандидата на региональных выборах становится банальный подкуп избирателей.

3. Обратной стороной открытой партийной системы стало ужесточение пороговых значений для участия в выборах. Если

при президенте Сукарно достаточно было иметь филиалы в 50% провинциях и в 50% районов, то теперь для участия в выборах допускаются партии, которые присутствуют во всех провинциях и в 75% районов Индонезии. Естественным следствием стали большие членские сборы, так как поддержание такого большого количества филиалов требует больших средств. Партии стали еще более элитарными, чем раньше, а выборы происходят по принципу «кто больше потратит денег на подкуп голосов».

4. Низкое представительство женщин в парламенте. Несмотря на то что количество женских депутатов увеличилось с 17% до 20%, это по-прежнему лишь 1/5 от всего количества народных представителей. Тем не менее эффект политического плюрализма снижает то, что большинство этих женщин являются родственницами известных политиков-мужчин. После выборов 2019 года такие женщины-депутаты составляют 41% от общего количества.

5. Выражение несогласия. Отсутствие графы «Против всех» не дает большому числу прогрессивных избирателей или активистам за права человека выразить несогласие с существующей системой. Кроме того, Джокови и его предшественники часто использовали административный ресурс, чтобы повысить явку, так как низкая явка в глазах властей означает утрату контроля над регионами. Результатом такой избирательной системы оказывается высокий уровень «белых листов» или воздержавшихся от выбора (более 19% от общей суммы голосов) [11].

Необходимо выделить еще несколько факторов, которые свидетельствуют о несовершенстве процедуры выбора президента Индонезии.

Во-первых, процедура подсчета голосов и единый день выборов. Решением Центральной избирательной комиссии Индонезии от 2017 года [18] парламентские, президентские и муниципальные выборы было решено проводить в один день. Власти объясняли это тем, что таким образом можно повысить безопасность, явку избирателей, а также снизить сопутствующие расходы. Это не только сфокусировало всё внимание общественности на президентских выборах в ущерб парламентским, но и выявило недостатки процедуры ручного подсчета 192 млн голосов в срок чуть больше месяца, так как это привело к более чем 400 смер-

тям членов избирательной комиссии от заболеваний, связанных с тяжелым переутомлением [24].

Во-вторых, воздействие технологии «фейк ньюз». Примером «фейк ньюз» служат лживые и порочащие репутацию утверждения и факты, рассылаемые через различные мессенджеры и социальные сети. В докладе индонезийского Общества по противодействию клевете (MAFINDO) утверждается, что количество данных новостей резко увеличилось в период с декабря 2018 года по январь 2019 года, а в общей сложности было обнаружено около 700 «фейк ньюз», которые так или иначе связаны с выборами [4].

Впервые «фейк ньюз» повлияли на политические процессы в Индонезии в 2017 году, когда стали причиной крупных волнений в Джакарте и привели к судебному процессу над китайским христианином Басуки Чахайя Пурнама, или Ахоком, как его называют во всех индонезийских газетах. Основой обвинения стали манипуляции на тему его оскорбительного отношения к Корану [1]. Во время президентских выборов 2019 года «фейк ньюз» затронули обе пары кандидатов на высший пост. Так, один тип новостей выставлял личную жизнь напарника Прабово – С. Уно – в негативном свете. Второй тип новостей, с одной стороны, подвергал сомнению яванское происхождение Джокови, предполагая, что он якобы китайский христианин, а с другой стороны, утверждалось, что в молодости он был активным партийным деятелем запрещенной в Индонезии Коммунистической партии. Кроме того, Мааруф во время политических дебатов неоднократно пытался развеять лживые слухи о политической программе Джокови в отношении религиозного образования. Можно отметить также, что технология «фейк ньюз» в Индонезии еще неразвита, она манипулирует одними и теми же фактами и старается больше сыграть на исламском факторе в политике страны.

В-третьих, иностранное вмешательство. Индонезийские СМИ выделили два фактора: российская пропаганда и китайское вмешательство. И если первое было отвергнуто самим Джоко Видодо, так как он назвал данный фактор поводом для манипуляций общественным мнением со стороны оппозиции [17], то китайское влияние действительно имеет место быть. Во-первых, некоторое количество этнических китайцев получили мандаты в Совет народных представителей, однако их количество ничтожно мало

(около 3%), и, следовательно, они не смогут оказать серьезного влияния на политическую обстановку в Индонезии. Куда важнее продвижение китайских интересов через финансирование политических партий. Как уже было сказано ранее, политические партии Индонезии автономны и должны сами себя финансировать, а в купе с непрозрачной системой отчетности это позволяет крупным китайским корпорациям направлять существенные пожертвования индонезийским партиям в целях их дальнейшего содействия китайским бизнес-интересам в стране.

Немаловажным фактором является и проблема Западного Папуа, где проходили широкомасштабные акции гражданско-неповиновения, жестко подавленные вооруженными силами. Причинами данных выступлений было как стремление к национальной независимости по примеру Восточного Тимора, так и борьба с «домашним расизмом» по отношению к народностям Западного Папуа в других провинциях Индонезии. Этот аспект является частью более обширной темы дискриминации этнических, религиозных и сексуальных меньшинств в Индонезии, что также серьезно подрывает развитие демократических процессов и институтов в стране.

Таким образом, существует целый ряд объективных проблем, связанных с проведением демократической процедуры выборов в Индонезии, как президентских, так и выборов в законодательные органы на всех уровнях.

Итоги и перспективы

Выборы 2019 года вскрыли ряд новых факторов в политической жизни Индонезии. Первым таким фактором стали «миллениалы». Ранее отмечалось, что на выборах 2019 года «миллениалы» составляли около 40% от всех избирателей. Это отразилось и на предвыборных кампаниях основных политических сил в Индонезии. Прабово выбрал себе в напарники молодого и популярного Сандиагу Уно, а политические партии стали чаще выставлять молодых кандидатов. Так, на выборах в 2019 году было выставлено 878 кандидатов от разных партий, чей возраст – менее 30 лет [26]. Омоложение состава партий объясняется тем, что партии следуют за предпочтениями избирателей и стараются получить как можно больше голосов молодого поколения. Кроме того, это

является объективным отражением демографической ситуации в Индонезии, где средний возраст населения составляет 27 лет.

Вторым фактором стал сепаратизм Западного Папуа. Несмотря на то что волнения в Западном Папуа начались еще с декабря 2018 года, толчком к более решительным действиям стали именно выборы в апреле 2019 года, когда Объединенное освободительное движение за Западный Папуа (United Liberation Movement for West Papua, ULMWP), во главе которого стоит Бенни Венда, объявило бойкот выборам в Индонезии [21].

Выборы в Индонезии 2019 года не привнесли существенных изменений в структуру политической власти страны, однако они выявили факторы, которые больше всего повлияют на выборы 2024 года: ислам, молодежь, Западный Папуа, беспорядки и недостаток демократических институтов в индонезийском обществе. Джокови получил титул «Азиат года 2019» от сингапурского журнала «The Strait Times» [10] за успехи в урегулировании общественных волнений и в деле объединения нации, однако теперь он должен начинать выполнение своих предвыборных обещаний, в число которых входит новая промышленная революция и перенос столицы в провинцию Восточный Калимантан.

Литература

1. Другов А.Ю. Индонезия: что показали выборы губернатора в Джакарте // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2017. – № 36. – С. 69–93.
2. CEK FAKTA: Penjelasan soal Lahan Prabowo yang Disinggung Jokowi Saat Debat // Kompas. – URL: <https://nasional.kompas.com/read/2019/02/19/11220031/cek-fakta-penjelasan-soal-lahan-prabowo-yang-disinggung-jokowi-saat-debat?page=all> (accessed: 17.12.2019).
3. Debat Pilpres 2019 Putaran Dua: Jokowi Bertahan, Prabowo Menyerang Baca selengkapnya di artikel “Debat Pilpres 2019 Putaran Dua: Jokowi Bertahan, Prabowo Menyerang” // Tirta.id. – URL: <https://tirta.id/debat-pilpres-2019-putaran-dua-jokowi-bertahan-prabowo-meny Serang-dg8w> (accessed: 17.12.2019).
4. Fake News in India and Indonesia’s Elections 2019 // The Diplomat. – URL: <https://thediplomat.com/2019/04/fake-news-in-india-and-indonesias-elections-2019/> (accessed: 17.12.2019).
5. Final Presidential Debate; Top Programs of Jokowi, Prabowo // Tempo. – URL: <https://en.tempo.co/read/1195479/final-presidential-debate-top-programs-of-jokowi-prabowo> (accessed: 17.12.2019).
6. Hasil Resmi Rekapitulasi KPU Pileg 2019 // Liputan 6. – URL: <https://www.liputan6.com/news/read/3971796/hasil-resmi-rekapitulasi-kpu-pileg-2019> (accessed: 17.12.2019).
7. Indonesia Launches ‘Snitch’ App Targeting Religious Minorities // Human Rights. – URL: <https://www.hrw.org/news/2018/11/30/indonesia-launches-snitch-app-targeting-religious-minorities> (accessed: 17.12.2019).
8. Indonesia’s election and the return of ideological competition // New Mandala. – URL: <https://www.newmandala.org/indonesias-election-and-the-return-of-ideological-competition/> (accessed: 17.12.2019).

9. Indonesian presidential candidates Prabowo Subianto and Joko Widodo cross swords in first debate // South China Morning Post. – URL: <https://www.scmp.com/news/asia/southeast-asia/article/2182689/indonesian-presidential-candidates-prabowo-subianto-and> (accessed: 17.12.2019).
10. Joko Widodo, a deft hand at domestic politics and global affairs, is The Straits Times Asian of the Year 2019 // The Strait Times. – URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/jokowi-a-deft-hand-at-domestic-politics-and-global-affairs> (accessed: 17.12.2019).
11. Lembaga survei: Jumlah golput di Pilpres 2019 paling rendah sejak 2004 // BBC Indonesia. – URL: <https://www.bbc.com/indonesia/indonesia-48130161> (accessed: 15.03.2020).
12. LIVE STREAMING Pertemuan Jokowi dengan Prabowo di Stasiun MRTLebak Bulus Jakarta // Kompas. – URL: <https://nasional.kompas.com/read/2019/07/13/09530561/live-streaming-pertemuan-jokowi-dengan-prabowo-di-stasiun-mrtlebak-bulus> (accessed: 17.12.2019).
13. *Mietzner M.* 'Indonesia's electoral system: why it needs reform' // Discussion paper. – 2019. – URL: <https://www.newmandala.org/wp-content/uploads/2019/11/Indonesias-Electoral-System-Why-It-Needs-Reform-November-2019.pdf> (accessed: 17.12.2019).
14. Military Expenditure in Indonesia // Trading Economics. – URL: <https://tradingeconomics.com/indonesia/military-expenditure> (accessed: 20.03.2020).
15. Millennials, Ayo #IkutPemilu2019 Setelah Simak Poin Penting Ini! // Kompas. – URL: <https://biz.kompas.com/read/2018/10/23/193528328/millennials-ayo-ikutpemilu2019-setelah-simak-poin-penting-ini?page=all> (accessed: 17.12.2019).
16. *Ooi Keat Gin.* Southeast Asia: a historical encyclopedia from Angkor Wat to East Timor. – Santa Barbara, California: Library of Congress, 2004. –1791 p.
17. Opposition politician Fadli Zon apologizes to Russia for Jokowi's 'Russian propaganda' comments // Coconuts Jakarta. – URL: <https://coconuts.co/jakarta/news/opposition-politician-fadli-zon-apologizes-russia-jokowis-russian-propaganda-comments/> (accessed: 17.12.2019).
18. Pileg dan Pilpres Serentak Digelar 17 April 2019, Ini Tahapannya // Detiknews. – URL: <https://news.detik.com/berita/d-3483078/pileg-dan-pilpres-serentak-digelar-17-april-2019-ini-tahapannya> (accessed: 15.03.2020).
19. Prabowo Promises a Complete Self-Sufficient Indonesia // Tempo. – URL: <https://en.tempo.co/read/1176789/prabowo-promises-a-complete-self-sufficient-indonesia> (accessed: 17.12.2019).
20. Rekapitulasi KPU: Prabowo Borong Kemenangan di Aceh dan NTB // CNN Indonesia. URL: <https://www.cnnindonesia.com/nasional/20190516062920-32-395282/rekapitulasi-kpu-prabowo-borong-kemenangan-di-aceh-dan-ntb> (accessed: 17.03.2020).
21. Students call for Indonesian election boycott, alternative political force // Asian Pacific Report. – URL: <https://asiapacificreport.nz/2019/02/25/students-call-for-indonesian-election-boycott-alternative-political-force/> (accessed: 17.12.2019).
22. "The Fourth Debate for Indonesia's Presidential Election 2019: Who's a True Defender of the Nation?" by Budi Irawanto // ISEAS. – URL: <https://www.iseas.edu.sg/medias/commentaries/item/9375-the-fourth-debate-for-indonesias-presidential-election-2019-whos-a-true-defender-of-the-nation-by-budi-irawanto> (accessed: 17.12.2019).
23. The most important country for the global climate no one is talking about // VOX. – URL: <https://www.vox.com/energy-and-environment/2018/12/5/18126145/indonesia-climate-change-deforestation> (accessed: 17.12.2019).
24. Voting-made-easy has a cost: Over 400 deaths // The Jakarta Post. – URL: <https://www.thejakartapost.com/academia/2019/05/07/voting-made-easy-has-a-cost-over-400-deaths.html> (accessed: 17.12.2019).
25. What Did Indonesia's Second Presidential Debate Reveal? // The Diplomat. – URL: <https://thediplomat.com/2019/02/what-did-indonesias-second-presidential-debate-reveal/> (accessed: 17.12.2019).
26. Yang Muda yang Nyaleg: Berebut Suara Pemilih Milenial Baca selengkapnya di artikel "Yang Muda yang Nyaleg: Berebut Suara Pemilih Milenial" // Tirto.id. – URL: <https://tirto.id/yang-muda-yang-nyaleg-berebut-suara-pemilih-milenial-dllu> (accessed: 17.12.2019).

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Гришаева Лидия Евгеньевна,

доктор исторических наук, профессор,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
Москва.

E-mail: felixg@netbynet.ru

Lidiya E. Grishaeva,

Doctor of History, Professor,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov,
Moscow.

E-mail: felixg@netbynet.ru

ЧЕРЧИЛЛЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

CHURCHILL ABOUT THE SECOND WORLD WAR: DISPUTED HISTORY ISSUES

Аннотация: в статье на основе объективного анализа источников выявлена суть воззрений Уинстона Черчилля на Вторую мировую войну, в истории которой до сих пор существует целый ряд нерешенных вопросов. Черчилль имел совершенно определенную позицию и принимал ответственные решения по многим проблемам, имеющим историческое значение. Их круг достаточно широк. Внимание автора статьи сосредоточено на рассмотрении наиболее острых, существенных и до сих пор спорных вопросов: Мюнхенское соглашение 1938 года, «польский вопрос» и послевоенное устройство мира.

Ключевые слова: Черчилль, Сталин, Мюнхенское соглашение 1938 года, «польский вопрос», раздел сфер влияния, послевоенное устройство мира.

Abstract: based on an objective analysis of the sources, the article reveals the essence of Churchill's views on the Second World War, in the history of which there are still a number of unresolved issues. Churchill had a very definite position and made responsible decisions on many problems of historical significance, their circle was quite wide. The attention of the author of the article is focused on the consideration of the most acute, significant, and still controversial issues: the Munich Agreement of 1938, the "Polish" question and the post-war structure of the world.

Key words: Churchill, Stalin, the Munich Agreement of 1938, the “Polish question”, the division of spheres of influence, the post-war world order.

«Praestat cautela quam medela»
(«Предостеречь лучше, чем исправлять», лат.)

Всемирно известный государственный, политический и военный деятель Уинстон Черчилль оставил неизгладимый след в мировой истории. Он прошел две мировые войны, был непосредственным участником главных политических событий XX века, изменивших мир. Именно Черчилль был единственным европейским политиком, который резко осудил Мюнхенский договор (1938 г.), открывший прямую дорогу ко Второй мировой войне. Черчилль в качестве нового премьер-министра провел Великобританию через Вторую мировую войну. Он всегда верил в победу и вселял эту надежду в других: «Сейчас перед нами общая цель: довести эту войну до победного конца и сделать всё возможное и невозможное, чтобы избежать рабства и позора, какой бы высокой ни была цена победы, какие бы страдания нам ни пришлось перенести» [14, с. 286–290].

Велики были заслуги Черчилля в создании Антигитлеровской коалиции. Его стремление к победе над нацизмом послужило основой для объединения общих усилий ведущих стран – СССР, США, Великобритании – в борьбе с гитлеровской Германией и милитаристской Японией. Велика была роль «Большой тройки» по созданию новой системы международной безопасности, олицетворением которой стала Организация Объединенных Наций, и в новом послевоенном мироустройстве. Черчилль вместе со Сталиным и Рузвельтом был одним из создателей Ялтинской системы, по лекалам которой в своей основе мир живет до сих пор.

На основе анализа источников можно выявить суть воззрений Черчилля на Вторую мировую войну, в истории которой до сих пор существует целый ряд нерешенных вопросов. Следует сосредоточиться на рассмотрении наиболее острых и до сих пор спорных вопросах, а именно: на оценке Черчиллем Мюнхенского договора 1938 года; на суждениях Черчилля по «польскому вопросу», поскольку именно с Польши началась Вторая мировая война, а польское правительство в изгнании, признанное не все-

ми, находилось в Лондоне; на представлениях Черчилля о послевоенном мироустройстве.

О Мюнхене: между двух мировых войн

Кульминацией губительной политики «умиротворения» стал Мюнхенский сговор Великобритании, Франции, Германии и Италии, направленный на расчленение Чехословакии. Заключив Мюнхенское соглашение (1938 г.), западные государства откровенно вступили на путь «умиротворения» нацистской Германии. Между тем Германия определила направление дальнейшей экспансии. Гитлер планировал захватить Польшу, к которой у Германии были территориальные претензии из-за ограничения ее выхода к Балтийскому морю, закрепленному Версальским договором (1919 г.), а затем, накопив необходимые силы и укрепив тылы, выступить против Соединенного Королевства как основной колониальной и морской империи в борьбе за колонии и господство на море, а также против Франции, с которой у Германии были непримиримые территориальные противоречия из-за Эльзаса и Лотарингии, отошедших к ней после Первой мировой войны по Версальскому договору. Великобритания и Франция, стараясь отвести гитлеровскую агрессию от себя, согласились на передачу чехословацкой Судетской области Германии на основе «права наций на самоопределение», поскольку фактически на этой территории проживали более 50% этнических немцев (так называемые немецкие чехи, или чешские немцы), а Польша с согласия Гитлера получила часть территории Чехословакии. Война становилась неизбежной. Польша являлась наиболее вероятным объектом нападения Германии, но основной целью дальнейшей германской экспансии был Советский Союз.

Речь Черчилля в Палате общин от 5 октября 1938 года после восторженной встречи тогдашнего британского премьер-министра Чемберлена, возвратившегося после подписания Мюнхенского договора, имела резкий изобличающий тон, явно контрастирующий с теми похвалами, которыми осыпали Чемберлена члены парламента, и называлась «Полное и безоговорочное поражение». Черчилль открыто заявил: «Если бы летом [1938 г.] Франция и Великобритания выступили сообща, особенно при условии

поддержания союзнических отношений с Россией, то они смогли бы повлиять на многочисленные маленькие государства Европы и они бы даже сумели склонить на свою сторону Польшу в тот момент, когда германский диктатор раздумывал, стоит ли ему затевать новую авантюру» [14, с. 245]. И это был единственно верный анализ сложившейся критической ситуации. Черчилль, таким образом, выступает здесь не просто как политический оппонент Чемберлена, а как серьезный и ответственный за судьбы мира политик. Он полагал, что ни одна из гарантий, данных английским правительством Польше и Румынии, «не имела военных ценностей иначе, как в рамках общего соглашения с Россией» [13, т. 1, с. 169]. Черчилль ясно понимал, что целью Мюнхена было вытеснить Россию из политики Европы, выиграть время и завершить вооружение Германии. Но это, по словам Черчилля, были «годы его пустынного одиночества», поскольку никто из политиков, на которых лежала ответственность за принятие значимых для судеб мира решений, его в то время не поддержал. А он ясно предвидел пагубные последствия заключения Мюнхенской сделки.

Черчилль прекрасно осознавал, что Мюнхенский договор имел конечной целью не только отведение германской агрессии от себя, но и направление ее главного удара против СССР, что давало веский повод для ответных действий советского руководства оборонительного характера. Черчилль предельно точно выразил смысл кризисной ситуации, обусловившей внешнеполитические шаги СССР, заключившего Пакт о ненападении с Германией (от 23 августа 1939 г.): «В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на Запад исходные позиции германских армий, с тем чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи. Им нужно было силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной» [13, т. 1, с. 189]. Безусловно, договор между Великобританией и Германией за счет Советского Союза мог привести к совместному «крестовому походу» объединенной Европы против СССР и к неминуемой тяжелой войне, что прекрасно осознавал и Сталин. Целью Великобри-

тании и Франции было развернуть агрессию Германии на Восток и столкнуть между собой Советский Союз и Германию.

Черчилль с самого начала мудро и дальновидно предрекал провал Мюнхенского соглашения и дал ему уничижительную оценку: «Расчленение Чехословакии под нажимом Англии и Франции равносильно полной капитуляции западных демократий перед нацистской угрозой применения силы. Такой крах не принесет мира и безопасности ни Англии, ни Франции. Наоборот, он поставил эти две страны в положение, которое будет становиться всё слабее и опаснее. Речь идет об угрозе не только Чехословакии, но и свободе, и демократии всех стран. Мнение, будто можно обеспечить безопасность, бросив малое государство на съедение волкам, – роковое заблуждение» [13, т. 1, с. 143–144]. В этих словах Черчилля заключалось ясное предвидение дальнейших трагических событий.

Чехословакия стала отличным плацдармом для нападения на Польшу, которая в 1938 году считала себя союзницей Германии и вместе с ней приняла участие в разделе Чехословакии. В свою очередь, захват Польши давал в руки Гитлеру наиболее выгодный плацдарм для нападения на Советский Союз. Мюнхенский договор сделал неизбежным немецкую агрессию против Польши. Таким образом, Мюнхенский договор был одним из основных факторов, приведших ко Второй мировой войне [3]. Провальная и недальновидная политика западных правительств, закрывавших глаза на агрессивные экспансионистские устремления гитлеровской Германии и надеявшихся направить ее агрессию на Восток, главным образом на СССР, привела к тяжелым последствиям для самих этих стран.

Уинстон Черчилль гениально выразил позорную суть Мюнхенского договора: «Мы потерпели полное и сокрушительное поражение. Я нахожу невыносимым сознание, что наша страна входит в орбиту нацистской Германии, подпадает под ее власть. Однако народ должен знать правду. Он должен знать, что мы без войны потерпели поражение, последствия которого мы будем испытывать очень долго. Он должен знать, что мы пережили ужасный этап нашей истории, когда было нарушено всё равновесие Европы и когда на время западным демократиям вынесен ужасный приговор. И не думайте, что это конец. Это только начало расплаты» [13, т. 1,

с. 153–154]. Эта оценка кризисных процессов в мире, приведших ко Второй мировой войне, имеет непреходящее значение.

После Мюнхена Гитлер развернул свою агрессию против западных государств, которые никак не ожидали, что политика «умиротворения» обернется против них самих, хотя Черчилль это предвидел. В свою очередь, СССР в 1939 году не мог воевать с Германией, а значит, и со всей Европой. Более того, у СССР были обоснованные опасения получить войну на два фронта – и в Европе, и в Азии, учитывая его евразийское геополитическое положение. Черчилль прекрасно осознавал все риски, исходившие от сложившейся ситуации: «Советский Союз был один на один с Германией в Европе, а на другом конце мира над ним нависла Япония» [13, т. 2, с. 293]. Это единственно верный анализ.

Еще в преддверии Мюнхена Гитлер совершенно открыто заявлял о своих намерениях. Так, в своей беседе от 18 сентября 1938 года с тогдашним британским премьер-министром Чемберленом [6] он заметил, что будет сожалеть, если из-за «чехословацкой проблемы» возникнет мировая война. Но эта опасность, однако, не поколеблет его в своем решении. Кроме того, фюрер недвусмысленно подчеркнул, что «Германия постоянно будет сохранять в силе требование о возвращении колоний и что от этого требования Германия никогда не откажется». И это свидетельствует о наличии глубоких противоречий между гитлеровской Германией и Великобританией, а также другими странами Запада.

Совершенно очевидно, что существовали острые противоречия после Первой мировой войны – Германию угнетало то, что Франция получила Эльзас, Лотарингию и оккупировала Рур. Имея гарантии на Востоке, Германия развязала войну на Западе. После падения Франции (с июня 1940 г.) Великобритания одна вела войну с Германией, не имея континентальной армии, и СССР фактически остался один на один с войсками Германии и ее союзников. Соединенное Королевство для Сталина было оплотом империалистической агрессии, и солидаризироваться с ним для СССР было недопустимо, да и для Великобритании большевистская Россия всегда была идеологическим врагом «номер один», поскольку именно Мюнхенское соглашение окончательно открыло путь к войне. Черчилль справедливо назвал роковую цепь

исторических событий между двумя мировыми войнами «от войны к войне» [13, т. 1], а кризисную ситуацию накануне Второй мировой войны образно охарактеризовал как «надвигающуюся бурю» [13, т. 1].

О мотивах налаживания контактов с СССР

Практически во всей отечественной литературе превалирует версия о том, что Черчилль предупреждал Сталина о предстоящем германском нападении, но Сталин его предупреждениям не внял. На деле ситуация выглядела гораздо сложнее.

Конечно, с точки зрения Сталина, Черчилль – это политический лидер, который еще в 1918 году самым первым понял величайшую опасность «большевистской тирании» и стремился к тому, чтобы русский народ от нее избавился, и свои взгляды Черчилль никогда не скрывал.

По провальным итогам Мюнхена, когда в сентябре 1939 года Гитлер развязал войну, можно было уверенно предполагать, что в стратегическом плане и в 1940 году Великобритания по-прежнему мечтала, чтобы война для Германии превратилась в войну на два фронта, поскольку это был единственный путь ее спасения. Надо понимать политическую и стратегическую обстановку 1940 года, когда Гитлер, фактически не встречая препятствий, оккупировал половину Европы, Франция стремительно пала, британская континентальная армия была разгромлена, а в мае 1941 года Великобритания – величайшая морская держава – начинает проигрывать Германии битву за Атлантику. Конечно, интерес Черчилля, когда он писал Сталину, вовсе не состоял в спасении «большевистской тирании», поскольку он всегда был твердо убежден, что за большевизмом стоит «мрачная и злоеющая империя зла» [14, с. 134]. Его замысел заключался в спасении именно Британской империи. Свое первое большое письмо Черчилль написал Сталину 25 июня 1940 года, когда ни у Гитлера, ни у германских военных конкретного плана войны против СССР еще не было. Однако, начав Вторую мировую войну с нападения на Польшу, Гитлер сделал войну против Запада неотвратимой, при этом оставив позади себя «нейтральный» СССР. Именно с этого момента война на два фронта стала для него неизбежной. Решение начать войну на Востоке против СССР, не дожидаясь

победы на Западе, явилось роковой ошибкой Гитлера. Потенциал Германии в 1941 году был меньше советского, и в предстоящей войне с СССР Гитлер мог рассчитывать только на блицкриг, но в итоге жестоко просчитался. А униженный и находящийся на грани окончательного поражения Запад, не будучи в состоянии самостоятельно одолеть Германию, вынужден был с тревогой выжидать, что будет с СССР, не падет ли и он так же стремительно, как Франция. Ведь Гитлер, после советско-финской войны 1939–1940 годов назвал СССР «колоссом на глиняных ногах». Иными словами, союзнические отношения Великобритании с СССР были вынужденными.

Письма Черчилля были основаны не на конкретном знании германских планов, а на трезвом прагматичном расчете. Черчилль обращает внимание Сталина на европейскую ситуацию: сегодня у Британии проблемы с Гитлером, а завтра они неизбежно будут и у Советского Союза. Черчилль призывает Сталина к объединению против Гитлера, то есть к вступлению Советского Союза в войну на стороне Великобритании и всей покоренной Европы. Однако Сталин очень осторожно относился к посланиям Черчилля, поскольку все они приходили к нему в те моменты, когда сам Черчилль находился в очень тяжелом положении. Самое известное письмо Черчилля из числа написанных Сталину было получено им 19 апреля 1941 года [8]. Большинство историков полагают, что именно это письмо было главным предупреждением Сталину об опасности, грозящей Советскому Союзу. Однако представляется, что смысл этого письма был гораздо глубже. Послание Черчилля, безусловно, имеет исключительную важность, но его никак нельзя рассматривать только как предупреждение о готовящейся агрессии Германии против СССР. В гораздо большей степени это послание является призывом к Сталину вступить в войну с тем, чтобы спасти Великобританию. Сам Черчилль отчетливо понимал, что «советское правительство прекрасно знает о том, что мы нуждаемся в его помощи». Однако Сталин не мог нанести превентивный удар по Германии, хотя осознавал всю неизбежность войны. Вместе с тем он прекрасно понимал, что в случае падения Великобритании он останется один на один с Германией. И политика Советского Союза состояла в том, чтобы избежать войны с Германией, а дальнейшем – наблюдать воз-

можный крах Великобритании и вкусить плоды победы над своим давнишним идеологическим противником. Начать войну с Россией легко, закончить трудно. Сталин знал, что для Гитлера война на два фронта является самоубийством. Сталин полагал, что Гитлер на самоубийство не пойдет и не начнет войну на Востоке, не завершив ее на Западе. И Сталин терпеливо ждал завершения германо-британской войны, «когда мир сотрясается в своих основах и когда гибнут могущества и падают величия» [9].

Между тем, когда Гитлер напал на СССР, Черчилль, будучи уже премьер-министром, сразу же, 22 июня 1941 года, решительно заявил о необходимости вступления в союз с Россией, то есть с тем самым большевизмом, который он когда-то старался «задушить в зародыше». Черчилль не преминул напомнить, что в свое время он «открыто и прямо предупреждал Сталина о том, что его ждет. Предупреждал его так же, как и всех остальных» [14, с. 394–400]. Он заявил, что «у Британии нынче одна главная и неизменная цель – уничтожить Гитлера и искоренить нацистский режим». И это важно понимать, тем более тогда, когда «на переднем плане, на линии фронта русские солдаты бесстрашно встают на защиту родной земли». А потом Черчилль произнес пророческие слова: «Это не классовая война, а война, в которую вовлечены все, независимо от их расы, вероисповедания и партийной принадлежности. Если Гитлер воображает, будто его нападение на Советскую Россию вызовет хотя бы малейшие разногласия по поводу основных целей между великими демократиями, которые уже вынесли ему обвинительный приговор, и заставит их ослабить напор борьбы, то он заблуждается. Напротив, очередное преступление нацизма лишь укрепит нашу уверенность в своей правоте и послужит стимулом для активизации усилий, направленных на избавление человечества от гитлеровской тирании» [14, с. 399]. Так создавались основы Антигитлеровской коалиции, к чему Черчилль приложил огромные усилия.

Переписку лидеров «Большой тройки» надо рассматривать в широком политическом, военном и стратегическом контексте глобальной войны, что позволяет лучше понять мотивы действий сторон. «Великий альянс», как назвал его Уинстон Черчилль, был уникальным явлением в истории мировой политики. Лидеры трех государств вели переговорный процесс по всему кругу основных

проблем совместного ведения войны и послевоенного мироустройства. Во внешней политике Черчилля ясно прослеживаются две основные стратегические цели. Во-первых, сохранить Великобританию, поскольку над ней действительно нависала серьезная угроза. Во-вторых, попытаться сохранить всё что можно из Британской империи. Достижения именно этих целей Черчилль последовательно добивался.

О «польском вопросе»

В связи с обострением ситуации вокруг Чехословакии позицию СССР по оказанию ей помощи и созданию системы коллективной безопасности в Европе западные страны откровенно игнорировали. Как пронизательно и дальновидно отмечал Черчилль, вместо того, чтобы учитывать мнение одной из величайших заинтересованных держав, «всё время подчеркивалось двуличие Советского Союза и его вероломство. Советские предложения фактически игнорировали. Эти предложения не были использованы для влияния на Гитлера. Впоследствии мы дорого заплатились за это!» [13, т. 1, с. 144–145].

Участие не только крупных западных государств в неблагоприятном Мюнхенском соглашении, но и таких стран, как Польша и Венгрия, не спасло их от дальнейшего завоевания и расчленения. Не случайно Черчилль безжалостно назвал Польшу и Венгрию, вкусивших плоды Мюнхена и беззастенчиво участвовавших в ограблении и уничтожении Чехословацкого государства, жадными «мюнхенскими гиенами», терзавшими «труп Чехословакии» [13, т. 1, с. 151, 162–163]. Лидеры Польши всеми силами препятствовали созданию системы коллективной безопасности в Европе с участием СССР. Черчилль образно охарактеризовал Польшу как «авангард антибольшевизма», пояснив: «Левой рукой она поддерживала антисоветские Прибалтийские государства, а правой рукой она помогла ограбить Чехословакию в Мюнхене» [13, т. 1, с. 185–186].

Западные руководители недооценили того, что было тогда истинными причинами действий Гитлера [см.: 2; 7; 11]. Дело здесь не только в Данциге, поскольку Германия хотела полностью контролировать выход к Балтийскому морю. Дело даже не столько в самой Польше, на которую Германия рано или поздно напала

бы в любом случае из-за Данцигского коридора, так как Польша фактически стала заложником гитлеровской Германии и жертвой собственных политических амбиций. Дело в том, что гитлеровской Германии нужно было пробить дорогу для агрессии против Советского Союза, что и было ее главной определяющей целью. Советский Союз до последней возможности старался использовать любой шанс создать Антигитлеровскую коалицию, вел переговоры с военными представителями Франции и Великобритании, тем самым пытался предотвратить начало Второй мировой войны, но практически остался в изоляции. СССР был последним из заинтересованных государств Европы, кто вынужден был подписать с Германией Пакт о ненападении.

Советско-польские отношения в годы Второй мировой войны прошли сложный и противоречивый путь развития.

Конференция в Тегеране (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) обсудила «польский вопрос». Черчилль и Рузвельт пытались побудить Сталина к восстановлению отношений с правительством Польши в Лондоне, прерванных Советским Союзом в апреле 1943 года. И здесь, безусловно, встал вопрос о том, в каких границах будет существовать Польское государство. Черчилль подтвердил: «... для Соединенного Королевства польский вопрос является важным, ибо мы объявили Германии войну за то, что она вторглась в Польшу. Хотя Великобритания еще не была подготовлена, нападение на Польшу вовлекло нас в войну. Одна из главных целей союзников – обеспечение безопасности западной границы Советского Союза и, таким образом, предотвращение нападения со стороны Германии в будущем. При этом я напомнил Сталину об упоминании им линии Одера на Западе» [13, т. 5, с. 246]. Сталин в свою очередь заявил: «Россия даже больше, чем другие государства, заинтересована в хороших отношениях с Польшей, ибо для нее это является вопросом безопасности ее границ. Россия – за восстановление, развитие и расширение Польши главным образом за счет Германии», – и изложил свое видение польских границ, потребовав гарантии от Великобритании. Черчилль в принципе поддержал Сталина, сказав, что считает поставленные Россией условия справедливыми, причем ему удалось убедить в этом поляков. Черчилль подтвердил: «Чего мы хотим, так это сильной и независимой Польши, дружественной к России»

[13, т. 5, с. 246]. Однако Сталин тут же отреагировал, заявив: «Нельзя позволить полякам захватить украинскую и белорусскую территории. Это было бы несправедливо. В соответствии с границей 1939 г. земли Украины и Белоруссии были возвращены Украине и Белоруссии. Советская Россия придерживается границ 1939 г., потому что они справедливы с этнической точки зрения» [13, т. 5, с. 247]. Когда Сталина спросили, означает ли это линию Риббентроп – Молотов, Сталин сказал: «Называйте ее как хотите», – а Молотов подтвердил, что эту линию обычно называю «линией Керзона». Оказалось, что понимание того, что такое «линия Керзона» у участников конференции неодинаково. Целью Сталина было «оставить Львов на русской стороне». После долгих споров Черчилль поддержал русских и убедил поляков в обоснованности новой границы, проходящей по Одере в «русском варианте» [13, т. 5, с. 247–248].

Вопрос о Польше был болезненным и спорным для советско-британских отношений. В Тегеране Сталин подтвердил, что восточная советско-польская граница должна проходить по линии, установленной в сентябре 1939 года, и со своей стороны предложил передвинуть западную польскую границу к Одере. Понимая, что СССР в этом вопросе будет стоять насмерть, Черчилль выдвинул схожее компромиссное предложение, заметив, что земли, получаемые Польшей, гораздо лучше земель, которые она отдает.

Принимая во внимание твердую позицию Сталина, в итоге было принято компромиссное предложение Черчилля о том, что претензии Польши на земли Западной Белоруссии и Западной Украины будут удовлетворены за счет Германии, вдоль линии Одер – Нейсе, а в качестве границы на Востоке должна быть условная «линия Керзона». Его итоговое предложение было одобрено всеми участниками конференции. По настоянию президента США Рузвельта, договоренности, достигнутые в Тегеране, не были официально представлены польскому правительству в эмиграции к моменту очередных президентских выборов в США.

На Тегеранской конференции состоялся первый обмен мнениями на высшем государственном уровне по послевоенным проблемам, в том числе по «польскому вопросу», имевшему

принципиальное значение для мирного урегулирования в Европе, но вызывавшему опасения союзников относительно стремления СССР утвердить в Польше в дальнейшем просоветский режим. Однако им пришлось в целом принять советскую позицию в целях укрепления военного союза трех держав, а также ради скорейшего завершения войны. Конкретные решения по «польскому вопросу» предстояло принять в дальнейшем. Кстати, упоминая о Черчилле после встречи в Тегеране в беседе с А.А. Громыко, Рузвельт дал понять, что «английский премьер – трудный партнер» и что для достижения согласия на конференции пришлось «нажимать на Черчилля», который в итоге «повернулся в сторону поиска договоренностей, и мы их нашли» [5, т. 1, с. 222]. А.А. Громыко, выдающийся советский дипломат и государственный деятель, участник исторической Ялтинской конференции, подписавший в дальнейшем Устав ООН на конференции ООН в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.), отмечал историческое значение трех фигур – Сталина, Рузвельта и Черчилля – и подчеркивал их способность проявлять гибкость ради достижения общих целей [5, т. 1, с. 228].

«Польский вопрос» на Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.) стал одним из самых сложных и дискуссионных. На его обсуждение были затрачены огромные усилия, но результаты этого обсуждения оказались малоудовлетворительными. Это связано со следующими аспектами польской проблемы. По Ялтинским решениям СССР получил западную границу с Польшей по «линии Керзона», установленной еще по Рижскому договору 1921 года (определившему границы между РСФСР, УССР, БССР и Польской Республикой, когда к Польше отошли обширные территории, находившиеся к Востоку от «линии Керзона», с преобладанием непольского населения – Западная Украина, Западная Белоруссия и часть территорий других губерний бывшей Российской империи), с отступлением от нее в некоторых районах в пользу Польши. Фактически граница вернулась к положению на момент раздела Польши между Германией и СССР в 1939 году по Договору о дружбе и границе между СССР и Германией, основным отличием от которого стала передача Польше Белостокского региона.

Хотя Польша к началу февраля 1945 года в результате наступления советских войск уже находилась под властью временного

правительства в Варшаве, признанного правительствами СССР и Чехословакии (Эдварда Бенеша), в Лондоне находилось польское правительство в изгнании, которое не признало решения Тегеранской конференции о «линии Керзона» и потому не могло, по мнению СССР, США и Великобритании, претендовать на власть в стране после окончания войны. Однако было ясно, что это польское правительство никаких основополагающих самостоятельных решений в принципе принимать не могло.

Черчилль в Ялте посчитал своим долгом «изложить позицию правительства его величества» о том, что он неоднократно заявлял в парламенте и других публичных выступлениях о своей решимости поддержать притязания СССР на «линию Керзона» в толковании советского правительства, и пояснил, что это означало «присоединение Львова к СССР» [13, т. 6, с. 206]. Далее он добавил: «Я всегда считал, что это требование России основывается не на силе, а на праве, если учесть страдания, перенесенные Россией при защите своей территории от немцев и ее великие подвиги при изгнании немцев и освобождении Польши» [13, т. 6, с. 206]. Надо признать, что Черчилль как никто другой умел находить разумные компромиссы при решении масштабных геополитических задач по разделу сфер влияния в Европе. К тому же его государственное мышление подсказывало, что важнее было найти соглашение со своим союзником, Советским Союзом, для достижения конечной цели – окончательного разгрома нацистской Германии. В этом же русле звучало следующее его заявление: «Создание сильной, свободной и независимой Польши – гораздо более важный вопрос, чем те или иные территориальные границы. Я хотел бы, чтобы поляки могли быть свободными и жить так, как им нравится. Я всегда слышал от маршала Сталина самые твердые заявления о поддержке этой цели, и именно потому, что я доверяю его заявлениям относительно суверенитета, независимости и свободы Польши, я считаю вопрос о границе менее важным. Вопрос о свободе Польши дорог всем англичанам и всему Содружеству наций» [13, т. 6, с. 206]. Черчилль сказал также, что следует создать польское правительство в новом составе, которое могло бы подготовить свободное голосование польского народа по вопросу о будущей конституции и управлении. И в таком случае, отметил Черчилль, «мы сдела-

ли бы великий шаг вперед на пути к будущему миру и процветанию Центральной Европы» [13, т. 6, с. 207]. Сталин в своем выступлении в целом согласился с Черчиллем, заявив: «Для Англии Польша – вопрос чести. Однако для России это вопрос как чести, так и безопасности», – и далее он аргументировал: «Это вопрос чести, потому что у русских было много конфликтов с поляками и Советское правительство хочет устранить причины подобных столкновений. Это вопрос безопасности не только потому, что Польша граничит с Россией, но и потому, что на протяжении всей истории Польша служила коридором, через который проходили враги России для нападения для нее [13, т. 6, с. 207]. Получается, что Польша, по мнению Сталина, ввиду несостоятельности своего государства стала невольной жертвой коварной политики Германии. И далее Сталин развивает свою мысль: «За последние 30 лет немцы дважды прошли через Польшу. Они прошли потому, что Польша была слаба. Россия хочет видеть Польшу сильной и могущественной, свободной и независимой. Это вопрос жизни и смерти для Советского государства» [13, т. 6, с. 208]. Сталин в данном случае отстаивал свои геополитические интересы.

Очень интересно замечание Сталина относительно «линии Керзона», заявившего, что она была изобретена не русскими: «Она была намечена Керзоном, Клемансо и представителями Соединенных Штатов на конференции 1919 г., куда Россия не была приглашена. “Линия Керзона” была принята против воли России на основе этнографических данных. Ленин с ней не соглашался. Русские уже отступили от этой позиции Ленина, а теперь кое-кто хочет, чтобы Россия взяла себе меньше, чем соглашались ей дать Керзон и Клемансо. Это было бы постыдно» [13, т. 6, с. 208]. Иными словами, Сталин подтверждал справедливость построения границ по национально-этническому принципу и настаивал на том, чтобы «компенсировать Польшу за счет Германии» [13, т. 6, с. 208], что и было в результате достигнуто. Представляется, что геополитические интересы перевесили идеологические разногласия союзников, и ради достижения общей победы над Германией Польша явилась в определенном смысле «разменной монетой» в большой политике по разделу сфер влияния в мире между великими державами. С одной стороны, союзникам просто необходимо было договориться, чтобы выиграть войну против Германии. С другой сторо-

ны, никто не хотел сдавать позиции в борьбе за мировое влияние. Вместе с тем находить компромиссы они умели.

Союзники в Ялте осознавали, что «новое положение создавалось в Польше в результате полного освобождения ее Красной Армией». Сталин в Ялте сумел добиться от союзников согласия на создание нового правительства в самой Польше – Временного правительства национального единства – на базе Временного правительства Польской Республики «с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы», то есть не только коммунистов. И хотя окончательное решение по ряду вопросов, в том числе по «польскому» – о правительстве и границах Польши, – окончательно было принято позднее, на Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.), то есть уже после разгрома нацистской Германии, результаты переговоров в Ялте сыграли решающую роль в создании послевоенного мироустройства.

По окончании Ялтинской конференции Черчилль предложил одобрить ее результаты в Палате общин. Он заявил: «Впечатление, сложившееся у меня после поездки в Крым и после других встреч, таково, что маршал Сталин и советские лидеры желают жить в почетной дружбе и равенстве с западными демократиями. Совершенно очевидно, что эти вопросы касаются всей будущности земного шара. Действительно, судьба человечества была бы мрачной в случае возникновения какого-либо ужасного раскола между западными демократиями и русским Советским Союзом» [13, т. 6, с. 225]. А далее он обосновал свои мотивы «сохранения дружественных контактов с нашим великим союзником» в целях победы над немцами и сказал, что в этом «у нас не могло быть иных надежд» [13, т. 6, с. 226]. СССР, таким образом, рассматривался Черчиллем в основном как главная сила в разгромах гитлеровской Германии, а затем и милитаристской Японии.

«Польский вопрос» был принципиально важен для всего мирового сообщества и требовал принятия по нему окончательного решения. Это было связано как с необходимостью установления новых границ в Европе, так и, по сути, с определением дальнейшей судьбы послевоенной Германии. Ко времени проведения конференции в Сан-Франциско Польша, утратившая свою суверенность как государство в результате нападения на нее на-

цистской Германии, всё еще не имела общепризнанного правительства. Непосредственно на территории Польши действовало просоветское Временное правительство («Люблинское правительство»), тогда как в Лондоне находилось признанное немногими Польское правительство в изгнании. Еще на конференции в Ялте «польский вопрос» хотя и был одним из главных, но так и не был решен. К этому времени вся территория Польши контролировалась советскими войсками, и это был серьезный аргумент в пользу СССР.

На Ялтинской конференции Рузвельт, поддержанный Черчиллем, предложил, чтобы СССР вернул Польше Львов, хотя сам понимал абсурдность такого предложения. Напротив, Сталин предложил «наградить» Польшу за счет германских земель, в которых США и так не были заинтересованы. В такой ситуации Черчилль вынужден был пойти на компромисс, поскольку ослабление Германии за счет отторжения у нее земель было для него, равно как и для СССР, гораздо важнее. Сильная единая Германия в тех условиях никому не была нужна, а ООН создавалась «на обломках нацистской Германии». И Черчилль убедил Рузвельта уступить. В итоге Сталин, также идя на компромисс, пообещал реорганизовать Временное польское правительство на «широкой демократической основе», а участники конференции подтвердили старое решение Антанты относительно польской границы на Востоке: «линия Керзона» с небольшими поправками. Западная же граница Польши должна была пройти по германским землям. В решениях Ялтинской конференции, в том числе по «польскому вопросу», был принципиально подтвержден раздел сфер влияния: Восточная Европа остается в советской, а Западная Европа и Средиземноморье – в англо-американской сфере влияния.

Таким образом, в Ялте ради установления будущего мира и Черчилль, и Рузвельт приняли условия Сталина по «польскому вопросу», и это было важно, поскольку надо было завершить войну и установить мир. Вместе с тем, предусмотреть все последствия принятых решений объективно было невозможно, однако в целом стратегическое равновесие в смысле раздела мира на сферы влияния было определено на долгие годы. Исторический опыт свидетельствует о том, что ради прекращения войны и установления мира союзниками были отброшены идеологиче-

ские разногласия, агрессор, развязавший войну, был повержен, и верх взяла политическая целесообразность. Важнейшие договоренности, воплощавшиеся затем в официальные международные соглашения и договоры, достигались на основе сложных компромиссов и огромной содержательной дипломатической работы.

О новой системе международной безопасности

Итоги Ялтинской конференции и создание Ялтинской системы в целом зачастую оценивают негативно, особенно в странах Восточной Европы, из-за «попустительства» Черчилля и Рузвельта Сталину и как «позор для западных демократий». На самом деле лидеры трех великих держав были прагматиками и реалистами – каждый, разумеется, желал выгадать послевоенные условия мира, наиболее благоприятные для своей собственной страны, но при этом приходилось принимать во внимание и интересы партнеров-соперников. В такой ситуации все прочие интересы на переговорах «Большой тройки» являлись лишь косвенным подтверждением их стремления достичь главной цели – геополитического раздела мира на сферы влияния. То, что интересы Сталина относительно Восточной Европы придется учитывать, было очевидно и для Рузвельта, и для Черчилля, который воспринимал это куда болезненней, но как очевидный факт. Черчилль поначалу сопротивлялся восприятию ООН как глобальной организации безопасности, поскольку он не мог смириться с объективным распадом колониальной системы, и не столько стремился к созданию всеобщей централизованной мировой системы по координации усилий для укрепления мира и международной безопасности, сколько хотел усилить роль региональных разрозненных организаций и институтов в целях сохранения контроля над бывшими колониями.

Президент США Рузвельт выступал с идеей создания Организации Объединенных Наций как глобального института по координации усилий для предотвращения новой войны. Он называл ООН «своим любимым детищем». Сталин поддержал эту идею сразу, а вот Черчилль разглядел в ней «антибританский подвох». Действительно, по мнению Рузвельта, Великобритания была империалистической державой, а ликвидацию колониальной систе-

мы президент США считал одним из приоритетов послевоенного урегулирования. Поэтому он предлагал установить опеку ООН над всеми колониальными территориями. Когда американцы представили соответствующий документ, Черчилль возмущенно объявил, что не допустит вмешательства в дела Британской империи. Апеллируя к Сталину, Черчилль вопрошал: «Как отнесся бы Сталин к предложению интернационализировать Крым? Даже страшно подумать об этом!» [см.: **1**; **2**; **15**]. Потрясающая прозорливость!

В «Большой тройке» вес трех держав был явно неравный. Главная военная мощь – это СССР, главная экономическая мощь – это США. И слабейшим участником «Большой тройки» была Британская империя, обескровленная войной и раздираемая противоречиями в Индии, Палестине, и т.д. У Британии с ее островами и колониями, которые надо было оборонять, не было экономики, сравнимой с США, и не было военной мощи, сравнимой с СССР. Кроме того, у нее было множество внутренних политических проблем.

Ялтинская конференция «Большой тройки» определила будущую историю на десятилетия вперед. Принятие на конференции согласованных решений по важным вопросам в очередной раз показало возможность международного сотрудничества государств с разным общественным строем. Созданный в Ялте биполярный мир и жесткий раздел Европы на Восток и Запад сохранялись в неизменном виде полвека, до распада Советского Союза, что говорит об устойчивости этой системы. Однако нельзя полагать, чтобы нынешнее мироустройство стало лучше и справедливее. Ялтинская система не исчезла совсем: она сохраняет свою взрывоопасную силу в причудливом калейдоскопе старых и новых государств стремительно меняющегося мироустройства. Ялтинская система, безусловно, является рудиментом прежней, давно ушедшей в прошлое эпохи, которая до сих пор делит мир на победителей и побежденных и до сих пор порождает бесконечные региональные международные конфликты, преодолеть которые очень сложно. Вместе с тем радикальных изменений в своих основах ялтинская система не потерпит: слишком дорогой ценой достался нынешний хрупкий мир без войны. Государствам – учредителям ООН, несущим главную от-

ветственность за судьбы мира, необходимо действовать тонко и деликатно, по принципу «не навреди».

Творцами ООН явились страны-победители: СССР (Россия), США и Великобритания. Подписание Устава ООН (26 июня 1945 г.) на конференции в Сан-Франциско – особая веха, которая ознаменовала, с одной стороны, итог долгой подготовительной работы, а с другой – начало нового рубежа, связанного с ратификацией Устава ООН как главной основы международного права. ООН и сейчас остается уникальным координирующим центром принятия решений по ключевым международным проблемам.

О первоначальных членах ООН («primary membership») – объектах спора

Государства – учредители ООН – ее первоначальные члены, главными из которых были великие державы, члены «Большой тройки», – обладали рядом преимуществ, поскольку они изначально участвовали в выработке основ Организации, ее принципов, полномочий и компетенций, что нашло свое отражение в Уставе ООН. Они имели также право формировать состав Организации, что определяло соотношение сил при принятии решений, важных для всех государств.

На Ялтинской конференции, когда был поднят вопрос о колониях, выявились расхождения между США и Великобританией. Предложение США создать международный механизм, который занимался бы подопечными и зависимыми территориями, «взорвало» Черчилля, который заявил, что он «не намерен присутствовать на похоронах Британской империи» [см.: **4; 10**]. Проблема первоначального членства («primary membership») поднималась неоднократно, вплоть до учредительной конференции ООН в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.), когда исход войны был уже predetermined. Основные принципы Устава ООН были определены еще в Ялте, и теперь требовалось принять его в окончательном варианте на самой широкой основе, поскольку ООН мыслилась как глобальная международная организация, универсальная по своей компетенции, членскому составу и легитимности. Объектами спора по включению в первоначальные члены – учредители ООН являлись четыре государственных образования: Польша, Аргентина и две советские республи-

ки – УССР и БССР. Великобритания на момент подписания Устава ООН была колониальной империей и включала в себя более 40 территорий – доминионов и колоний, ставших впоследствии независимыми государствами, пять из которых являются первоначальными членами ООН. Принятие в первоначальные члены – учредители ООН Польши имело принципиальное значение и являлось определяющим фактором в предотвращении новой войны и укреплении международной безопасности при создании послевоенного мироустройства.

В апреле–мае 1945 года вопрос о действующем правительстве Польши всё еще не был решен. Сформировать общее правительство Польши, которое устраивало бы всех, не получалось из-за упорства сторон. Однако Черчилль, взяв на себя роль главного посредника в переговорах с польским правительством в изгнании, намекнул полякам, что продолжая упорствовать, они только проиграют. Поляки, по сути, ничего не могли противопоставить его аргументации, но все-таки продолжали затягивать окончательное решение вопроса. Участие Польши в ООН откладывалось до создания правительства, устраивающего все стороны.

Тем временем под давлением СССР Польша была включена в список подписывающих Устав ООН стран, а 5 июля 1945 года Великобритания и США признали Временное правительство Польши в качестве законного «под гарантии СССР» о включении в его состав «не только коммунистов». На этих условиях Черчилль готов был подтвердить принятие границ, очерченных Сталиным. Это, наконец, привело к окончательному согласию великих держав по «польскому вопросу» и позволило Польше после урегулирования всех разногласий, в том числе и по поводу ее территориальных границ, войти в состав стран – учредителей ООН.

О Победе во Второй мировой войне

Победители во Второй мировой войне – это союзники по Антигитлеровской коалиции, прежде всего СССР, которые при поддержке своих народов победили нацизм, основали новую систему международной безопасности и создали новые глобальные институты – Организацию Объединенных Наций, которая уже 75 лет является главным гарантом мира по предотвращению новой мировой войны.

В своем выступлении «Победа в Европе» в Палате общин 8 мая 1945 года Черчилль со всем уважением к советскому народу особо подчеркнул, что «мы обязательно воздадим должное нашим русским товарищам, чьи подвиги на полях сражений стали одним из главных факторов нашей общей победы» [14, с. 501]. А затем в другом своем публичном выступлении в Лондоне [14, с. 504] Черчилль предупредил, что предстоит борьба с еще одним врагом – Японией – и что в этом деле «мы рассчитываем на помощь наших русских друзей и своих доблестных союзников – США», с которыми «мы будем сражаться плечом к плечу».

Черчилль был непосредственным участником и весьма проницательным аналитиком описываемых событий. Ему удалось собрать богатейший документальный материал по истории Второй мировой войны, выявить целый ряд новых неожиданных фактов и любопытных подробностей, глубоко проанализировать их, а также по-новому дать трактовку уже известных фактов. Черчилль был убежден, что «важно опираться на подлинные записи соответствующего периода» [13, т. 1, с. 8]. В этом объективно и состоит суть исторического подхода. Между тем сам Черчилль летопись событий, представленную в его фундаментальных трудах, историей не называл, но с уверенностью утверждал, что это «вклад в историю, который принесет свою пользу в будущем» [13, т. 1, с. 7], и он был прав.

Еще в 1945 году Черчилль предупреждал: «Безусловно, сейчас жизненно важно прийти к соглашению с Россией», – а также особо подчеркивал, что «проблема урегулирования с Россией затмевает все остальные проблемы» [13, т. 6, с. 329]. Черчиллю и Сталину удавалось достичь компромисса, и их опыт государственного стратегического мышления был неocenim. Мировые лидеры, одержавшие Победу во Второй мировой войне благодаря поддержке своих народов, умели в самые серьезные моменты истории, хотя и на фоне острой идеологической борьбы, ставить государственные геополитические интересы выше собственных политических амбиций, с тем чтобы избежать новой мировой войны. Во имя сохранения мира и согласия нужен компромисс. «Victoria concordia gignitur!» – «Победа порождается согласием!». И это должно стать незыблемой основой нынешнего мироустройства.

Литература

1. *Гришаева Л.Е.* Истоки создания ООН: взгляд из сегодня // От античности до современности. – М.: Собрание, 2012. – С. 105–127.
2. *Гришаева Л.Е.* ООН и ялтинская система // Дипломатическая служба. – 2014. – № 1. – С. 58–69.
3. *Гришаева Л.Е.* От Версаля к войне... О роли «буферных государств // Дипломатическая служба. – 2019. – № 2 (83). – С. 16–40.
4. *Гришаева Л.Е.* Россия и ООН: история и современность. – М.: Спутник+, 2007.
5. *Громько А.А.* Памятное: в 2 т. – М.: Политиздат, 1990.
6. Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939 гг.: в 2 т. – М.: Политиздат, 1981.
7. Накануне и после Мюнхена. Архивные документы рассказывают. К 80-летию «Мюнхенского сговора». – URL: historyrussia.org/80-letie-myunkhenskogo-soglashenie-1938-goda (дата обращения: 13.03.2020).
8. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. – М., 1989.
9. Правда. – 1940. – 4 окт.
10. Советский Союз в Организации Объединенных Наций: в 2 т. – М., 1965.
11. СССР и союзники. Документы Архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав Антигитлеровской коалиции. – URL: <http://agk.mid.ru> (дата обращения: 13.03.2020).
12. Хрупкий мир накануне войны. – URL: <http://mil.ru> (дата обращения: 13.03.2020).
13. *Черчилль У.* Вторая мировая война: в 6 т. – М.: ТЕРРА, 1997–1998.
14. *Черчилль У.* Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля. – М.: АНФ, 2018.
15. Ялта-45. Начертания нового мира // Факсимильная публикация ялтинских документов из личного архива И.В. Сталина. – М., 2010.

Акимов Юрий Германович,

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург.
E-mail: y.akimov@spbu.ru

Yury Akimov,

Doctor of History, Full Professor,
St Petersburg State University,
St Petersburg.
E-mail: y.akimov@spbu.ru

ФРАНКО-КАНАДСКИЙ / КВЕБЕКСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И ЗАРОЖДЕНИЕ КВЕБЕКСКОЙ ПАРАДИПЛОМАТИИ

FRENCH CANADIAN / QUÉBÉCOIS NATIONALISM AND THE BEGINNING OF QUEBEC PARADIPLMACY

Аннотация: статья посвящена анализу взаимосвязи между франко-канадским / квебекским национализмом и парадипломатией провинции Квебек, являющейся в настоящее время заметным и самостоятельным игроком на международной арене. Квебек начал активно развивать собственные внешние связи в первой половине 1960-х годов. В статье показано, что это было связано с общим подъемом франко-канадского национального движения («Тихой революцией»). Наиболее важную роль играло происходившее в этот период изменение отношения франко-канадцев к провинциальным политическим, экономическим и социальным институтам Квебека, который стал восприниматься ими как их собственное государственное образование (пусть и не суверенное), защищающее и выражающее их коллективные интересы. Это отношение было перенесено и в область внешних связей провинции, которые стали рассматриваться как средство обеспечения интересов всего франко-канадского сообщества и продвижения его идентичности. Показано, что парадипломатия Квебека часто была нацелена на демонстрацию его национальной специфики и использовалась провинциальными властями для достижения определенных внутривнутриполитических целей. Прежде всего, это касается «особых отношений», установившихся между Квебеком и Францией. Делается вывод о том, что внешние связи Квебека (которые в настоящее время обозначаются термином «идентификационная парадипломатия») напрямую связаны с его национальной спецификой, которая, однако, далеко не всегда выражается в стремлении к суверенитету.

Ключевые слова: Канада, франко-канадцы, Квебек, франко-канадский / квебекский национализм, международные отношения, парадипломатия, идентичность.

Abstract: the article is devoted to the analysis of interconnection between French Canadian / Québécois nationalism and paradiplomacy of the province of Quebec, which is now quite noticeable and autonomous player on the international scene. Quebec began to actively develop its own external relations at the first half of the 1960s. The article shows that this was due to the general rise of French Canadian national movement ("the Quiet revolution"). The change

in the attitude of French Canadians to the provincial political, economic and social institutions of Quebec which took place in this period played the most important role in this process. As a result they began to perceive Quebec as their own state (albeit not sovereign) and started to protect it and express their collective interests. This attitude has been projected abroad to the external relations of the province, which came to be regarded as a means of ensuring specific interests of the whole French-Canadian community and of promoting its identity. It is shown that Quebec paradiplomacy was often aimed at the demonstration of its national specificity and was used by the provincial government to achieve certain internal political goals. First of all, it concerns the "special partnership" established between Quebec and France. General conclusion is that the external relations of Quebec (which is currently designated by the term "identity paradiplomacy") are directly related to its national peculiarities, which, however, is not always expressed solely in the desire for sovereignty.

Key words: Canada, French Canadians, Province of Quebec, French Canadian / Québécois Nationalism, International Relations, Paradiplomacy, Identity.

Введение

На протяжении уже более полувека (с 1960-х гг. и до настоящего времени) канадская провинция Квебек активно действует на международной арене, где она является одним из наиболее заметных игроков из числа несuverенных территориальных акторов (нецентральных правительств). Квебек обладает разветвленной сетью зарубежных представительств, охватывающих более двух десятков стран в разных частях света, поддерживает «особые отношения» с Францией, представлен в международной организации Франкофония и ее структурах, имеет собственный голос в ЮНЕСКО.

Международная деятельность Квебека заметно выделяется на фоне внешних связей «рядовых» субъектов федераций, которые, как правило, ограничиваются установлением «горизонтальных» экономических контактов с акторами, имеющими аналогичный статус (то есть по линии субъект-субъект) в целях содействия экономическому развитию, привлечения инвестиций, эффективного управления потоками мигрантов и туристов. Квебек помимо прочего стремится к продвижению за рубежом собственной идентичности, отличной от общеканадской, и порой использует внешние связи для решения политических задач.

Данная ситуация обусловлена прежде всего национальной спецификой Квебека, который является единственной канадской провинцией, где подавляющее большинство населения составляют франкоязычные канадцы. Во всех остальных провинциях они находятся в более или менее явном меньшинстве. Фактором, оказывающим огромное влияние на всю квебекскую политику

в целом, является франко-канадский / квебекский национализм. В настоящей статье мы постараемся выяснить, какую роль национализм сыграл в становлении международной деятельности Квебека в 1960-е годы.

От «старого» национализма к «новому» национализму

Франко-канадский / квебекский национализм имеет долгую историю. Ее отправной точкой является завоевание французской колонии Новая Франция (Канада) англичанами в ходе Семилетней войны (1756–1763). С этого момента французские поселенцы (к тому времени уже в значительной степени считавшие себя канадцами), помимо своей воли превратившиеся в подданных Британской короны, стали подвергаться дискриминации и определенному ассимиляционному давлению со стороны английских властей и формирующегося и быстро растущего англо-канадского сообщества. Однако ни то, ни другое в силу стечения ряда внутренних и внешних обстоятельств не оказало на них заметного влияния. Это позволило франко-канадцам не просто выжить и сохраниться в качестве этнокультурной общности, но сформировать и развить собственное национальное самосознание и стать (наряду с англо-канадцами) одним из двух «народов-основателей» канадского государства. Всё же на протяжении почти 200 лет (с 1763 г. до начала 1960-х гг.) франко-канадцы в Британской Северной Америке / Канаде находились на положении граждан «второго сорта». Им отводились низшие ступени социальной лестницы; они имели весьма ограниченные возможности для социальной мобильности. В вышеуказанный период для франко-канадского общества была характерна «усеченная» социальная структура. Его основа состояла первоначально из крестьян, а с начала XX века – из низкоквалифицированных рабочих; относительно немногочисленный средний класс образовывала франко-канадская интеллигенция (врачи, учителя, юристы, священники и т.п.) и мелкие торговцы. Элиту составляли земельные собственники и князья церкви. Среди франко-канадцев долгое время практически не было крупных промышленников и предпринимателей, инженерно-технических работников, профессиональных военных.

Еще одной важной тенденцией исторического развития франко-канадского сообщества в указанный период было сокраще-

ние его удельного веса в масштабе всей страны. Если в конце XVIII века франко-канадцы составляли около 3/4 населения Британской Северной Америки, то к моменту образования доминиона Канада в 1867 году – не более 1/3. Уже в 1870–1880-е годы они превратились в меньшинство по всей стране, за исключением одной провинции – Квебек, расположенной в долине реки Св. Лаврентия, являвшейся историческим «ядром» Французской Канады еще со времен французского колониального господства.

Идеология франко-канадского национализма начала формироваться еще в первые десятилетия XIX века. В отдельные периоды в ней присутствовали заметные радикальные и демократические тенденции (в частности, накануне восстания «патриотов» 1837–1838 гг.). Однако в целом до середины XX века идеология франко-канадского национализма имела клерикально-консервативный и охранительный характер [10, с. 11–13]. Ее основу составляли идеи об особой миссии франко-канадцев по сохранению в англо-саксонской протестантской Северной Америке очага французского языка, католической веры и «латинской культуры» (мессианизм). Всё это соединялось с неприятием французского республиканизма и светскости, выражением абсолютной лояльности Британской короне при категорическом отказе участвовать в ее имперских войнах (лоялизм и пацифизм), добровольным самоустранением от активной роли в экономике и политике (антиэтатизм) и приверженностью сельскому труду как залого сохранения традиционных ценностей и обеспечения нравственного здоровья общества (агрикультурализм) [6, с. 119].

Чрезвычайно прочные позиции во франко-канадском обществе занимала католическая церковь. Под ее контролем находилось практически всё образование (от начальных школ до двух имевшихся в провинции Квебек франкоязычных университетов), медицина, социальные учреждения, значительная часть профсоюзов.

Духовная и светская элита стремилась к максимальной изоляции основной массы франко-канадцев от «опасных» новых веяний индустриальной эпохи (будь то либеральные ценности или коммунистические идеи). Это привело к тому, что до конца 1950-х годов франко-канадцы оставались достаточно замкнутым, консервативным обществом, а Квебек был наиболее бед-

ной и отсталой провинцией Канады. Его экономика и социальная структура имела в известной степени «колониальный» характер. Уровень жизни и уровень доходов небольшой англо-канадской общины, проживающей в провинции, существенно превосходил аналогичные показатели франко-канадского большинства; все более или менее значительные предприятия Квебека принадлежали либо американцам, либо англо-канадцам. Провинциальные власти при этом выступали в качестве агентов-посредников между трудящимися и «пришлыми» предпринимателями. Объективно они, как правило, действовали в интересах последних, но всегда прикрывали свою деятельность националистическими и охранительно-антикоммунистическими лозунгами. Особенно ярко данные тенденции проявились в период пребывания у власти в Квебеке правительств Мориса Дюплесси, создателя и лидера право-популистской партии Национальный союз (1936–1939 и 1944–1959 гг.) [4, с. 133–136]. Этот период вошел в квебекскую историю под названием «Великий мрак» (*La Grande noirseur*).

С конца 1940-х годов в Квебеке стали нарастать протестные настроения против существующего порядка вещей. Широкие массы франко-канадцев всё более остро ощущали ущербность и приниженность своего положения по сравнению с представителями других этнокультурных групп, прежде всего англо-канадцами. Поворотным моментом в жизни франко-канадского сообщества стали два события: смерть Дюплесси (1959 г.) и победа на выборах в Квебеке провинциальной либеральной партии под руководством Жана Лесажа (1960 г.). Либералы выступали под лозунгами «Нужны перемены!» и «Будем хозяевами у самих себя!». Широкие слои франко-канадского общества связывали с ними надежды на радикальное обновление самых разных сторон жизни провинции и, прежде всего, на улучшение своего социально-экономического положения.

В первой половине 1960-х годов в провинции имели место серьезные изменения, включая радикальную перестройку всей системы образования, реформу провинциальной администрации, перевод в собственность провинции гидроэнергетического комплекса и ряда других предприятий, создание новых кредитно-финансовых учреждений и т.п. Параллельно шла радикальная

трансформация франко-канадского общества, которое приобрело либеральный, открытый и светский характер. Стремительность и глубина перемен произвели такое впечатление на современников, что этот период вошел в историю Квебека под названием «Тихая революция» (Révolution tranquille).

Именно в годы Тихой революции у большинства франко-канадцев (причем как у элиты, так и у основной массы) произошло принципиальное изменение отношения к провинции Квебек (ее институтам, территории, символам и т.п.). До начала 1960-х годов Квебек воспринимался (и «снаружи» и «изнутри») как одна из канадских провинций. Дискуссии велись лишь о том, насколько велика его специфика. По данному вопросу существовало две точки зрения: одни утверждали, что он является «провинцией как все» (так утверждал в свое время Луи Стефан Сен-Лоран – второй в истории Канады федеральный премьер-министр франко-канадского происхождения); другие считали, что Квебек является «провинцией не как все» (так любил повторять Дюплесси) [5, с. 104, 106]. В то же время франко-канадцы, проживающие в других провинциях страны, не отождествляли себя с Квебеком. Понятия «франко-канадец» и «житель Квебека» далеко не всегда совпадали и тем более не были синонимами. Франко-канадцы рассматривались как этнолингвистическая общность, в разной степени представленная в масштабах всей страны и связанная происхождением, языком, культурой и религией. «Жители Квебека» вообще не воспринимались как некое однородное сообщество. Как уже упоминалось выше, в провинции имелось небольшое, но богатое и влиятельное англо-канадское меньшинство, история которого восходила к концу XVIII века.

Теперь франко-канадцы стали рассматривать Квебек как основной инструмент защиты, выражения и продвижения своих коллективных интересов и сохранения себя как национальной общности. Важно отметить что этот инструмент был, по сути, единственным, находившимся у них в распоряжении. При таком подходе Квебек воспринимался уже не просто как один из субъектов Канадской федерации, но как государственное образование, «федерированное государство» (l'État du Québec, l'État fédéré).

Квинтэссенцией этого подхода стало известное заявление Жана Лесажа: «Мы полагаем, что Квебек является *политическим*

выражением Французской Канады (выделено автором. – Ю.А.) и что он играет роль родины-матери для всех тех, кто в этой стране говорит на нашем языке» [12, с. 68–69]. Это означало, что провинциальное правительство стало считать себя в определенной степени национальным. То же самое относилось и ко всем остальным провинциальным институтам, которые также стали рассматриваться как национальные.

Таким образом, было положено начало переходу от «вне-территориального» франко-канадского сообщества к «квебекской нации», явственно отождествляющей себя с Квебеком, его политическими, социальными, образовательными, культурными институтами, территорией, границами, символами (флаг, герб, девиз, неофициальные символы) и т.п. Этот переход прошел достаточно быстро и в целом завершился уже в 1970-е годы, когда большую популярность приобрела идея суверенитета Квебека.

Рассматривая себя в первую очередь в качестве квебекцев, франко-канадцы переставали ощущать себя меньшинством и, таким образом, избавлялись от преследовавшего их на протяжении двух веков комплекса неполноценности. Что же касается национализма, то он в данной ситуации стал стремительно превращаться из «старого» франко-канадского в «новый» квебекский (франко-квебекский), постепенно приобретающий преимущественно языковой и территориальный характер.

Это резко усиливало противопоставление Квебека всем остальным канадским провинциям, поскольку он претендовал на совершенно иной статус. Он позиционировал себя в качестве единственного франкоязычного государственного образования на Североамериканском континенте, выражающего интересы большинства франко-канадцев, которое должно стоять вровень не с отдельными субъектами федерации, а со всей «Английской Канадой».

Такой подход восприняли все ведущие политические силы Квебека того времени. Сменивший Лесажа на посту провинциального премьер-министра новый лидер партии Национальный союз Даниэль Джонсон (1966–1968), придя к власти, подтвердил, что Квебек для франко-канадцев является «точкой опоры нации». Исходя из этого «он [Квебек] хочет быть хозяином своих решений в том, что касается развития человеческого потенциала его

граждан (то есть в сфере образования, социального обеспечения и здравоохранения во всех их формах), их экономического утверждения (то есть иметь возможность использовать экономические и финансовые инструменты, которые сочтет необходимыми), их культурного развития (не только в области искусства и литературы, но также французского языка) и распространения их влияния (то есть поддержание отношений с некоторыми странами и международными структурами)» [12, с. 66].

«Государство Квебек» выходит на международную арену

Позиционируя себя в качестве выразителей интересов всего франко-канадского сообщества, квебекские власти перешли к отстаиванию его интересов не только внутри страны, но и за ее пределами. Уже при Лесаже в первой половине – середине 1960-х годов в этом направлении было сделано несколько важных шагов. Так, Квебек начал развивать собственные двусторонние контакты с Францией, с которой его связывали не только язык и культура, но и историческое родство. Хотя на первый взгляд такой поворот событий кажется абсолютно очевидным и естественным, следует иметь в виду, что до этого времени квебекско-французские связи были весьма слабыми. Они имели спорадический характер и были ограничены узким кругом лиц (в основном деятелей культуры). Это было связано, с одной стороны, с традиционным враждебно-настороженным отношением франко-канадцев к Франции, в свое время бросившей их на произвол судьбы, а затем «сбитой» революцией с «правильного пути» и погрязшей в «смутах» и «безбожии». С другой стороны, с известным безразличием французов к далекому заокеанскому «осколку» давно забытого ими Старого порядка.

С начала 1960-х годов существенно возросла интенсивность квебекско-французских контактов в разных сферах; они стали приобретать институционализированный характер. Первый шаг был сделан в 1961 году. По инициативе известного квебекского политика Жоржа-Эмиля Лапальма, возглавившего только что созданное в провинции Министерство по делам культуры, была достигнута договоренность о создании в Париже «Дома Квебека». Речь шла о представительстве, которое должно было заниматься, прежде всего, вопросами сотрудничества в сфере образования, науки, ис-

кусства и т.п. 5 октября 1961 года «Дом» был торжественно открыт специально прибывшим по этому случаю во французскую столицу Жаном Лесажем (это был первый визит квебекского премьера в Париж за несколько десятилетий). На церемонии открытия Лесаж заявил, что будет употреблять выражение «государство Квебек» (*l'État du Québec*), поскольку оно символизирует «пробуждение нашего населения». Он отметил, что «государство Квебек – это общая точка опоры, и мы можем и должны им пользоваться, преследуя цели, которые ставит перед нами наше присутствие в канадских реалиях и наше выживание внутри американского мира, культура которого чужда нашей. Силой вещей и по причине необратимых демографических и исторических обстоятельств оно стало нашим общим *инструментом национального утверждения* (выделено автором. – Ю.А.)». Лесаж подчеркнул также, что открытие квебекского представительства во Франции является «логическим продолжением тех действий», которые предпринимаются в самом Квебеке [7, с. 222–224]. Здесь нашли отражение отмеченные выше перемены в восприятии франко-канадцами провинциальных институтов Квебека.

В 1964 году во время своего второго визита во Францию в качестве провинциального премьера Лесаж выдвинул идею заключения прямого квебекско-французского соглашения о сотрудничестве в сфере образования. По его словам, такое соглашение соответствовало «той линии, которую Франция намеревается придать в будущем своей политике сотрудничества с франкоязычными странами, в первом ряду которых находится Квебек» [11, с. 24] (Лесаж «невзначай» перевел провинцию в категорию стран). Французская сторона поддержала эту идею, а канадские власти отнеслись к ней настороженно. Несмотря на это, 27 февраля 1965 года было подписано двустороннее квебекско-французское «согласие» (*entente*) о сотрудничестве в сфере образования. Это было беспрецедентное событие – провинция заключила соглашение с суверенным государством. Оно имело далеко идущие последствия и послужило импульсом для расширения и углубления сотрудничества. В то же время соглашение породило оживленную дискуссию среди политиков и экспертов о пределах самостоятельности субъектов федерации в их действиях на международной арене.

В рамках этой дискуссии 12 и 22 апреля 1965 года вице-премьер и министр образования Квебека Поль Жерен-Лажуа, подписавший вышеупомянутое соглашение с квебекской стороны, выступил с двумя программными речами. В них он отстаивал право канадских провинций и, прежде всего, Квебека на осуществление международной деятельности в тех сферах, которые по Конституции отнесены к сфере их компетенции, особо выделяя сферу образования. Жерен-Лажуа повторил также тезис о том, что Квебек «образует, с политической точки зрения, государство», а кроме того, «является политическим выражением народа, который во многом отношении отличен от англофонных сообществ, живущих в Северной Америке» [9, с. 285–292]. Положения первой из этих речей вошли в историю как «доктрина Жерен-Лажуа» и стали основой последующих внешнеполитических акций Квебека.

Три события: открытие «Дома Квебека» в Париже (в 1964 г. он был преобразован в Генеральную делегацию), заключение соглашения по образованию с Францией и провозглашение доктрины Жерен-Лажуа, – по мнению С. Пакена, позволили Квебеку «обрести международное лицо, что было совершенно необычным для того времени» [8, с. 23].

Успешное развитие квебекско-французских связей в 1960-е годы стало возможным не только (а может быть, и не столько) в силу устремлений правительства Лесажа, сколько благодаря позиции, которую по отношению к Квебеку в то время занял официальный Париж. Президент де Голль внимательно следил за переменами, происходящими во франко-канадском сообществе, которое он рассматривал как «заокеанскую ветвь французского народа». Еще в начале 1960-х годов он не раз высказывался в том ключе, что Французская Канада должна рано или поздно отделиться от Английской и образовать независимое государство. Последнее, в свою очередь, станет естественным союзником и партнером Франции. Именно с учетом этой перспективы, по мнению де Голля, должно было наращиваться французское присутствие в Квебеке и строиться вся политика по отношению к нему [3].

Важными показателями отношения французских властей к Квебеку были протокольные моменты. Так, начиная с первого

визита Лесажа в Париж, квебекским премьерам стали демонстративно оказываться некоторые почести, обычно полагающиеся только главам суверенных государств. Позднее французский МИД присвоил Генеральной делегации Квебека дипломатический статус, по сути, приравняв ее к посольствам.

Во второй половине 1960-х годов в условиях продолжающегося подъема национального движения франко-канадцев (в 1966 г. к власти в Квебеке вернулась партия Национальный союз, выступавшая под ярким лозунгом «Равенство или независимость!») Париж попытался «подтолкнуть» их провинциальное руководство к более радикальным и решительным действиям. События 1967–1968 годов вошли в историю как «голлистская атака» на Канаду. Ее отправной точкой стала речь де Голля, произнесенная им с балкона Монреальской ратуши в ходе официального визита вечером 24 июля 1967 года. Она закончилась словами «Да здравствует свободный Квебек!». Эта речь произвела фурор в провинции и одновременно встревожила и возмутила федеральные власти [1]. Сам де Голль утверждал, что он «отправился в Квебек, чтобы помочь квебекцам вырваться из подчиненного положения» [14, с. 345]. Вслед за этим в конце лета 1967 года французским правительством была разработана обширная программа помощи Квебеку в разных областях. В сентябре 1967 года министр образования Франции Ален Пейрефит по поручению де Голля вел переговоры с квебекским руководством. Он пытался склонить провинциального премьера Даниэля Джонсона к более решительным действиям в «великом деле подъема Квебека», который движется к тому, чтобы «распоряжаться собой во всех смыслах» [8, с. 50]. По сути, французская сторона давала понять, что готова поддержать Квебек в случае провозглашения независимости [14, с. 356].

Однако в тот период глава квебекского правительства Джонсон оценивал сложившуюся ситуацию по-другому. Он, несомненно, разделял многие националистические идеи и также был заинтересован в развитии отношений с Францией. Именно он являлся одним из главных инициаторов и организаторов вышеупомянутого визита де Голля с канадской стороны. При этом Джонсон никогда всерьез не рассматривал возможность отделения Квебека от Канады. В выдвинутом им лозунге на первом ме-

сте стояло слово «равенство». Именно равенства Французской и Английской Канады он хотел добиться в рамках обновленной дуалистической федерации. Для этого ему были нужны, в том числе, и внешние связи, в особенности отношения с Францией – для того, чтобы лишний раз продемонстрировать специфику Квебека и его возможности. Еще в период подготовки визита де Голля, в мае 1967 года, Джонсон заявил, что надеется, что это событие «позволит Квебеку достичь его целей *внутри* (выделено автором. – Ю.А.) Канады» [8, с. 40–41]. В ноябре 1967 года на федерально-провинциальной конференции «Завтрашний день конфедерации» квебекский премьер выступил с программой кардинальной перестройки всего канадского государства на «двунациональной» основе [15, с. 16].

Расчеты де Голля и ожидания Джонсона в тот момент не оправдались: Квебек не стал независимым, реформы федерации не произошло. Однако объективно «голлистская атака» способствовала, во-первых, дальнейшему росту квебекского национального самосознания, во-вторых, привлечению внимания канадских федеральных властей к требованиям франко-канадского сообщества, кроме того, она «открыла» Квебек окружающему миру.

Важным элементом «голлистской атаки» было вовлечение Квебека в международное франкофонное сотрудничество. В январе 1968 года его представитель впервые принял участие в конференции министров образования франкоязычных стран, проходившей в Габоне. По поводу этого канадское правительство устроило дипломатический скандал. С 1969 года Квебек (правда, на сей раз не самостоятельно, а в рамках общеканадской делегации) подключился к процессу институционализации франкофонии. В итоге в 1971 году он получил статус «участвующего правительства» в Агентстве культурного и технического сотрудничества, первой постоянной международной франкофонной структуре [2].

Заключение

За первые 10 лет Тихой революции Квебек добился значительных успехов на международной арене. Были установлены прямые отношения с Францией, положено начало контактам

с другими франкоязычными странами в многостороннем формате. В провинциальном правительстве появились структуры, ответственные за международную деятельность. В 1965 году была создана Межминистерская комиссия по внешним сношениям во главе с Клодом Мореном, ставшим одним из «отцов-основателей» квебекской парадипломатии. При Джонсоне в Квебеке появилось Министерство межправительственных дел, в ведение которого были переданы внешние связи. В провинции была создана собственная протокольная служба. Всё это было теснейшим образом связано с происходившими в это время в Квебеке процессами национального строительства.

Международную деятельность несuverенного актора, целью которой является усиление миноритарной нации в рамках полиэтничного государства, принято называть идентификационной парадипломатией. По мнению канадского политолога С. Паке-на, ее специфика состоит в том, что она напрямую связана с наличием националистического проекта, но в то же время отнюдь не подразумевает обязательного стремления к независимости (то есть не является протодипломатией) [13]. Квебек в 1960-е годы стал позиционировать себя как государство франко-канадской / квебекской нации. Стремление к усилению этой нации внутри страны и обеспечению ее международного признания вывели его на мировую арену, где он смог достаточно громко заявить о себе.

Литература

1. Акимов Ю.Г. «Голлистская атака», или «война с ветряными мельницами»: Франция, Квебек и «остальная Канада» в 1960-е гг. // Канадский ежегодник. – 2013. – Вып. 17. – С. 17–43.
2. Акимов Ю.Г. Квебек, Канада и институционализация международного франкофонного сотрудничества (конец 1960-х – начало 1970-х гг.) // Канадский ежегодник. – 2014. – Вып. 18. – С. 26–49.
3. Акимов Ю.Г. Шарль де Голль и становление «особых отношений» Франции и Квебека // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 6. – 2014. – Вып. 2. – С. 146–152.
4. Коленко В.А. Квебекская проблема в послевоенной Канаде. – М.: Наука, 1981. – 280 с.
5. Коленко В.А. Французская Канада в прошлом и настоящем: очерки истории Квебека XVII–XX вв. – М.: Наука, 2006. – 314 с.
6. Brunet M. La présence anglaise et les Canadiens. – Montréal: Beauchemin, 1958. – 293 p.
7. Canadian Foreign Policy, 1945–2000: Major Documents and Speeches / Ed. by A.E. Blanchette. – Ottawa, 2000. – 262 p.
8. Histoire des relations internationales du Québec / Sous la direction de Stéphane Paquin avec la collaboration de Louise Beaudoin. – Montréal: VLB éditeur, 2006. – 357 p.

9. Les relations internationales du Québec depuis la Doctrine Gérin-Lajoie (1965–2005): Le prolongement externe des compétences internes / Sous la direction de Stéphane Paquin. – Québec: Les Presses de l'Université Laval, 2006. – 324 p.
10. *Leslie P.M.* Ethnonationalism in a Federal State: The Case of Canada / Institute of Intergovernmental Relations // Research Paper. – Kingston (Ontario): Queen's University, 1988. – 48 p.
11. *Morin C.* L'art de l'impossible. La diplomatie québécoise depuis 1960. – Montréal: Boréal, 1987. – 476 p.
12. *Morin C.* Le combat québécois. – Montréal: Boréal Express, 1973. – 189 p.
13. *Paquin S.* Identity paradiplomacy of Québec // Québec Studies. – 2018. – Vol. 66. – P. 3–26.
14. *Peyrefitte A.* C'était de Gaulle. – T. III. Tout le monde a besoin d'une France qui marche. – P., 2000. – 681 p.
15. The government of Québec and the constitution: What does Québec want? – Québec: Office d'information et de publicité, 1968. – 92 p.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Качалова Александра Владимировна,

кандидат политических наук,
Министерство иностранных дел Российской Федерации,
Москва.

E-mail: kachalova@yahoo.com

Alexandra V. Kachalova,

Ph.D. (Political Science),
Foreign Ministry of the Russian Federation,
Moscow.

E-mail: kachalova@yahoo.com

КАСПИЙСКАЯ КОНСТАНТА РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ CONSTANCY OF RUSSIAN CASPIAN POLICY

Аннотация: монография С.С. Жильцова «Каспийская стратегия России» позволяет проследить от Средних веков до современности зарождение, развитие и расцвет политики нашей страны по отношению к Каспийскому морю, народам и странам, расположенным на его берегах. Ярко высвечивается особое значение Каспийского региона для России.

Ключевые слова: Россия, Каспийское море, Каспийский регион.

Abstract: monograph by Sergey Zhiltsov “Russian Caspian Strategy” reveals birth, growth and thrive of Russian policy towards Caspian Sea as well as littoral nations and states from Middle Ages until modern times. Special significance of this region for Russia is displayed thoroughly.

Key words: Russia, Caspian Sea, Caspian Region.

В издательстве «Аспект Пресс» вышла монография С.С. Жильцова «Каспийская стратегия России» [1], представляющая собой комплексное исследование каспийского вектора внешней политики нашей страны от периода раннего Средневековья до современности.

Автор, будучи признанным знатоком и, пожалуй, ведущим в России экспертом по каспийской проблематике, не один де-

сяток лет занимается углубленным изучением вопросов, связанных с историей и текущей геополитической динамикой данного региона. Системный подход позволяет структурировать основные этапы многовекового развития отношений между народами и государствами на Каспии, четко охарактеризовать текущее положение дел и высказать прогнозы относительно перспектив и тенденций будущего взаимодействия в условиях, сформировавшихся в регионе после заключения Конвенции о правовом статусе Каспийского моря.

Первая глава книги приглашает нас заглянуть в далекое прошлое, где нет еще привычных современному читателю акторов международных отношений на Каспии. Тем не менее уже на этапе раннего Средневековья прослеживается главный паттерн взаимодействия этносов, населяющих берега Хвалынского / Хазарского моря. Они настойчиво ищут наиболее выгодные пути торговли, транспортировки товаров, обеспечения безопасности купцов. В фокусе внимания автора оказываются взаимоотношения славян и неславянских народов, ключевые сюжеты развития Волжского пути «из варяг в арабы», связи Руси через Булгар и Итиль с Дербентом, Шемахой, Тебризом, Гилянном.

Волжско-Каспийский путь представлен здесь основной торговой магистралью, связывающей восточных славян с прикаспийскими территориями и странами Востока. Правители Руси с начала IX–X веков пытались овладеть прикаспийскими территориями, поставить под свой контроль судоходство на этом направлении в условиях соседства с мощным государством того периода – Хазарией.

Становление Золотой орды привело к сокращению торговли восточных славян с Каспийским регионом. Однако и в тот период волжский путь не теряет своего значения. С течением времени возрастает роль Казанского и Астраханского ханств, транзитом через Баку и Дербент на север идут товары с Востока, прежде всего шелк. Установлены дипломатические отношения с государством Ширваншахов. В то же время к Каспию присматривается новый солидный игрок – Османская империя, которая наравне с Персией надолго станет основным соперником России в Каспийском регионе.

Особый эпизод – хождение Афанасия Никитина за три моря. Каспий в этом рассказе – ключевое транзитное звено, «портал», через который можно попасть из Московии в сказочный мир Востока.

В XVI веке воротами на юг становится Астрахань, получившая исключительное значение для дальнейшего продвижения российских интересов на Каспии в качестве опорного пункта торговли и форпоста внешней политики. Прямой доступ к Каспийскому морю способствовал развитию не только внешнеэкономических связей русских с соседями, но и в более широком смысле развитию связей европейского Запада с Азией. На Каспии появляется (и вновь надолго) новый серьезный игрок – Англия. Первоначально союзник России, она постепенно трансформируется в довольно коварного партнера, преследующего сугубо свои эгоистические интересы.

В такой обстановке начинается этап освоения данного региона Петром I. Автор метко раскрывает динамичный процесс взаимодействия основных политических субъектов на Каспии, порой плавный, порой скачкообразный.

К моменту прихода молодого царя к власти Россия обладала лишь узким краешком берега на севере моря, по обе стороны дельты Волги. И, тем не менее, Петр I уделяет самое пристальное внимание планомерному научному изучению водоема как с точки зрения топографии и навигации, так и с точки зрения ресурсов прибрежной зоны. Составлена первая карта Каспия, и тем самым установлена сохраняющаяся и по сей день prerogativa России в его научном исследовании.

На Каспии строится флот. Царь стремится проложить русской торговле дорогу не только в Персию, но и в Бухару, Хиву, афганские ханства и Индию. Направлены первые экспедиции к восточному берегу Каспия и среднеазиатским ханствам. Активно используются дипломатические способы для расширения торговли и присутствия России. В результате всех этих усилий в июле 1717 года заключен первый русско-персидский договор. Русские купцы получили в Персии права, обеспечивающие им выгодные условия для проживания и торговли, однако суда пока не получили права приставать к южному берегу моря.

Нежелание Персии идти навстречу российским торговым устремлениям вкупе с амбициозными планами Османской им-

перии по завоеванию западного побережья Каспия стали решающими факторами для подготовки военного вторжения. Сыграл роль весомый экономический аспект: в России развивалось шелковое производство, которое зависело от привозного сырья, поступавшего из персидских прикаспийских провинций.

В 1722 году было принято решение выступить в персидский поход, ставший легендарным. Поставлены задачи: обеспечить полноценный выход на Каспий, ограничить владычество персов в Закавказье, ослабить позиции османов, усилить Грузинское царство и создать армянское княжество под российским протекторатом (всё это идет вразрез с устремлениями как турок, так и англичан). Внезапное, ошеломившее продвижение русских войск вынудило Персию отказаться от сопротивления и согласиться на переговоры о заключении мира [3, с. 52]. В сентябре 1723 года подписан Петербургский трактат, по которому России отошли западные и южные области каспийского побережья, включая Дербент, Баку, Гилян, Мазендеран, Астрабад. И хотя впоследствии договор не был ратифицирован, он имел большое политическое и экономическое значение: прегражден путь османскому завоеванию данной местности, предотвращен раздел Персии между Османской империей и афганскими феодалами, Россия получила контроль над огромной долей шелководческих районов, развитие получил рыбный промысел. Немаловажен был и доступ к хлопку и рису. В данном контексте в 1724 году был подписан трактат о разделе сфер влияния на Кавказе с Османской империей, подтвердивший закрепление российского контроля, установленного по итогам похода.

После смерти императора Россия на время отказывается от активной политики на каспийском направлении. Более того, Персии возвращены все территории, приобретенные Петром I, ликвидирована Каспийская флотилия. Ослабление позиций России позволило Лондону действовать в регионе более активно. При его помощи Тегеран пытался создать свой военный флот на Каспии.

С воцарением Екатерины II каспийское направление вновь возвращается в число внешнеполитических приоритетов. Была снаряжена экспедиция к восточному побережью, составлена усовершенствованная морская карта. В Каспийском море постоян-

но находились русские корабли, плавание персидских кораблей у северных и западных берегов не допускалось. Транспортировка товаров разрешалась только на русских судах. Кроме того, военная эскадра находилась и в южной части моря для защиты от грабежей. В 1796 году была предпринята довольно успешная военная экспедиция против персидских войск, остановленная в связи со смертью императрицы.

Главной характеристикой рубежа XVIII–XIX веков в Каспийском регионе и Средней Азии, по мнению С.С. Жильцова, становится нарастание соперничества России и Великобритании. Заключенные в 1801 году англо-персидские соглашения были нацелены на ослабление влияния России на Каспии. Англичане потребовали от шаха разрешения на строительство своей базы на берегу Каспия, пытались закрепить монопольное право на торговлю гиланским шелком.

Русско-персидская война 1804–1813 годов завершилась заключением Гюлистанского договора, по которому к России отошли Дагестан, Грузия, Имеретия, Гурия, Мегрелия, Абхазия и ханства – Карабахское, Гянджинское, Шекинское, Кубинское, Бакинское, Ширванское, Дербентское и Талышское. Каспийское море определено как внутреннее «озеро России», зафиксировано исключительное право России держать там военный флот. Таким образом, созданы благоприятные условия для продвижения российских интересов на восточном берегу Каспия.

Персия, подстегиваемая Англией, упорно пыталась ревизовать Гюлистанский договор. Ползучее размывание согласованного режима вылилось в открытое военное вторжение на российскую территорию в 1826 году. Несмотря на внезапность нападения, Россия сумела не только остановить наступление, но и восстановить статус-кво. Затягивание персами переговорного процесса спровоцировало наступление русской армии. После занятия значительных персидских территорий все условия, выдвинутые генералом И.Ф. Паскевичем, были приняты шахом. В феврале 1828 года был подписан Туркманчайский мирный договор, формально отменявший Гюлистанский, но фактически подтвердивший многие его положения и ставший основой для отношений двух держав вплоть до 1917 года. Была установлена и максимально точно отображена русско-персидская сухопут-

ная граница, признано исключительное право России на военное присутствие в акватории. Правами на торговое мореплавание обладали только Россия и Персия. Таким образом, по Туркманчайскому договору Каспийское море оказалось в эксклюзивном владении этих двух государств, и такое положение сохранялось вплоть до распада СССР.

XIX век отмечен дальнейшим продвижением России на Восток. Через 100 лет после первой попытки на восточном побережье Каспийского моря появляется русская крепость. Создается пароходство. В Астрабадском заливе на острове Ашур-Аде основана Астрабадская морская станция, позднее – Астрабадский торговый дом.

Завоевание восточного побережья Каспия, распространение российского влияния на Южный Казахстан, Северную Киргизию, Туркменский и Самаркандский оазисы превратило Россию и Персию в непосредственных соседей в Средней Азии. В декабре 1881 года в Тегеране была подписана русско-персидская Конвенция о разграничении между русскими и персидскими владениями к востоку от Каспийского моря.

В монографии особое внимание уделено растущему на рубеже XIX–XX веков значению нового ключевого фактора каспийской политики – нефти. Автор показывает хитросплетения и перипетии геополитических баталий, разворачивающихся вокруг энергоносителя.

Великобритания фактически монопольно закрепила в южных районах Персии и настойчиво предлагала России официально разделить страну на зоны влияния. Обе великие державы последовательно внедрились в экономическую жизнь восточного государства, предоставляя займы, получая концессии на добычу полезных ископаемых, строительство дорог, телеграфных линий и т.п. Конкуренция Петербурга и Лондона неуклонно нарастала. На фоне неудачи в русско-японской войне и революции 1905 года Россия в 1907 году пошла на заключение англо-русской Конвенции по делам Персии, Тибета и Афганистана, по которой за Россией остался контроль над северной территорией Ирана, за Англией – над южной, а между ними была образована нейтральная зона. Важным аспектом стала гарантия невмешательства в персидские дела третьих стран, прежде всего Германии. Данное со-

глашение практически не принесло плюсов Российской империи, поскольку при поддержке Великобритании в Персии сменился шах, ситуация усложнилась, положение русских подданных и капитала в прикаспийских районах ухудшилось.

Революция 1917 года и Гражданская война имели весьма яркую проекцию на Каспий. Здесь – и череда бурных событий в Баку, и «красная» Астрахань, и легендарный десант Каспийской флотилии в Персию за судами, угнанными белыми, увенчавшийся полной победой в Энзели над владычицей морей Великобританией. В этом контексте стоит вспомнить и советский Гилян, и не ставший советским Иран [2]. Каспий не просто разделил историческую судьбу всей России – он сыграл во многом определяющую роль в формировании молодого государства.

Своеобразный итог этого турбулентного периода – подписание в 1921 году Договора о дружбе между РСФСР и Персией, заложившего международно-правовую основу для использования моря в XX веке. В документе Россия отказалась от всех трактатов, договоров, конвенций и соглашений, заключенных царским правительством с Персией, приводивших «к умалению прав персидского народа», а также от аналогичных договоров с европейскими державами в отношении стран Востока. Вместе с тем граница в варианте 1881 года оставалась неизменной, хотя от островов в южном Каспии Россия отказалась. Персия обязалась не допускать нападения на РСФСР со своей территории или использования своих судов «вредными элементами». С этого времени иметь флот и пользоваться свободой мореплавания на Каспии стали обе страны, и только они. В развитие этих принципиальных положений в 1927 году был принят ряд двусторонних документов, среди которых выделяется соглашение об эксплуатации рыбных промыслов южного побережья Каспийского моря, фактически передававшее СССР концессию царских времен. Важнейшее положение находим также в нотах того периода, где фиксируется «обоюдный интерес, чтобы Каспийское море было исключительно советско-персидским» [1, с. 105].

В монографии внимательно прослеживается развитие и дальнейшее закрепление этого режима в двусторонних документах 1931, 1935 и 1940 годов. Базовой остается норма

о «закрытом» статусе водоема: на Каспии могут присутствовать суда только под флагами СССР и Ирана. Обозначена «эксклюзивная» рыболовная зона – 10 морских миль от берега. Такой правовой статус сохранился вплоть до современного периода. Читателям будет небезынтересно найти в книге неизвестные широкой аудитории подробности того, как этот порядок соблюдался на практике.

Важными приметами советского этапа названы открытие морских месторождений углеводородов на Каспии, последующая их фактическая консервация ввиду приоритетности иных зон добычи в СССР. Кроме того, внимание читателя фокусируется на политике по сохранению и воспроизводству запасов осетровых видов рыб, основанной на системном научном подходе к проблеме и эффективном функционировании механизмов контроля за рыбным промыслом. К 1970-м годам Каспий стал запозвальной зоной.

С распадом СССР главной движущей силой по пересмотру устоявшихся рациональных подходов к использованию моря стали западные страны, не оставившие и через 70 лет, как выяснилось, своих многовековых устремлений внедриться в этот регион. В книге детально изложен почти детективный ход событий по выработке и заключению «контрактов века» между молодыми постсоветскими государствами и нефтегазовыми корпорациями. Описан напористый стиль новых игроков, попытки установить свои правила игры, «вскрыть», интернационализировать море. За инвестициями и строительством объектов инфраструктуры последовали планы по охране «нового порядка». Коммерческие проекты неизменно шли бок о бок с политическими и военно-политическими инициативами. Даже экологию, включая рыбоохрану, пытались «подмять» под себя внерегиональные каспийские дельцы.

Всему этому пять прикаспийских стран противопоставили единственно возможный и действенный метод – они приступили к самостоятельной, кропотливой, длительной, но тщательной проработке вопросов нового правового статуса Каспийского моря, согласованию правил сосуществования и сотрудничества в общем водоеме строго на основе консенсуса и при обязательности учета интересов всех сторон.

После первых консультаций, последовавших за образованием на Каспии новых государств, в 1996 году была создана Специальная рабочая группа на уровне заместителей министров иностранных дел в целях разработки всеобъемлющей конвенции. В дальнейшем появились и другие «отраслевые» дискуссионные платформы, позволившие параллельно согласовывать параметры совместной деятельности на Каспии.

Особое внимание автор уделяет каспийской политике нашей страны при Президенте В.В. Путине, в результате которой удалось добиться впечатляющих успехов. Если в начале 2000-х годов пять прикаспийских государств находились практически на противоположных позициях в отношении многих вопросов на Каспии, в том числе таких существенных, как принципы разграничения дна и акватории моря, военная деятельность, строительство трубопроводов и т.п., то в 2018 году удалось подписать Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря. Помимо этого за истекший период согласованы и приняты более 10 совместных пятисторонних документов в таких областях сотрудничества, как безопасность, борьба с терроризмом, экономика, транспорт, экология, биоресурсы, предотвращение чрезвычайных ситуаций и др. Фактически сформирован региональный механизм взаимодействия с устоявшейся правовой базой и переговорными площадками всех уровней – от рабочего до высшего.

Краеугольным камнем сформированного на новом витке развития режима остались именно те принципы, которые исторически отстаивала здесь Россия: Каспий остается внутренним, закрытым морем, исключительной компетенцией и юрисдикцией в котором обладают лишь прибрежные страны. Силовое присутствие внерегиналов запрещается. Гарантирована свобода судоходства и рыболовства для прикаспийских государств при соблюдении общих правил. Все ключевые вопросы каспийской повестки дня будут решаться «пятеркой» коллективно на основе договоренностей. Каспий провозглашен морем мира и сотрудничества.

Монография С.С. Жильцова «Каспийская стратегия России» представляется весьма полезной для специалистов по каспийской проблематике, содержит немало нового для широкого круга читателей, интересующихся историей нашей страны.

Литература

1. *Жильцов С.С.* Каспийская стратегия России: монография. – М.: Аспект Пресс, 2020. – 304 с.
2. *Лещенко В.* Персидские шахматы – Москва против Лондона // Независимая газета. – 2010. – 18 июня. – URL: http://nvo.ng.ru/history/2010-06-18/12_chess.html (дата обращения: 03.04.2020).
3. *Широкопад А.Б.* Борьба за Каспий и Каспийская флотилия. – М.: Вече, 2016. – 400 с.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой **«статья принята к публикации в журнале “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»**.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

Для каждой статьи **обязательна рецензия**, подписанная специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Для статей **аспирантов и соискателей** необходим отзыв научного руководителя.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания – 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. **Объем статьи не должен быть меньше 25 тыс. знаков и не должен превышать 60 тыс. знаков (с пробелами) без учета аннотации, ключевых слов и списка литературы.** Таблицы представляются в формате Word, графич-

ки и диаграммы – в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей. Материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Каждая статья в конце сопровождается нумерованным перечнем использованных источников и литературы («Литература»), расположенных в алфавитном порядке:

– *для книжных изданий*: Автор. Название / пер. с англ. (нем., фр. и т.д.) – Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. – 000 с.;

– *для периодических изданий*: Автор статьи. Название // Издание. Год. Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. С. 00–00;

– *для интернет-источников*:

1) Автор. Название // Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно). – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Или

2) Название материала // Название сайта. – Режим доступа: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах. Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [8, с. 12] или [8, с. 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки-примечания должны иметь постраничную нумерацию.

Материалы следует присылать по электронной почте: **vestnikdipacademy@yandex.ru**

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- сведения об авторе на русском и английском языках;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;
- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- литература.

Научный периодический журнал

**Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир**

2020. № 2 (24)

Редактор *Н.В. Багорова*
Корректор *Н.В. Мартыненко*
Верстка *Т.А. Пробьловой*
Художественный редактор *В.Р. Димухамедова*

Подписано в печать 26.05.2020. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 19.68
Тираж 116 экз.

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издательство: ООО «Квант Медиа»
125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80
www.kvantmedia.ru

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5